

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899

Прикажу я двару и гавару: «Ну, малъ, мамъ! Усяго давайты! Ну падёмъ. Самсонъ, муку забирать, вино». — А свякровья гаварить:

— Забыла, мѣлодь, маслица пупрасить канаплянинькига.

Я узила бутылку и пашла съ мальчыкымъ съ етымъ.

И забрала усяго и приписла усяго двару. Пришѣдши жъ няму вопасли публагадарила иво, што много, Иванъ Ивановичъ, вами доволна, што вы мне при базышомъ горю не бросили.

— Што-жъ дѣлать? Хлапачи! свякрова твоя, Ульянушка, ни дужа смѣлая ни распарядитца.

Прикажу — ана, свякроўя, — галосить, плачить, вѣданшь.

— Што-жъ ты, мамъ, плачишь?

— Благадарю жъ тибѣ, маладаичка, што ты вокала иво хлапочишь! Яво ты схарѣнишь — хто мне тахта будить харанить? — И тибѣ тахта ни бросю, схараню. Тады, молъ Самсонъ, подрастетъ, посмыслѣнитъ. Тады молъ ни одна я буду хлапатать вокала тибѣ.

— «Тады, малодушка, ни бросай мне!» апать загаласила, падходить ка мнѣ и хочить мнѣ, вѣданшь, кланитца у ноги».

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я, молъ ётыва ни стою! Ни плачь, ни гарю! Сынѣ ни стануть харанить — я одна тибѣ схараню, ни бросю.

Ну, какъ подымали харанить, я усихъ, вѣданшь, праслязила:

— «Съ кимъ ты насъ астаўляишь? на каво, вѣрна, паначѣиця. Каму ты приказалъ вѣрна хлапатать вокыла свайго двара?»

Расгиряимъ, батюшка, усю тваю дамбвычку за нидѣлю... Падашла да стала подлѣ матери — свякроўи и галашу:

— А гдѣ жъ намъ найтить такова-та батюшку радиминькава? Вѣрная наша была надѣжичка — батюшка радиминькій! Патирали мы тибѣ, батюшка радиминькій, рабочи были наши ручишки, зависны были глазушки! И какжа намъ, батюшка тибѣ съ двара праважать?

«Разстанься, батюшка, наша тѣла съ душою, да ни мы съ табою!.. Какъ жа намъ, батюшка, глядѣть на тваю работачку? А гдѣ я пѣ двару ни пайду, а гдѣ я ни гляну, усѣ твая работачка ляжить. Какъ жа намъ на іѣ глядѣть? И какъ жа намъ, батюшка, тибѣ забывать? Ты на лавычки ляжишь, а намъ усѣ работачку находишь... Тамъ намъ усѣ дѣла находишь — будта самъ паработываишь.

Многа я табою доволна, што ты хучъ на лавачки лежалъ, а усѣ застаўлялъ насъ работать. Севодни ты, батюшка днюишь на кѣнъку, ляжишь и ничиво жъ ты намъ ни кажишь.

Падхажу я къ тибѣ зѣ динь четвѣртай разѣчкѣ, и никакжа я тибѣ ни дабудилася. Какъ жа мнѣ съ мамушкой быть и какъ жа намъ твоѣ хозяйства судиржать?

Мы тахта, батюшка, твоѣ хозяйства ни садѣржимъ, какъ ты намъ при-

казывалъ; мы твоё хазяйства за нидѣлю стиряимъ. Падходить ко мнѣ народу (народу была полна хата) и мене ваймають:

— Бѹде галасить! Какъ нибудь будишь жить!

Нилзя мнѣ унѣтца! Никакъ я свай сердца ни астанавѹ. Я бѣ радѣ астанавить свай сердца, да нѣ на кыга мнѣ начѣйтца. За то я на тебе, батюшка, пниаю, што ты мене абманулъ!.. Абманулъ ты миня тѣмъ, што узялъ за дурака замужь!.. Я ать тебе етыга ни думала, што ты скоро памрешь!.. Дабрѣ ты свора, батюшка, насмѣялся нада мною съ матушкой!..

Я стала приказывать:

— Свинься, батюшка, сизаю бѣлаю гадубычкаю, приляти къ намъ на ета на большая горичка!.. Какъ намъ съ табою съ мамушкамъ ета хазяйства тваѣ судиржать. Народъ, вѣдаишь, всѣ мене вайймаить; народу, вѣданшь полна хата, и народъ праслязился.

— Будить тебѣ, дѣвчыка, галасить; а то свякрова плачить обмерда!

Я еѣ, вѣданшь, абмарѣла.

Туть я унилась.

Падхажу къ свякрѹви, да вадицы ей у ротъ улилѣ, ана сѣйчасъ и абразумилась. И гаварю я: Уся нѣша горя—маѣ! Усю навѣлку на мене узвалили, Какъ намъ быть? Какъ намъ жить. Я ѣѣ заставила:

— Ты, молъ, сѣѣ муку и станави, молъ лепѣшки! А я, молъ, пайду къ батюшкѣ, хѣ папу, скажуся. Сабралась да пашла хѣ папу. Прихажу хѣ папу, Богу пумалѣлася, помалѣмшисъ Богу, гаварю:

— »Здароѹ, батюшка, и зѣ матушкаю!»

— Пѹмиръ свекаръ?

— «Пѹмиръ. батюшка».

— Разжилась, Ульянушка, што харанить, ай нѣтъ?

— «Нѣтъ, батюшка, усяго разжилась! Хто жѣ табѣ далъ?»

— Молъ, батюшко, Иванъ Ивановичъ усяго мнѣ даставиль.

— «Ну, слава Богу. Ну, гатоѹтися—схараню».

— Што, батюшка, съ мене за работу вазьмѣшь.

— «Я, матушка, лишнива ни биру—што съ людей беру, то и съ тебе вазьму».

— Батюшка, подешевди съ мене вазьми—намъ взять не съ кимъ и раднѣ у мене нѣту. Свекрѹвья, батюшка, ни смѣлая баитца.

— «Ну, ну! рубликъ вазьмѹ—болѣй ни вазьмѹ».

А у церькви за свѣчки асабливая будишь платить—кольки, глѣдя па народу, свѣчей будишь брать.

Туть ѣонъ, бѣтъкя, и пашолъ изъ кухни у горницу. А матушка и гаварить:

— Ты, Ульянушка, я слыкала: дужа галасишь—ты ни галаси!

— Какжа мнѣ, матушка, ни галасить? Добре мнѣ не за кимъ узѣтца.

Девирь младѣ—ничаго ни знаить. Я бѣ и рада уняласъ, дабрѣ ничаво ни

падѣлаю, дабрé мой ничаво ни панимайтъ: сидитъ, какъ плаха. Юць ничаво ни знайтъ; я яво ни къ чаму ни застаўляю.

Матушка приказывайтъ:

— Ня дужа ты, дѣвчычка, плачъ,—а то свякрову дужный у горя увядѣшь. Становитца іё дѣла къ старости. Какъ парядкамъ схарóнишь, парядкамъ будишь па хазайству вестъ—будишь и жить

Пашла я атъ матери двару, прихажу:

— Слава, молъ Богу!

— Слава Богу какъ нибудь схаронимъ!

Муж сидитъ и малчить. Мужа атъ папа пришóдши, паслала ямку рыть.

— Мáмо, ты пашли майво мужа ямку-то рыть.

Мать яго паслала:—ты вазыви каво пазави!—Пазвалъ мужичка, паабѣдалъ и пашолъ ямку рыть.

А мы съ свякроўю хлапочимъ, сабираемса вóкыла двара.

Схаранили ягó. Съ пахаронъ пришли, и сказала:—Ну, молъ мамъ, слава Богу! Харашо схаранили!

И пришли съ народамъ, и пашолъ у насъ абѣдъ. И кормимъ, вѣданшь, народъ и виномъ поимъ. Народъ заставаю: «Тётушки, дядюшки, ѣшьтя, ѣшьтя! Самсонъ—приказываю мальчику—пойтя—кормитя мужиковъ вдóвали!

Ни абижаитися—приказываю народу—нашъ атѣцъ былъ члавѣкъ простый, харошій!...

А мужики гаварять:

— Ну, и схаранила харашо, матушка—ни нада абижáтца на тибé!

Какъ мнѣ Гасподь призведётъ съ матирью пажитъ? Гаварю я съ народамъ—та, съ ними—та талкую.

Ежэли, молъ Самсонъ, такъ-та мине будитъ слухать, какъ я отца слухала—и жить, молъ, будимъ.

Мужикъ адинъ гаварить:

— Ды и я такъ палагаю. Если слухать онъ будитъ—и будитя жить!

— «Нѣтъ, маладаичка, атказывайтъ Самсонъ: буду жить, буду слухать и почитать. Харашо, што атца дабрé схаранили, вóчинь харашо.

Я и самъ, дядюшка—приказывайтъ мужикамъ—я отъ ніе самъ етыва ни думалъ.

— «Я, мальчикъ, ни дли табѣ старалася, а ли сваей души».

И стала казатъ мужикамъ кой какымъ за абѣдамъ:

— Я, молъ, дядюшки, зачалась у горю. И зáмужъ, молъ, дядюшки, папала мнѣ щастя плахóя.

Вотъ, мальчикъ, харашо атца схаранили?

— Харашо, маладаичка.

— Такъ та, молъ, вырастишь—ни брасай мине такъ-та.

Ты, видишь, какая мая надѣжа вѣрная сидитъ на лаўки. Онъ садѣтъ на

лаўки и ни паніманць, што ацець умёръ. Іонъ, моць, и ни адной слязы ни ураниць, што ацець умёръ. Іонъ и ни паніманць, видишь, што ацець умёръ...

Мой мужъ атвѣтилъ:

— Адна ты паніманішь!

А Самсонъ мальчикъ атвѣтилъ ему:

— Сиди, дубина! Эта тваё была дѣла старатца харанить атца... Эта тваё была дѣла хлапатать... А сирчать-то ты знаишь.

А мать атвѣчае:

— Ничаво ты ни знаишь — и малчи!.. Я пастарій и тобъ ётыми дилами ни распарядилась...

А народъ свякрови за сталомъ сказалъ:—«Правда, тётушка, правда»!... Народъ вылазить изъ-за стала и молитца Богу.

Народъ вылазить изъ-за стала и публагадаряить, и я ихъ публагадарила, низка пакланилася имъ и публагадарила.

— И васъ блгадарю, мужички, блгадарю васъ, рибятушки, што вы мне ни аслуhalись.

Какъ народъ изъ-за стала вылѣзъ, хочуть иди двару-та:

— Натя моць, гулубятчакі, памяннтя маіго свѣкара, нашига батюшка — и всиць такъ-та приказывала.

— Ну, блгадарю, блгадарю! Народъ такъ гаварилъ, каво я адилла, хто начивалъ по нѣмъ-та.

Адна старушка старѣнкія начивала, да и кажить моей свякрови:

— Ну, Анютушка, бабычка (эта про мне) тибѣ ни плахая напалася.

А свякроўя кажить:

— Бабычка — блгадарю Богу — напалася харошія. Развѣ хто разстроить — боюсь — жить са мной ни будить... А я сказала:—Нѣтъ, мамушка, я, моць, васъ ни бросю — ни бросьти вы, моць, мне... Ты видишь, моць, какъ атца схаранила — такъ та и тибѣ схараню.. Ана мнѣ сказала, — узила мнѣ кланитца Я іе ни дапустила, узила да астанавила: нѣтъ, нѣтъ, мамачка! рукою за плечи узила да и астанавила:

— Видно, мнѣ съ малства Бохъ далъ у гори жить — видна, я етыва ни стою.

Мать ничиво ни змѣвила, сѣрца ни астанавила, взила и абмирлѣ. Апяць ей вадицы дала у ротъ; ана такъ прѣма аташлѣ и стала гўтарить. Я ей приказывала:

— Ты, мамушка, ни плачь! Хочъ на лавычки сиди ни работай, да заставляй насъ кой-што дѣлать, какъ батюшка: мнѣ съ табой виселѣича.

Моць, батюшка умёръ и ты такъ-та умрешъ, — аставишь адныхъ; ты паживи штобъ мнѣ Самсона съ табой ажаниць.

Ана астипинилася — ни стала плакать — и жили харашо — и слухали дружва дружву — и землѣ диржали — и присѣвакъ и подать платили: за нами подать ни стаяла.

13. Какъ вырастила Улита и оженѣла деверя. Послѣднія минуты свекрови, ея совѣты.

Вмѣсти съ девиримъ хадили у работу, у драва: берѣсту драли, драва рѣзали. И приняволила я свякроўю:—«давай, молъ, оженимъ Самсона осенью»!.. Перегутадила съ свякроўю адна—іонъ ища етыхъ дялоў ни знаить.

Іонъ вѣдаишь у дравахъ былъ на работи на лашадяхъ, драва вазилъ.

— Самсонуска?

— «Що»?

А дѣла эта была вечирамъ.

Што я табѣ хачу сказать.

И сидимъ мы уси трѳа на лавычки и свякрова падлѣ мине и думаймъ.

— «Нада, мальчикъ, тѣбе ажанитъ». Іонъ усмѣхнулся и кажить:

— «Хитро наша малодка думайтъ».—Ана думайтъ ажанитъ, шутитъ, а деньги—дѣ? Эта жанитца—ни шутитъ, малодка?..

А я яму гаварю.

— «Чаво молъ ни жанитца?

У насъ хлѣбъ свой у волю зарадилъ. И крупы двѣ четверти хорошиі нарушили; намъ тольки одно вино и папу за винчанія заплатитъ. Паднялись мы жить харашо...

И ни думала и ни чаяла я, што такъ-та будимъ жить харашо, атца схараня и очинь радá и даво́льна Госпаду Богу, што харашо жили—другъ дружку слухали. И девирь былъ ўминъ, а то ища пасмыслинѣлъ и паумнѣлъ—весь какъ атець: и руководѣльный, и на'бычай харошъ.

— Эта ты, малодъ, съ дворникамъ пригавари.

Какъ дастъ вина чатыри видра, то и аженимся: тагды харашо мнѣ мѣсту искать.

Вѣдаишь, я прихажу хъ дворнику, Ивану Ивановичу. Прихажу, пумалилась Богу:

— «Здароў, Иванъ Ивановичъ»!..

— Ну, што, Ульянушка, хорошиньвѣа скажишь?

А я, молъ, хорошиньвѣа скажу:—да вашій милысти!

— Намъ жалантца съ матирью Самсона жанить.

— «Эта дѣла ни плахая! Эта харашо бъ, када бъ ана сама иво при жиўности жанила»!..

— Молъ ты намъ, Иванъ Ивановичъ, вина намъ адалжи, а деньги у насъ сваѣ есть.

— «Ну гаварить: дамъ»!...

Прихажу я къ свякроўи и гаварю.—Далъ, патаму сказалъ дамъ, што яму усѣ атдаваимъ, какъ пенькѳю и какъ канаплю сѣимъ.

Мы утройки всё, вѣдаишь, придумали, узили, да и сасватали дѣўку, у Тирабени сиротку узяли за ниво.

Напирѣдъ я адна пришла къ ней; ну, вѣдаишь, пришла. У неѣ была мачиха, а у мачихи былъ сынъ.

— Здароў вамъ!

Маей нивѣстки мачиха гаварить:

— Ничайный гость пришолъ.

Тутъ-та восинь! у мене женихъ, у васъ нивѣста — давай, молъ, параднимся.

Перебалакали.—Пайдешъ ты, Игвѣшка, гаварю нивѣсти за нашига Самсона?

Ана, Игвѣшка, у нашига сусѣда у батрачкахъ поплить съ нами лѣтывала и Самсона знала.

— Пайду.—Съ ахотыю нашла сразу.

Дальши мы съ свякровьею пришли къ ней Егвѣшки, пумалились Богу, затѣплили свѣчку, сваю усю срдычъ собрали. Са двара мы приѣзжали усяго троѣ. И стали дагавариватца:—многа ли Егвѣшки выгавара дадитя?

Свякроўя мая баитца—малчить; а я гаварю: «Свашичка, сами себе ни скуднѣти и насъ ни абижайти».

Сваха я гаварить:

— Видна, чатыри рублики выгавару съ васъ вазьмѣмъ!..

А я гаварю:

— Чатыри рубли, молъ, сваха, дорга—вы вазьмити трайчокъ.

Свахъ гаварить:

— Трайчокъ и трайчокъ! Дай Бохъ часъ!

Свитку мы дали нивѣсти—ета ать жиниху водитца—анучки дали п четверть вина (ета ать жиниха водитца).

Патомъ стали прамизъ себя дома спраўлятца, какъ свадьбу-та играть.

Вино дворникъ далъ, изъ харчей у насъ быле сваѣ. И вѣдаишь черезъ двѣ нидѣли малыга ажанили. Привили маладайка.

Два года съ свякроўю жили харашо, ладили, ни ўздѣрили: што ни заставю, маладайка слухалась. Бывала, усѣ дѣлала. А тутъ свякровья умирать стала, и приказывала, вѣдаишь, свякроўя Самсону:

— «Самсонушка, живитя какъ при мнѣ жили: слухайтись, вакъ слухались. Я радá, што бабы прамизъ себе ни бранились-та...»

Самсону-то напередъ приказываить, а я всё малчала, выглядывала, пакэль ана яму усѣ приказываить.

— «Ты жъ, Самсонушка, маладайка-то ни брасай: ана усѣ харашо дѣлала!..»

Намъ жа и грѣхъ Самсонушка забыть! Вотъ атца схаранила—хлапатала, и тебе жанила, хлапатала. Твая баба сирдитая! Я вижу: у ней ни такой абычай, какъ у Улиты. Ты разгнѣвишь іѣ, ана усѣ за тваю нѣшу бирѣтца, усѣ вырабатываить, усѣ ни мѣчить, усѣ нужды твои напалняить. Улита жениныхъ ричей ни слухай. ни брасай ей. Хочъ вы ни падладитя, раздѣлитись—и то ни брасай! Хочъ раздѣлисья—и то ни абижай. Грѣхъ намъ будить... іе... забыть!..

Какъ атець атказывалъ: атдай! И я приказываю:

Штобъ ты сполнилъ ёй!

Штобъ ана ни плакалась на насъ!..

А ежели будутъ прамизъ сябе бабы ладить—живитя у мѣсть, гаварить.

— Я жъ ба и радá ей, кали будить жить.

Я яму сказала:

— Я моль, мальчикъ, радá, када бы вы ни бросили мине-й та!

Кали бъ у мине рибятки, и то всиво двѣ дѣвчыки. А другая дѣла, мужъ мой плахой,—куды я съ ними дѣнуса?

Стала свѣкровья приказывать:—а ты, галубучка, держись за няго—ни атхадй!

— Ды съ нимъ я усё падладю, абычай у няго харошй, а съ бабой-то, ня бось ни падладю, бабушка!..

— Ну, тады, мая дѣтычка, въ избушничкѣ склади печичку—печки адной нѣту дóбре—и живи, какъ нибудь съ дѣвчакми, какъ тябѣ Бохъ дастъ. Какъ нибудь будишь жить, будишь кармитца—ты свaimъ абычаимъ увездѣ падладишь:

Ты, маладаичка, мине палуччи схарани,—какъ атца-та харашила,—А я гаварю: ница тибѣ луччи схараню: хлѣбушка у насъ свой есть и усѣ, усѣ сваѣ есть.

— Такъ-та, маё дѣтычка, пагаласи па мнѣ, какъ па атцу: добре жъ ты лóба па атцу галасила, весь народъ праслезила!..

А я и гаварю:—«Па тобѣ, мамычка, я ницо луччи пагаласю, патаму што я на тибѣ начáллась. Усѣ я за тибѣ диржалася. А тагды мнѣ горя болй привалитца, какъ ты памрешъ.

Вотъ у тибѣ двѣ дѣвчыки падростуть, пасмыслинѣють,—можить горя усѣ будить ни такая, можить, ionъ (мужъ мой) вѣдуритца, мóжить бытъ, абáпылъ двара будитя капатца, жить будитя.

«Малодь, я вижу, баба, Егвѣшка сурьѣзная,—ни падладитя. Твой мужъ у работу ни дахóдитъ да ея мужа—ана абйдитца, што ie мужъ болй работантъ. Ежели ни падладитя, то хучь душу зимили вазьми—хочъ картошки сади—будишь кармитца»... Эта ана мнѣ съ дѣвчакми приказывантъ.

«Ты жъ ни мичи ево, дурака, ни брось иво! Застаўляй такъ-та, дабромъ—што жъ дѣлать? У яво тольки видна панятѣя.

Пажалуйста, ни брасай, иво,—пажалуйста!

Хуть абчаша, абмый»!..

— Ionъ, мамычка, добре нихарошъ, а люди разстрóють: тахта ionъ самъ са мною ня будить жить. Ionъ хочъ на ета дурной—памятѣть на еты слава, хто што яму ни скажитъ.

— Онъ сабѣ только ни слухантъ, а ты, дѣвчычка, ни схади далоу съ двара, я тибѣ дабромъ упрашаю.

— Переслúхантъ чужихъ рѣчей—минѣ съ дѣвчакми далоу съ двара сгóнють.

— Кто тибѣ, дѣтычка, сгонить, калиты ни пайдешь съ двара. Живи, живи!
«Я таво то, матушка, баюсю, што астанусь такъ!»

Ана приказываить:

— Нихто тибѣ ни сгонить; сиди смѣла въ углушку, да лоу съ двара ни хадѣ! За то тибѣ намъ намъ жалко, што ты насъ старикоу ни бросила! Типерь, дѣтычка, усѣ я съ табою пиригутарила п удѣвалъ я съ табою, дѣтычка наба-
лѣзалась.

— «На етымъ, мамычка, тибѣ благодарю, што мине ты усѣ харѣшиму научашь»...

— Вотъ мамычка за тыи-та слава дужа харашо схзраю! а сама подли
лѣ плачу, а ана мине усѣ ваймайтъ.

А я усѣ атвичаю:

— Я бѣ, маминька, никакъ ни плакала, да слѣзъ никакъ ни удержѣшь!

— «Да я знаю што ни удержѣшь!»

Я зная, што па сваей удали кармитца будѣшь, будишь жить.

А тутъ жа девирь сидить, тутъ жа и нивѣстка; ана усѣ балакаить са
мною, ана мине всѣ ваймайтъ.

И приказываить свякроу:

— «Ягдка мой, у рѣдкую стежку, дужа ни агарчай!»..

Ни мичи ихъ!.. А то ана плачить, што нѣ за кыга еѣ узятца!

А ювѣ отвѣтилъ:

— Бабы урошливы! Кто ихъ астановить! бабѣ нихто ни астановить;
мужикъ скарѣи обыйдѣтца!..

Теперь маи дѣтычки усѣ вамъ приказала, усѣ! живитя харашо!

Они малчать абѣя съ жаною, а я сказала:

— На етымъ спасибо, што ты харашо имъ сказала, я да самыи смерти
на етыхъ славечвахъ всѣ буду тибѣ пумпнать.

14. Причитанія по свекрови. Улита снова причитываетъ свекора и
слегка упрекаетъ его. Обращеніе Улиты въ причитаніи къ деверю,
чтобы онъ ея не бросаль.

Умирла на третій день.

Галасила па ней:

— «Галубычка мамушка, добре скоро наругнулись вы пада мною съ ба-
тущкамъ. Я абѣ тибѣ, мамынька, ни думала, што ты мине скоро бросила. На
каво жѣ мнѣ типерь аглянутца? Съ дѣвычками съ малыи я асталась?! Я жѣ,
маи матушка, никакъ вашихъ славечушикъ ни забуду, какъ вы мнѣ приказыва-
вали. Я то жѣ ета атъ васъ и ни думала и ни чаила, штобѣ вы мине скоро
бросили. Я такъ думала, што ты падоли съ нами наживѣшь, што намъ дѣтыч-

камъ узрастить. Какъ жѣ мнѣ съ taboo разставатца! Разстанься мая душа съ тѣламъ, да ни я съ taboo!

Стала урядъ свекры причитывать.

«Радимый мой батюшка, што вы нада мною скоро насміялися! Я и ни думала ать васъ етыва. За то я па тебе сирчаю, што лиха мне абманулъ: за дурака задалжилъ. На томъ тибѣ благодарю, што ты мнѣ усѣ па Божьму атдалъ.

Стала девиря причитывать; юнъ подли мне сидѣть:

— «Милый мой дивирѣчякъ, ни брось ты мне при етымъ горю при бальшомъ. Хучь ты мне ни карми, хучь ты мнѣ ласкavyя славѣчка дай, какъ я тебе ета ни брасала—такъ и ты мне ета ни брось при бальшомъ при етымъ горю»...

Девирь тутъ-та сталъ мне ваймать, и самъ плачить и мне вайманть:

— Ну, буде, буде, малодъ—какъ нибудь будимъ жить.

Народъ плачить, страсть па мнѣ плачить, Игвѣшка мне ваймала, плакала, а причѣтамъ ни галасила.

Игвѣшка ваймала:

— Буде, бальшухъ! буде, галубычка—бальшухъ, плавать! какъ нибудь будимъ жить...

А девирь сказалъ:

— Мнѣ будить, малодъ, кусокъ хлѣба и табѣ будить! Я тибѣ ни брося. Какъ ты мне ни брасала. такъ и я тебе ни брѣю!

Замалчалъ девирь, стала ваймать Игвѣшка:

— «Ни плачь, галубычка! Ни бросимъ»!..

И па мне, Игвѣшка, харашо ваймала съ мужимъ, гаварить нечива, харашо ваймала. Я усѣ галашу, я усѣ галашу, я, вѣданшъ, галашу, глянула: мой дуракъ на лавки сидѣть:

— Нильзя мнѣ галубычки унѣтца: Надѣжа моя нивѣрна!..

А дуракъ малчѣть и слязы ни ураніу, нѣ човѣ!..

А Игвѣшка тутъ страсть зарыгала; и народъ страсть зарыгала. Держить мне и рыгаить, а причѣтымъ ни причитыванть.

Игвѣшка гаварить тада Самсону:

— Увайми жѣ ты іе, Самсонъ!

Самсонъ, увайми жѣ ты іе плавать!

Буде ей плакать!

Юнъ падшолъ, сталъ ваймать.

— Ну буде, малодъ, галубычка плавать; теперъ мы ни падойнимъ ихъ: вси дѣла ни дѣла бизъ тебе некаму.

А я яму атвѣтила:

— «Милый мой мальчикъ, тяперъ мои руки ни къ чаму ни приставають братца. Удрухъ же мае ручушки подѣблялись, и ножиньки надламались...

Я у причѣтъ, а народъ па хати рыхъ, рыхъ, рыхъ...

Ионъ такъ мине за плычо узалъ и ать матери, ать лаўки та отвѣлъ:
Буди, буди!

Тутъ я пристала, вѣдаишь нямнога пагода, а я сижу на лавычки, заста-
вилъ девирь.

— Сѣи муку, бярись за дѣла; тыперь мы етыга ни падоймимъ: какъ
работала, такъ бярись и работай!

Игвѣшку паслала къ сусѣду пупрасить ситца муку сѣить:

— «Иди, дѣвычва, пупраси ситца, а народушку полна изба»!

А бабы вой-какыя:—«заставляй ихъ дѣлать, какъ заставляла, аны тибѣ
будуць слухать»!

Самсонъ нямнога мине пазымалъ:

— «Што жъ, малодъ, намъ типерь дѣлать? Што нужна-та?»

— Иди, мальчикъ, принеси распятія!—Свѣчей, молъ, вазьми.

— Многаль свичей.

— Вазьми питнадцать свичей—за ночь жи и патратимъ ихъ.

Принѣсь ионъ свѣчки, принѣсь и Распятія.

— Типирь, мальчикъ, иди батьки скажися: завтри какъ харанить скажить,
што ни казался учирась. И спраси кольки вазьмѣтъ за пахараненія.

Ионъ спрасилъ у яво.

— Три рубля са ўсимъ праважатымъ да пагоста.

Пахаранили какъ должно быть вочинь харашо; абѣдъ справили харошій,
кушанья были щи, каша, кисель: и мясная была харошя, и четверть вина
брали, удоваль пилъ народъ, я яво кармила и бальшал была благодаренія.

Дай Бохъ штобъ мае дочки такъ мине схаранили, какъ я атца съ матерью.
Ни думанца!..

15. Улита два года живеть въ согласіи съ деверемъ и его женою.

Два года жили харашо, ладили.

Какъ у работу праважаю съ радасью и встриваю—радѣ. Рада, што ла-
скавая слова давають.

Изъ работы придуть.

— «Ну, маладачка, какъ дома?»

— Слава Богу, всё, молъ, харашо домъ—какъ вы тама!

— А харашо: семъ рублей за нидѣлю выработали.

Слава Богу! И пяржастилась.

Слава Богу, слава Богу!

Хуть ба мы кармились какъ нибудь.

— Нѣтъ, бальшухъ, я съ нимъ у работу ни пайду.

— «Пачаму?»

И мы вси троя сидимъ ужинаимъ.

На панѣву денихъ ни давѣить.

— «Атдай, мальчикъ, ей денникъ! Радни нѣту; атца у ніе нѣту»...
Узяль абѣмъ па рублю далъ. И ладна жили.

16. Егвѣшка, жена деверя, подралась съ дуракомъ, мужемъ Улиты. Начало ссоры. Дѣло идетъ къ дѣленю.

Правдила я усихъ трехъ у работу нивѣстку и Самсона и мужа, а сама дома хазяйствовала са свайми дѣвачками.

Ну, приходють съ работи грустныи.

Напередъ ана пришла.

— Што харашо у работя была ай нѣтъ? Какъ нидѣлю ету работали?

Ана малчить.

— Што жъ ты малчишь? и пришла грустная?

— «Спраси у свайго мужа»!

— Што жъ мнѣ мужа спрашивать?

Ана малчить, и я малчу—ни спрашиваю.

Нямнога пагадя Самсонъ приходитъ съ работя; абѣи пришли вѣсти, а я напарѣдъ Самсона стала спрашивать, напарѣдъ стала зымать.

— Што, Самсонъ, твая жина грустная пришла? Ай, задрались тамъ?

— Нѣтъ мы ни падрались, ана съ Ванькамъ, тваимъ мужамъ, падралась.

— Какъ жа вы падрались? Ана яго урякнѣла, а онъ ей, да и павизлѣсь дружка съ дружкой.

— «За што жъ, молъ, дѣла стала»?..

— Тапоръ онъ палѣкши узяль, а ей свой атдалъ тижолый.

Ана гаварить:—«мнѣ твайво тапара ни нада».

Ни гаваря ничаво падскачила, тапоръ изъ рукъ яво вырвала, а іонъ ни даваць.

Іонъ сячасъ разсирчалъ, узяль сукъ да па спинѣ ей и адѣлъ...

Ана заплакала, да и гаварить:

— «Нихачу жить! штобъ дилѣтца»!..

Самъ мнѣ кажить и смѣтца.

— А я, кажу, мальчикъ ты и ни сьумѣлъ ихъ смиришь. Ты бѣ узялъ сукъ да абѣихъ сукамъ и асмирнѣлъ!..

А іонъ мнѣ, девирь, сказалъ:

— Яво трудно асмирнѣть: іонъ тапаромъ изсякѣтъ.

Узла мужа стала бранить: (Девирь смѣтца, а я ни смѣюся).

— Дубина, ничиво ни знаишь, ни панимаишь, а пакарятца, молъ, тѣбѣ ни хочитца. Атдѣлють — ты хазяйства ничиво ни судержишь!

Дуракъ гаварить:—я самъ атдялюся.

И малчагъ, вѣдаишь, и я малчу.

Нямнога время пагадя, девирь гаварить:—сабирай, малодъ, ужинать.

Я сабрала, ды сѣли мы ужинать съ девиримъ; яны ни садятца, ета пара; ни мой мужъ, ни Егвѣшка.

Самсонъ гаварить:

— Садись, Игвѣшь, ужинай!

Взяла да на печь и лигла, а вужинать ни нашла.

— А ты, моль, чово, дуракъ, гаварю я, ни сядишься ужинать?

Бѣдашъ; малчить уси, уси малчить. А я и сказала: видна Самсонъ уздумали вы дилѣтца, мальчикъ!

— А хто съ нимъ сживѣтца, съ етымъ дабраходамъ! Пасмотри, какая у яны снѣва!.. Падладятъ!..

Павужиналъ іонъ, девирь, и съ вужина-то вылазить.

— Я ать ниво какой страмъ примаю. Ни слѣхатъ мне ни въ куль, ни въ вѣду, а я иво буду пачитатъ.

Я иво ни буду слѣхатъ.

Самсонъ етытъ шца съ вужина вылизъ, сидитъ на лаўки и гаварить:—

«Ну, малодъ, типерь дѣла здѣлана. Што вмѣсти тепирь не жить!»!..

— Ета дѣла ваша: я давно познала, што вмѣсти ни жить!.. Мы стари-ковъ сабиремъ?

— Да, приначуйтя! Заўтри дѣла видна будить!

На завтри Самсонъ вставантъ и гўтарить:

— Ну, што жъ, малодъ, старасту што ль привестъ?

А я сказала: на што привадить? Ты помпишь: што мать атказывала, што атець атказывалъ. Быть сибѣ, аставайся у маеи избѣ, а я въ тваей печь складу. прейду.

17. Дѣлѣмъ.

— Деверь мой: вазьми маю избу: а то ни асилишь въ сваей печку слажить...

— Я: нѣтъ, какую мнѣ атдали радигили, тую я и бяру.

— «Видна, уздумалъ дилѣтца—и забылъ, Самсонушка, маѣ усѣ старанія. Я абъ тибѣ, мальчикъ, и ни думала; ни зъумѣлъ жану сваю астанавить. Я бѣ, моль, тебе ни бросила, и ты бѣ мне ни бросилъ. И абижатца было нѣчимъ. Усѣ мае имущества тваѣ бѣ, патаму у мне дѣвчыки—ни мальчики; вырастили бѣ и залужъ атдали. Адну бѣ избу узгла бѣ—и тольки, а то бы усѣ тибѣ атдала.

А іонъ мнѣ атвичантъ:

— Можить быть, малодъ, мы съ табой разыйдемся для лўччага. Падантца твой мужъ мнѣ ни въ чомъ ни падавантца. Заставлять яго работать нилъзя. Какъ знантъ—живитя! Я собѣ буду хозяйства ваяти, а вы сабѣ. А я сажу да плачу...

Раздѣлѣвши, а идѣ жъ ты мне ни будишь бросать. Хто тибѣ вилить абнагалъ маяво хазяйства даглядывать?

— Самы разыйдомся или стариговъ пазвать? гаварить девирь.

И сказала:—На што старикоў? Давай па совѣсти разыйдемся. Какъ радитли насъ благаславили. Всякъ сваё и палучить.

— Ни нада стариковъ?

— «Ни нада! Сами разыйдѣмся!»!

— А то уздумайшъ, малодъ, маю избу узять. Ты пѣчки ни асилишь слажить?

И сказала:—«Твая, мальчикъ, изба уже старая. Я годъ, два наживу, ана завалитца—а я апать, молъ, бизъ избы астануся»...

— Мнѣ, малодъ, той палавины ни хатѣлась атдавать, што радитли тибѣ атказали. Тебе радитли луччи маяво наградили.

И атвѣчаю:—«Я сама луччи, молъ, твоево старалась, и атца и матирь пахаранила харашо. Я и тибѣ наградила, жанила и у люди вывила; никто, мальчикъ, ни насмѣлся намъ съ тобой.—Давай, мальчикъ, па добрый совѣсти разыйдѣмся. Я вижу! ни на то вы, мальчикъ, взыграли съ жаной. Тицеръ дѣла здѣлана!

— Ну, видна, расходитца.

— «Ну, расходитца—у добрый часъ. Ни зумѣлъ ты жапу сакратить—нада расхадитца!..

И, вѣдаишъ, апать заплакала.

А онъ гаварить:—«Чаму ета быть, штобъ я жаны ни сукратѣлъ? Больши чиризъ мужа чиризъ твайво дялюсь».

И яму гавярю: «Тольки у мужа понятія, што онъ зъ дуриной—ничаво ни панимайт та. Онъ са мной, можить, ня будить жить! Кто жъ вѣдаить, што у няго на умѣ»!..

Многа жъ у насъ хлѣба, малодъ, спечѣнага карвѣгъ?

И атвѣчала: двѣ карвѣги, и принисла яму у избу двѣ карвѣги и палажила на столъ.

Ну, узялъ ionъ карвѣги: адну сабѣ узялъ, а другую мнѣ атдалъ.

А я яму:—«На этымъ, мальчикъ, спасиба, што видѣшь па Божьиму».

А тутъ я все малчу, вѣдаишъ. Тутъ онъ взялъ чатыри иконы и кажить: вотъ тобѣ двѣ иконы, а вотъ мнѣ. Пять чугуначкыѣ, малодъ! Сабѣ два бяру, а тобѣ три атдаваю!

Жана и забранилась на яго, Игвѣшка.

— Што жъ ты ей усе паатдавалъ?! Ты ей все паатдай имучства—та...

— Ты сиди ни тваё дѣла! Пра то я знаю, кольки и што ей атдать... Мы тагда пагарѣли: нна кѡя-што напросила, всё двару несла. А ты са мной разашлась, разсердилась,—даставляй жа ты, кольки ана у дворъ даставляла...

И малчу, вѣдаишъ. Ета онъ съ жаной всё талкуить.—Я тваю волю па-твариль; вотъ пагляжу, какъ ты управишься, хазяйства пувидѣшь мнѣ. Я тады тибѣ всё ета вытрису, кали ты куда ни паспѣишь работами.

Ета я все малчала; а онъ съ жаной дагаваривался. Раздѣлились.

Дѣла падхѡдить къ зимѣ.

Разашлись мы на зѣмнига Николу.

Люди дивились! и ни чуть какъ ины раздѣлились—ни шуму мы ни падымали, ни страму.

18. Ссора. Мужъ-дуракъ идетъ противъ Улиты. Судъ. Смерть мужа-дурака; не Улита, а дочь по немъ причитывала.

Пришедши, я жила въ сваей избѣ. Узялъ Самсонъ да майго мужа къ сабѣ сманулъ:—«я тибѣ, Ванька, бярусъ да смерти адѣть, абуть и пахаранить. А Улиту изъ двара выдваранимъ»...

Самсона никто больши какъ жонка надбивала—усѣ яе настрой.

Ионъ, вѣдаишь, выгналъ мене вонъ са двара. И атабрали лошадь ащѣ кароўку-дроўку. Я узила да къ суду придала. Ну, вѣдаишь, судъ присудилъ у маю пользу, штобъ усѣ узваратить. Узила у свой домъ, пустушила жить и усѣ узваратила: карову и лошадь. Онъ апятъ майго мужа настройлъ прадать маю дроўку. Мне дома не была—анѣ прадали и лошадь апятъ са двара увѣлъ и съ павозкаю и продалъ прѣма у Хатынецъ, и нейзвѣсна за многа-ли. Прихажу я къ Самсону: ета твай настрой—ета ты иво научилъ. Самсонъ, я атому у тебе тваю лошадь и тваю карову, патаму твай пастрои.

Я узила девиря къ суду придала, абѣхъ и мужа и девиря. Судъ сталъ спрашивать:

— «На што, Антонъ, карову ей прадаль?»

— Я ни прадавалъ—мужъ прадаль.

— «Ты, Иванъ, карову прадаль?»

— Прадаль.

— «А дѣньги идѣ?»

Ионъ сказалъ:—я атдалъ дѣньги брату Самсону.

— «Ну, Самсонъ, ты отдай ей за карову дѣньги».

А Самсонъ атвичаить:

— Я вотдамъ дѣньги, да на чѣмъ Ванька конику памреть—ана иво ни будить харанить.

Я патамъ пришла съ суду дамой, да съ дѣвками пригүтарила, и большая дѣвка гаварить:

— Да Бохъ съ нимъ атдаў, ни атдаў—иди нѣ! пуцай живѣть!

Я прихажу къ старасты и гаварю:—я иво къ собѣ у хату ни пусьтѣю.

А стараста гаварить:—«Ни пуцай падлица, у маю голува ни пуцай! Брату атдалъ—пуцай у брата и живеть!»

Я выгнала Ваньку и братъ выгналъ. А сусѣди стали бранить Ваньку; вотъ какъ бранили, страсть Божья.

— Тая нивѣстка тебе ни обчѣшнить, ни абмыить, а вшей ты, видна, пафрмишь... И здѣрава ругали иво сасѣди. Дѣ жъ ета видна што са свайво двара атходють?

Хто вѣдаить идѣ Ванька лѣтываль и девирь ни зналъ, идѣ онъ былъ, далжно у стени шлялся и пабирался.

Падъ маслиную пришлоъ къ сястры, а на завтрива присылаить за дочирью:

— Падитя, привядитя Мархвутку.

А Мархвутка пришла къ яму.

— Ай, ты, батюшка, пришлоъ къ двару?

— Пришлоъ—«Ты заўмираль»?—Прихваралось.

Пайдемъ двару—я тибѣ пувяду.

— Я баюсь типерь ийти къ матери. Я самъ надъ нею наругнулся и самъ плоха здѣлалъ: паслухалъ нивѣстку съ братамъ—ни выгыдалъ я.

А систра гаварить:

— Баишься къ сястрѣ ийти?

— «Баюсь. Такъ ты иди и ляжъ на печи брата. Ня смѣить тибѣ изъ хаты выгнуть».

Гаварить на маю дочирь:

— «Атвиди иво къ дяди—ана узила и привила яго къ дяди».

Пажилъ двѣ нядѣли. Бранить яго ни бранили, дазирать ни дазирали; шо дочъ дазрѣть, то и есть.

Помиръ Ваньья. Дазирала дочъ: аткуль катѣлыкъ разживетца, аткуль ба-раныкъ—усѣ яго кармила.

Запрасилъ онъ у ніѣ яблыкъ. Ана яму разжилаась и принисла два яблыка. — Бачка, я разжилаась два яблыка—съѣшь.

— «Ну, дочичка, спасиба на етымъ»!.

— Ты, батюшка, знать патрудиѣль?..

— «Ты, дочичка, пириходи съ мужимъ къ матери у мой дворъ». (Я судъ узнавливала и все получила, акромѣ лошади и каровы, што продали съ братамъ Самсонамъ при суда узнавливала и три рѣза у зѣмскаго была и три рѣза у Жъндри съ дѣверимъ и съ мужимъ).

Дочери приказывала:—«Если братъ падсѣбитъ харанить, то ни страмитися, ни узнавливайтя судъ; а если ни будить харанить, то узнавливайтя судъ: я всё яму отдала деньги за карову и за лошадъ».

Девирь ни харанилъ: Иво не была дома, а жина ни стала харанить. Дурака пахаранить пахаранила, а плакать ни плакала и слязы ни уранила. Дажа на мѣртвыга пасирчала: дуракъ всё паатдалъ брату, а самъ мине ни минувалъ харанитца.

Младшая дочъ—ни хужи мине—ни плакала, а старшая плакать плакала, галасить галасила и причотымъ причитывала.

В. Н. Добровольскій.

Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотмы.

(Продолженіе).

7 августа мы были въ деревнѣ Вахиѣ или Вахневой, 18 вер. отъ Макишевой. Деревня эта лежитъ при р. Шарженьгѣ; дорогой мы перешли по мосту черезъ р. Андангу, близъ ея устья. Рѣкъ этого имени въ Никольскомъ уѣздѣ три, если не болѣе; одна впадаетъ въ Югъ слѣва, выше Пермаса, другая справа, также выше Пермаса, третья течетъ въ Шарженьгу изъ сѣверной оконечности Никольскаго суѣма и впадаетъ близъ дер. Вахни. Возлѣ моста черезъ Андангу находится мельница. Мельницы пока единственныя общественныя имущества у здѣшнихъ крестьянъ; они могли бы имѣть воспитательное значеніе для крестьянскихъ общинъ, если бѣ находились въ дѣйствительномъ распоряженіи ихъ; въ сущности онѣ только считаются de jure общественнымъ имуществомъ, но общины никакой власти надъ ними не имѣютъ и сдаютъ онѣ въ аренду волостнымъ начальствомъ. Мельница на Андангѣ была по обыкновенію построена крестьяниномъ, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ 12 лѣтъ она поступила въ церковную казну; прежде она сдавалась въ аренду церковнымъ старостой. Мнѣ говорили, что она и теперь сдается имъ, но это едва ли такъ; сами крестьяне хорошо не знаютъ, какъ совершается сдача мельницъ въ аренду. За помоль здѣсь берутъ по 1¹/₂ в. с. съ мѣшка и кромѣ того лопатку въ 10 ф. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ другая плата. Въ Родюкинск. обществѣ считается 8 мельницъ; въ одной изъ нихъ мельникъ беретъ 3 в. и лопату муки фунтовъ въ 6 съ мѣшка, въ которой бываетъ до 10 пудовъ, а съ жителей города Никольска по 2 в. съ пуда; другой мельникъ беретъ по 5 коп. съ человѣка въ годъ и кромѣ того по лопаткѣ съ мѣшка. Въ Тотемскомъ у. мельники берутъ по лопаткѣ съ мѣшка; лопаты разной величины; съ большого мѣшка берутъ большую лопату, съ малаго малую; другіе берутъ по 1 в. с. съ мѣшка; болѣе опредѣляютъ цѣну на „самовзглядъ“.

Всѣхъ мельницъ въ Нивольскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздн. земск. управой, 247; въ томъ числѣ водныхъ мельницъ 208, водныхъ толчей 11, вѣтряныхъ мельницъ 28. Въ свѣденіяхъ управы не вездѣ сдѣлано раздѣленіе ихъ на общественныя, частныя, церковныя и казенныя, и потому мы не можемъ привести полную цифру общественныхъ мельницъ; вотъ однакожъ тѣ свѣденія, въ которыхъ сдѣлано указаніе на принадлежность мельницъ обществамъ. Въ Шонго - Николаевской волости считается мірскихъ мельницъ и толчей 18, въ Бобровско-Захаровской 13, въ Плесовской 7, въ Шестаковской 10, Езекіевской 15, Родюбинской 9, Павинской 7, Лапшинской 23, Черновско-Николаевской 24, Байдаровской 18, Аргуновской 11. Общая стоимость ихъ 21547 р., дохода доставляютъ владѣльцамъ 3247 р. Кромѣ того безъ указанія, общественныя или нѣтъ, мельницъ показано въ Утмановской волости 5, Щеткинкой 13, Волмангской 4, Лузанской 6, Березниковской 12, Вознесенской 16, Кемской 7 и Подболотной 19. Одна мельница Спринская въ Бобровской волости показана находящаяся въ распоряженіи довѣреннаго крестьянъ Трофимовскаго общества. Не знаемъ, составляетъ ли она единственное исключеніе въ уѣздѣ.

Кромѣ общественныхъ мельницъ въ Нивольск. у. есть еще казенныя оброчныя мельницы, именно въ Нивольск. лѣсничествѣ—Ветлугская, сдается въ аренду за 1 р., Большестрѣлковская за 41 р. 50 к., Ушаковская за 12 р. 10 к., Герасимовская за 75 р. 30 к., Тимонковская за 58 р. 5 к., Степучевская за 5 р. 75 к., Кодочиговская за 5 р. 20 к., Степучевская (другая) за 5 р. 25 к., Лундонгская за 2 р., Кемская за 7 р. 25 к., въ Путемскомъ лѣсничествѣ Аксеновская за 41 р., Морозовская за 15 р. 35 к., Путемская за 33 р. и Лодейно-Раменская за 11 рублей

Въ деревнѣ, Вахнѣ въ избѣ нашего хозяина, я нашелъ очень вычурный приголовашекъ у печи. Здѣшнія печи по большей части безъ трубъ; кожуха, т. е. той части трубы, которая находится внутри избы, здѣсь не дѣлаютъ вовсе, только для того, чтобъ дымъ не завивалъ надъ печью. дѣлается надъ цѣломъ стѣнка, кончающаяся вверху шлемообразно; это называется пазухой; шестокъ т. е. выступъ печнаго пода передъ цѣломъ съ боку одѣвается доской, которая назыв. столбушкой; верхняя часть столбушки, приголовашекъ, поднимается четверти на двѣ выше шестка и бываетъ украшена разнообразными вырѣзами: подлѣ приголовашка садятся обыкновенно на шестокъ маленькія дѣти въ то время, какъ печь топится. Приголовашекъ, срисованный мною въ Вахнѣ, имѣетъ сходство съ тѣми фигурами, которыя подъ названіемъ кабылокъ украшаютъ въ здѣшнихъ избахъ сѣдки. Сядками здѣсь назыв. передній уголь вообще и божница въ особенности, божница здѣшняя имѣетъ видъ полки, состоящей изъ треуголь-

шка, вставленнаго въ передній уголь и двухъ крыльевъ вдоль правой и лѣвой стѣны. На концахъ крыльевъ находятся племовидныя украшенія, которыя называются кобылками; иногда форма конской головы очень не ясно представлена въ этихъ украшеніяхъ, иногда же видны даже два уха, какъ на рисункѣ, который я сдѣлалъ въ дер. Бумбисеръ (по системѣ р. Лохи). Вероятно кобылки въ судахъ имѣютъ одно происхожденіе съ коньками на крышахъ, т. е. ведутъ свое начало отъ временъ приношеній въ жертву животныхъ. Можетъ быть и уголь у печи былъ мѣстомъ, куда ставились священные предметы; въ Сибири, въ Алтай, столбъ, который служитъ вмѣсто вѣшняго ребра печи, называется стамивомъ и приходится около того мѣста, гдѣ здѣсь устанавливается столбушка, считается мѣстомъ, находящимся въ связи съ сверхъ-естественнымъ; во время свадебъ, челоуѣка, ставшаго у столика, подозрѣваютъ въ козловствѣ и намѣреніи испортить свадьбу. Въ Никольск. у. на столбушкахъ встрѣчаются кромѣ конскихъ головокъ и другія формы, въ особенности же какой-то кругъ съ крестомъ внутри.

Знакомство съ моими спутниками-малороссіянами дало мнѣ возможность сдѣлать сравненіе между нашими сѣверянами и южанами, и замѣтить нѣсколько чертъ различія. Моихъ спутниковъ поражило трудолюбіе здѣшнихъ жителей; они смотрѣли не съ уваженіемъ на эту черту, а съ жалостью, считая здѣшнихъ жителей за несчастныхъ людей, которые живутъ въ такой бѣдной странѣ, гдѣ земледѣлецъ долженъ назмѣть свою землю, гдѣ каждую пядь новой земли нужно вычистить изъ-подъ лѣсу; сколько трудовъ, которыхъ не знаютъ южане, сколько навозной грязи и сажы, въ которыхъ крестьянинъ долженъ выпачкаться при возкѣ навоза или при катаніи валковъ. И при всемъ томъ страна вознаграждаетъ земледѣльца очень скудно: нѣтъ фруктовъ, пшеница черная, хлѣбъ пекутъ ячменный, сѣнокосъ безтравный. Моихъ спутниковъ удивляло неуваженіе здѣшнихъ жителей къ праздникамъ; они считали ихъ мало набожными за то, что тѣ работали иногда въ воскресенье, торопясь убрать овощи; здѣшній предразсудокъ, что розь только тогда и родится хорошо, если посѣять ее хоть горсть, хоть подъ вечеръ въ праздникъ, казался имъ нечестіемъ.

Однажды, проходя черезъ деревню, мы увидѣли старушку, шедшую черезъ улицу; она пересѣкла намъ дорогу шагахъ въ 30 или 40 впереди чернаго воза.

По мнѣнію моихъ спутниковъ она сдѣлала очень дурно; она должна была подождать, пока не пробѣдутъ люди, хоть будь тутъ цѣлый обозъ. Такая трата времени на пустые обряды немыслима на сѣверѣ, гдѣ требуется услаженный и спѣшный трудъ, потому что лѣто коротко. Здѣшній народъ въ

сравненіи съ моими спутниками казался болѣе живымъ, болѣе трудолюбивымъ и гораздо бѣднѣе обрядами, увеселеніями и играми.

Въ отношеніи духовной культуры видно было, что мои спутники—уроженцы страны, которая находилась вблизи древней цивилизаціи, напротивъ, мѣстные жители казались недавно вышедшими изъ дикаго звѣроловнаго быта. Мои спутники были неграмотны и тѣмъ не менѣе отецъ передавалъ своимъ дѣтямъ много легендъ о дѣвѣ Маріи, о Ноѣ, о Іосифѣ и т. п., о чемъ здѣшніе жители не имѣютъ никакого понятія. Они не употребляли площадной брани въ присутствіи собственной дочери, тогда какъ у здѣшнихъ жителей подобную брань можно услышать отъ дѣтей, потому что отцы и взрослые братья употребляютъ ее не стѣсняясь ни присутствіемъ женщннъ, ни присутствіемъ дѣтей. Про дѣвицъ они говорятъ: у дѣвицъ уши заткнуты серебромъ, т. е. серьгами. Отъ этаго я встрѣчалъ здѣсь семилѣтнихъ дѣтей, которые уже были въ вѣ состояніи рассказывать скверные анекдоты и ругать отцевъ нескромной бранью. Дѣти малороссіянъ, шедшіе со мною, были напротивъ воспитаны нравственно и стыдливо.

Здѣшнія дѣти воспитываются иначе, или лучше сказать здѣсь нѣтъ никакого воспитанія. Они воспитываются жизнью въ обществѣ большихъ. Ничто отъ нихъ не скрывается, ни слова, ни дѣла, ни страсти. Поэтому скоро они все узнаютъ, рано становятся серьезными. Со старшими они держатся на равной ногѣ, и старшіе относятся къ нимъ съ меньшей суровостью, чѣмъ на южной сторонѣ алауно-уральской гряды (можно сказать—даже съ нѣжностью).

Мнѣ одинъ очевидецъ рассказывалъ, что въ деревнѣ Полтавской (вотчинѣ графа Шереметьева) въ Ярославской губ. жило до 30 душъ взрослыхъ подъ деспотическимъ управленіемъ дѣда 120 лѣтъ. Однихъ дѣтей было до 30. Низшіе члены семьи уже имѣли право вѣнчаться между собою. Жили всѣ въ одномъ деревянномъ домѣ; сыновья занимались торговлей подъ строгимъ контролемъ семейнаго деспота; сынъ не смѣлъ купить своей женѣ пряникъ; онъ докладывалъ о своемъ желаніи отцу и тотъ покупалъ разомъ для всѣхъ своихъ ситцу или платковъ непремѣнно одинаковой цѣны. Обѣдали въ три стола; первый столъ—большіе мужики, второй—бабы, третій—дѣти. Старикъ обѣдалъ съ дѣтьми и садился въ концѣ стола всегда съ плетью въ рукѣ. Шалунъ и ослушникъ тутъ же получалъ воздаяніе. Конечно, при такомъ воспитаніи дѣти должны очень поздно развиваться; мужчина лѣтъ тридцати, женатый, имѣющій дѣтей, при такихъ порядкахъ умѣетъ отвезти проданный отцомъ хлѣбъ по назначенію и вообще исполнять только приказанія, не имѣя права ни располагать работы по своему усмотрѣнію, ни распорядиться имуществомъ. Такое деспотическое воспитаніе оставило по себѣ память въ народномъ названіи растенія „дѣдовникъ“, *Cirsium*, которое своими

колѣчками воровать руки жнецовъ и которое также называется татарникомъ, мордовникомъ и царемъ.

Здѣсь я не замѣтилъ такого отцовскаго деспотизма; напротивъ, шедшіе со мной малороссіане, кажется, съ большей суровостью относились къ своимъ дѣтамъ и я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ ударилъ своего трехлѣтняго ребенка розгой по головѣ. Вообще дѣти малороссіанъ были скромны и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливы. Здѣшнія же дѣти очень рано пользуются самостоятельностью, теряются по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, вмѣшиваются въ разговоръ большихъ и въ обращеніи ихъ со старшими совсѣмъ нѣтъ признаковъ подчиненности. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ лѣтъ 9 принесъ домой налима, вынутаго изъ чьей-то чужой ванды *), чьей—нельзя было узнать, потому что всѣ ванды снесло прибывшей отъ дождя водой и разбросало по берегу. Отецъ и мать ребенка порѣшили сварить налима, девятилѣтній сынъ протестовалъ, настаивая, что рыбу слѣдуетъ отвести къ сосѣду, которому по его догадкамъ принадлежитъ ванда, и взять рыбу себѣ только тогда, если сосѣдъ не признаетъ ее своей добычей. Отецъ и мать спорили съ ребенкомъ, стараясь доказать на основаніи деревенскихъ юридическихъ понятій, что рыба эта не должна принадлежать хозяину. Часто мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ 10 лѣтнія дѣти издѣвались надъ взрослымъ, остряли по поводу его уличнаго имени, и тотъ этимъ нисколько не обижался. Во время картѣжныхъ игръ и на игрищахъ дѣти тутъ же присутствуютъ, пристраиваются къ играющимъ и иногда даже участвуютъ. Одинъ танецъ даже начинается не рѣдко мальчикомъ лѣтъ 10. Такъ какъ семья здѣсь смотритъ на ребенка, какъ на работника, и рано начинаетъ эксплуатировать его, то и ребенокъ начинаетъ рано цѣнить свой трудъ и предъявлять свое право на участіе въ распоряженіи имуществомъ. Здѣсь бываетъ скупка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ, которое отправляется въ Макарьевъ на Уньжѣ и прежде покупалось по 1 в. ф., а нынѣ по 2 в. Сдають его чаще ребята; обычай, который бы признавалъ тряпье ихъ добычей, но существуетъ, но парень собираетъ его по своему дому, не спрашиваясь никого, и бѣжитъ къ скупщику; родители видятъ, но во возражаютъ, говоря: что надо же ему на что-нибудь купить прявиковъ.

Игры дѣтскія здѣсь не представляютъ того разнообразія, какъ на югѣ или востокѣ Европейской Россіи. У десятилѣтнихъ дѣтей я нашелъ только игры въ лопту, въ шаръ, въ бабки и вычигиваніе чижики. Лоптой называется мячикъ, сшитый изъ берестяной ленты въ два ряда, т. е. сл. подковыркой. Внутрь заплетаются въ мохъ завернутые камешки, чтобъ усилить тяжесть и упругость лопты; они бываютъ продолговатыя и круглыя.

*) Ловушка для рыбы.

Называютъ этотъ мячъ различно: лѳпта, лѳбка, лѳкта, лѳпта *). При игрѣ въ лопту дѣти дѣлятся на двѣ равныя партіи и одна становится линіей, подаетъ лѳпту, ловить её и „лѳпить“ бѣгающую партію, другая же партія бѣгаетъ вдоль линіи и бьетъ лопту палкой. Для игры въ шаръ дѣлають лунки и у каждой становится игрокъ съ палкой; одинъ игрокъ катаетъ шаръ по лункамъ; въ чьей лункѣ шаръ остановится, тотъ долженъ попадать въ шаръ палкой на воздухъ; для этого тотъ, который каталъ шаръ, подбрасываетъ шаръ на воздухъ.

Въ играхъ въ лопту и шаръ принимаютъ участіе и взрослые парни; въ праздники, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, на какой-нибудь опредѣленной площади, подлѣ деревни происходитъ игра, въ которой участвуетъ все молодое поколѣніе цѣлой деревни.

Дѣти ниже 10 лѣтнаго возраста играютъ въ импровизированныя игры, которыя сами изобрѣтають. Въ этихъ играхъ дѣти обыкновенно подражаютъ большимъ, такъ что на играхъ часто отражаются измѣненія въ образѣ жизни цѣлаго народа. Дѣвочки обыкновенно стрѣпають пироги изъ глины и сушатъ на солнцѣ; эти маленькіе глиняные пирожки, копія по формѣ съ большихъ настоящихъ пироговъ, которые здѣсь дѣлають изъ ячменной муки. Въ Тотъмѣ мѣщанскія дѣвочки стрѣпають „шалаша“, каждая въ своемъ дворѣ, настрѣпываютъ пироговъ изъ глины, рѣпы и проч. и „гостятся“, т. е. ходятъ другъ къ другу и угощаются этими пирогами. Я зналъ одну женщину въ Тотъмѣ, которая про себя рассказывала, что въ дѣтствѣ ѣсть глину у ней обратилось въ такую страсть, что мать ходила нарочно за глиной за городъ; иначе объ маленькія дочки ея принимались колупать печь. Впослѣдствіи онѣ носили глину съ собой въ прогимназію и тамъ ѣли её. Когда я познакомился въ Тотъмѣ съ одной изъ этихъ глиноѣдокъ, ей было болѣе 25 лѣтъ, и хотя она уже не имѣла прежней страсти, но при видѣ кучи свѣжей глины, все-таки не могла утерпѣть, чтобъ не съѣсть глиняный колобокъ.

Въ деревняхъ около Никольска маленькія дѣти меньше 10 лѣтнаго возраста играютъ „быками“; все дѣло состоитъ только въ томъ, что они гоняются другъ за другомъ цѣлой ватагой съ наклоненными головами, догнавъ бодаются и кричатъ: бууу! Игра въ „медвѣдя“ заключается въ томъ, что одинъ ребенокъ садится въ отдаленіи отъ другихъ, гдѣ растетъ трава. Это медвѣдь. Остальные приближаются къ нему въ рассыпную, щипаютъ траву и приговаривають: „дѣдушко медвѣдушко! Горошекъ воруетъ! Татенькѣ

*) Въ другихъ мѣстахъ Россіи лоптой называется не мячъ, а лопаточка, которой бьютъ мячъ; отсюда мѣшкіе. что лопта испорченная—лопата; но здѣшнее значеніе этого слова показываетъ, что корень этого слова другой и скорѣе общій съ словомъ «лапоть».

стаканчикъ! мамонькѣ стаканчикъ! А тебѣ ничего!“ Въ другихъ мѣстахъ— это просто сборщицы ягодъ. Часть дѣтей остается сидящими гдѣ-нибудь у лежащаго бревна; это—деревня. Вдругъ медвѣдь равнаетъ, бросается на ягодо-сборательницъ и одну изъ нихъ ловить, терзать и валить на землю. Она лежитъ мертвая, растерзанная. Остальныя бѣгутъ въ деревню и рассказываютъ объ ужасномъ событіи; здѣсь они получаютъ совѣтъ, возвращаются въ зимній лѣсъ, подкрадываются къ трупу своей подруги, схватываютъ её и бѣгутъ въ деревню. Эта игра, характеризующая лѣсную жизнь здѣшнихъ жителей, въ послѣднее время, когда Никольскій уѣздъ обратили въ ссыльную область, и когда изъ острога бѣжало два арестанта, вдругъ измѣнилась подъ впечатлѣніемъ этого происшествія; вмѣсто медвѣдя въ лѣсу сидитъ бродяга, который грабитъ и убиваетъ дѣвушекъ, собирающихъ ягоды. Это напоминаетъ Сибирь, гдѣ дѣти также играютъ „бродягами“. Играютъ здѣсь дѣти также и въ свадьбы. Въ Пензенской губерніи дѣти собираютъ подушную черепками отъ фаянсовой посуды; эти же черепки служатъ дѣтямъ для игры въ орлянку; вмѣсто орла служитъ золотая эмаль на черепкѣ. Одна изъ малороссіянокъ, шедшихъ со мной, рассказала мнѣ, что дѣти прежде играли въ хлѣбъ: выпросятъ хлѣба ѣсть, а тамъ начнутъ его мять и стирать; это хотъ и было грѣшно, да былъ урожай. А нынѣ дѣти стали черепочки ломать да въ деньги играть—неурожай пошли.

Дѣтскими игрушками въ деревнѣ служатъ свѣжія сосновыя шишки или кудели, которые отцы приносятъ дѣтямъ изъ лѣсу, а также черепки отъ посуды; послѣдніе называются бабушками. Дѣвочки плетутъ изъ бересты зѣбки и шьютъ куклы съ шампурами на головахъ; деревенскія дѣвушки отыскиваютъ отъ куклозъ на 9—11 году *), городскія иногда играютъ до 17. Мальчики устраиваютъ деревянныя пикושки изъ ивы и елшины, деревянныя толчен, самострѣлы, и изъ мянды (т. е. сосны)—пищальки, которыя заряжаютъ мокрой куделей. Покупаютъ также и глиняныя пикושки въ видѣ уточекъ; въ настоящее время, заносятъ въ деревни и жастяныя пикושки. Весной мальчики строятъ мельницы на ручьяхъ, а зимой катаются на конькахъ; конькомъ называется скамеечка на трехъ ножкахъ, утвержденныхъ внизу въ широкую доску, которую снизу обмазываютъ коровьимъ пометомъ и потомъ обиваютъ водой. На этихъ конькахъ съ ледяной подошвой катаются съ возвышенностей. Дѣвочки въ Тотемѣ играютъ въ „лапки“. Это черепки, которые кладутся на спинку руки, подбрасываются вверхъ, и ловятся ладонью.

Брестыянскіе мальчики около Никольска дѣлаютъ фурілки: мнутъ въ рукѣ глину, втыкаютъ въ неё палку и закидываютъ её посредствомъ размаха палки вверхъ или впередъ. Это же глинострѣльное орудіе въ Пензен-

*) Служація въ пѣстуньяхъ дѣвочки все-таки продолжаютъ играть въ куклы

ской и Симбирской губ. называютъ буркало. У уральскихъ казаковъ дѣлается стрѣлка съ зарубкой, въ которую вставляется узелокъ бичевки; её видаютъ какъ пращъ; такая стрѣла называется на Уралѣ мызгáлкой.

О экскурсіяхъ по полямъ, какія дѣлаютъ дѣти въ степныхъ областяхъ, совершаемыхъ цѣлой ватагой и сопровождаемыхъ исканьемъ гнѣздъ и яицъ, ловлей змѣй, вырѣзываніемъ дудокъ, здѣсь я неслыхалъ. Отъ одного изъ моихъ спутниковъ солдатъ, уроженца Костромской губ. Галицкаго у. я слышалъ, что на его родинѣ въ Гавеновой волости дѣти ходятъ ватагами собирать ягоды и драть корье. При сборѣ ягодъ они избираютъ изъ своей среды барина, старосту и сборщика (податей); барину каждый отсыпаетъ 2 чашки. Драть корье съ бредника дѣтей заставляютъ отцы; дѣти обращаются къ одному постарше и упрасиваютъ быть ихъ вожакомъ; онъ не заблудится и знаетъ мѣста, надравъ корья, каждый по 2 штуки даетъ вожаку за вожачество, который и безъ того надеретъ больше всѣхъ, потому что всѣхъ возрастѣе. Корье дѣти вручаютъ отцамъ; нѣкоторые ребята два воза надираютъ въ годъ. Отцы продаютъ корье въ Судиславль на кожевенные заводы, а на деньги покупаютъ дѣтямъ подарки, картузы и проч.

Разбиваніе дождевика существуетъ, какъ въ степяхъ, такъ и здѣсь. Въ Самарской губ. двое дѣтей, встрѣтивъ поспѣвшій дождевикъ, берутъ палки и въ разъ бьютъ по нему; лопнувъ, онъ даетъ цѣлое глаза залѣпляющее облако пыли; дѣти бросаются на разорванные куски и продолжаютъ кидаться ими, стараясь перепачкать другъ друга, пока не уничтожатъ послѣднихъ остатковъ растенія. Въ Никольскомъ уѣздѣ просто тотъ, кто найдетъ дождевикъ, срываетъ его и или, нечаянно напавъ на товарища, вымазываетъ ему лицо споровой пылью, или сдѣлавъ на дождевикѣ отверстіе и зажавъ его въ кулакъ, фукаетъ пылью въ глаза. Если дождевикъ еще не высокъ и содержитъ внутри желтую слизь, тогда стараются влѣпнуть эту полужидкую массу въ лицо. Въ дер. Каменѣ около Никольска дѣти придумали дождевики замѣнить болѣе близкимъ и чаще попадающимся подъ руку продуктомъ, именно лепешками коровьяго помѣта, которыя сверху достаточно подсохли, чтобъ ихъ можно было взять на ладонь, на нижней же сторонѣ еще покрыты жижей.

Дѣти здѣсь даютъ другъ другу насмѣшливыя имена, которыя иногда произносятся только въ сердцахъ, но иногда субъектъ такъ привыкаетъ къ своему имени, что оно почти вытѣсняетъ его христіанское имя; такія имена, данныя въ дѣтствѣ, сохраняются за крестьянами до самой старости; почти у всякаго здѣсь есть такое имя, какъ наприм. Шабарша, Хабаса, Тѣма, Куркала и проч. Такія имена получаютъ и дѣвочки. Двѣ извѣстныя мнѣ дѣвочки Марія и Клара получили отъ своихъ подругъ имена: Пія и Мама-

лаша: еще двѣ дѣвочки назывались Шарамга и Покомарица. Это обыкновеніе можетъ быть происходить у дѣтей отъ потребности въ полногласіи.

Дѣтей здѣсь зовутъ по отцамъ, прибавляя къ имени отца окончаніе ѣнокъ, наприм. Корнилѣнокъ, Демидѣнокъ и пр. Такія названія образуются и изъ фамилій отцовъ; дѣти Ерахива—ерашѣнки, Маслова—маслѣнки, Оленева—оленѣнки, Хабазы—хабазѣнки.

Кромѣ прозвищъ, дѣти дразнятъ другъ друга присказками, которыя рифмуются съ христіанскими именами. Вотъ записанныя мною въ разное время.

Федя, реда, съѣлъ медвѣдя, кошку драку, мышъ погану (Тотьма).

Сашка, олашка, быкъ толстой, каравай густой (Тотьма).

Нивята хлопота, всѣ яйца прокаталь (дер. Каменка, близъ Никольска).

Андрей, воробей! не клуй песокъ, не тупи носокъ (Самарск. губ.).

Андрей, воробей! чужба, пичужка, въ ж...ѣ лягушка (Самарск. губ.).

Андрей не дурей—фартухъ подерешь! (Витебск. губ.).

Гришка разстрижка (Витебск. губ.).

Гришка ярыжка, голая (вариантъ: попова) лодыжка. (Самарск. губ.).

Гришка отъ м...ы покрышка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Яшка, синяя голяшка (Симб. губ.).

Яшка, свиная голяшка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Пѣтъка, пѣтухъ, на курицѣ протухъ (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Пѣтъка, пѣтухъ, на г...ѣ протухъ (Никольск. уѣздъ).

Алѣшка, лепѣшка. Васька—сочень (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Алешка ерошка, обкакався немножко (Витебск. губ.).

Алешка пусты колеса (дер. Каменка, Никольск. у.).

Иванька, болванька! вочерыжки ковавъ, жидамъ продававъ, жиды не кушали, Иваньку облупили (Витебск. губ.).

Иванъ болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ; тамъ тебя били въ четыре дубины пятымъ помеломъ (Нижній Новгородъ).

Ванька вонючій, кошку замучилъ, кошка ходитъ по двору, кричитъ, Ванькѣ нас...у (Псковск. губ. Великая у.).

Вонька—барá (Каменка, Никольск. у.).

Сеня, безеня, везъ бабу на санкахъ, санки—скокъ и Сенькѣ—въ лобъ (Каменка, Ник. у.).

Васька, васюкъ, полезай на сукъ, тамъ кошку деруть, тебѣ лапку дадутъ (Псковск. губ., Великолуцк. у. и Самарск. губ.).

Егоръ, подай багоръ, точило пльвецъ (Витебск. и Псковск. губ.).

Егоръ безъ оборъ (Никольск. у.).

Николянъка, Николай, сиди дома да не гуляй! Твоя жена пышка на улицу вышла, три лягушки съѣла, еще захотѣла (Пензенск. губ.).

Николай бусарай, полѣвай на сарай, тамъ кошку деруть, тебѣ ножку дадутъ (дер. Каменка, Никольск. у.).

При нѣкоторыхъ дѣтскихъ играхъ требуется бросать жеребій, коно-
ваться. Это дѣлается или посредствомъ палки, которую поочередно обхва-
тываютъ кулаками или посредствомъ присказокъ; какъ наприим.

1) Перевеньчики,
Другеньчики,
Трынцы, волиныцы,

Пятьсотъ лудья
Пономарь судья....

(Пензенск. и Самарск. губ.).

2) Ойцанъ, двойцанъ,
Черецанъ;
Паданъ, ладанъ,

Суконъ, дуконъ,
Шинелъ, вышелъ,
Радывонъ, выйди вонъ!

(Харьковск. губ. Изюмск. у.).

3) Одіанъ, другіанъ
На четыре городянъ,
На пять судья,
Поломалъ рубля;

Каторны кошки
На море упали,
Церквою стали.

(Харьков. губ. Изюмск. у.).

4) Перводанъ, другоданъ
На колодѣ угадавъ,
Пятьсотъ судья,
Пономарь удья,

Шинелъ, вышелъ
Девять вонъ,
На убогій домъ.

(дер. Кумбисеръ, Никольск. у.).

5) Первичики, другичики,
Убили голубичики,
На соловѣ, на ёловѣ,
На Божьей росѣ
На поповой полосѣ.
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ

Желѣзнымъ пальцемъ.
Плѣло, горѣло
Осиново полѣно.
По кусту, по насту.
По лебедю крыласту,
Какъ, корорашки
Соволъ молодяшки.

(Кумбисеръ, Никольск. у.).

6) Первины, дружины,
Пятанъ, ладанъ,
Жухтанъ, бухтанъ,
Дятель десять!

(дер. Аксентьева, Никольск. у.).

7) Пѣра, ёра,
Шуда, луда,
Пата, са́та,
Сѣва, ѡва,
Дубъ, врёсь.

(Аксентьева, Нивольск. у.).

8) Первичники, дружинчики
На соловѣ, на яловѣ,
На божьей росѣ,
На поповой полосѣ
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ.
Колѣно горѣло,

Осиново полѣно.
Куда полетѣло?
По вустамъ, по настамъ,
По лебедямъ крыластымъ.
Ковъ, коворашки
Соволъ молодець
Обоср. . ный конецъ.

(Аксентьева, Нивольск. у.).

№№ 2 и 3-й записаны отъ дѣтей, шедшихъ со мной изъ Нивольска въ Тотму.

Во время Рождества Христова въ здѣшнихъ деревняхъ нѣтъ обычая славить и вообще нѣтъ чего-нибудь въ родѣ колядокъ. Только отъ одного солдата Костромск. губ. Галицк. уѣзда села Палкина записалъ я слѣдующую пѣсенку, съ которою ходятъ по домамъ дѣти въ Егорьевъ день:

Ватюшка Егорей
Спаси нашу скотинку,
Всяку животинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсѣ и за лѣсомъ.
Волку да медвѣдю

Пень да колода,
Ворону, воронѣ
Камешекъ дресвяный!
Ватюшкѣ Егорью во свѣчку,
А намъ молодцамъ по яичку.

8 августа мы вступили въ другую волость, которая въ народѣ носитъ названіе Березовець. Правленіе этой волости находится въ деревнѣ Аргуновой, по которой она и носитъ свое официальное названіе; эту деревню мѣстные крестьяне зовутъ Ангурово. Народъ здѣсь больше употребляетъ дѣленіе на приходы, чѣмъ на волости, и названія приходамъ даетъ по преимуществу по рѣкамъ: такъ наприм. Лоха (сюда относится нѣсколько деревень, лежащихъ на лѣвомъ берегу Юга, противъ устья р. Лохи), Кишеньга, Ламенга и т. д. Жители приходо́въ называются лошана, ламень жана, кишеньжана и т. п. Жители по Югу назыв. южана или южаки. Приходъ Березовець составляетъ исключеніе.

Дорогой мы миновали деревню Черицову. Здѣсь есть кабакъ и лавочка; въ лавочкѣ продаются врендели, которые идутъ сюда изъ Галича (здѣсь

продаются по 10 к. ф.), пряники и орѣхи. Чаю въ лавкѣ было всего $\frac{1}{4}$ фунта. Чай здѣсь люди, имѣющіе самоваръ, покупаютъ не въ деревенской лавочкѣ, а въ городѣ; пьютъ чай только по воскресеньямъ, разъ въ недѣлю или по другимъ большимъ праздникамъ. Въ деревнѣ Вахнѣ имѣется 4 самовара на 30 дворовъ (154 д. об. п.), съ дер. Ангуровой 3 на 19 дворовъ (138 д. об. п.). Холостые ребята въ праздники набираютъ пряниковъ и идутъ въ какому-нибудь самоваровладѣльцу пить чай, который и угощаетъ ихъ своимъ чаемъ, за что беретъ по 5 коп. съ человѣка.

Западнѣе Черницовой дорога пересѣкаетъ двѣ рѣчки, текущія въ Шарженгу съ с.: Вотьбу и Возюгъ. Здѣсь очень много рѣчекъ съ окончаніемъ на югъ, а Возюгъ—одна изъ самыхъ западныхъ въ числѣ рѣчекъ съ такимъ окончаніемъ. Такія имена рѣчекъ встрѣчаются не только на сѣв. сторонѣ сузема, но и въ системахъ рѣкъ, текущихъ въ Волгу; вотъ перечень этихъ названій: на сѣв. сторонѣ сузема: Возюгъ (притокъ Шарженги), Пертюгъ (впад. въ Кишеньгу), Рыстюгъ (въ Югъ); на южн. сторонѣ сузема: Анягъ (въ Тову, притокъ Кемы), Мичугъ и Канюгъ (въ р. Межу), Пертюгъ и Пыстюгъ (принадлежать, какъ и предъидущіе къ системѣ Волги), два Кертюга (впад. въ Вочъ), Пертюгъ и Парюгъ (въ Вохму), Рундюгъ, Калюгъ и Луптюгъ (въ Велугу). Кромѣ того неизвѣстно мнѣ куда впадающія Шертюгъ, Кузюгъ, Пичугъ. Вѣроятно югъ означаетъ какое нибудь родовое понятіе съ болѣе широкимъ смысломъ *), которое и обратилось въ названіе главной рѣки края; остальные же рѣчки получили къ этому слову спеціальныя придатки, можетъ быть въ родѣ такихъ прилагательныхъ, какъ сѣверный, южный и проч. Дѣйствительно, на сѣв. сторонѣ сузема около г. Никольска есть двѣ рѣчки Пертюгъ и Пермасъ, которымъ на югѣ соответствуютъ своими окончаніями Пыстюгъ и Пызмасъ. Замѣчательно, что окончаніе югъ имѣютъ малевскія рѣчки, тѣже, которыя занимаютъ по величинѣ середину между ними и Югомъ, кончаются на га: Шарженга, Кишеньга.

Ночевать мы пришли въ дер. Зеленцову (18 вер. отъ Вахни). Было еще рано, и весь народъ, даже старухи и восьмилѣтніе дѣти, всѣ были въ полѣ на работѣ. Крестьяне жали хлѣбъ и складывали его въ копны. Это насъ заставило оставаться весь вечеръ голодными; сколько мы ни ходили по деревнѣ, мы ничего не могли найти; въ большей части избъ оставались одни только маленькія дѣти; въ одной избѣ мы нашли старуху въ осадномъ положеніи; довольно высокое и дряхлое крыльцо развалилось въ самый пол-

*) ю по зырянски рѣка; гы волна. Здѣсь, видимо, два слова на разныхъ нарѣчіяхъ значить одно и тоже—рѣку; прежде жившіе называли га (Ва-га). потомъ пришедшіе называли ю, т. е. рѣка—рѣка.

день и старуха очутилась заключенною въ своей избѣ съ маленькими дѣтьми; выйти ей не было возможности и она должна была дожидаться вечера, когда придутъ съ работы мужики. Другая старуха, которую мы нашли въ богатомъ и большомъ домѣ, объявила намъ, что можетъ быть въ ихъ домѣ и нашлось бы что-нибудь, но что она не большуха и не смѣетъ ничего дать. Мы подошли къ одному дому, возлѣ котораго стояли два мальчика.

— Кто хозяинъ этого дома? спросили мы ихъ.

— Я, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ въ шляпѣ изъ овечьей шерсти.

— Молоко есть? спросилъ его мой спутникъ, солдатъ.

— Есть, да большаковъ нѣтъ.

— А ты самъ парень ловкій, можетъ быть найдемъ?

— Нѣтъ, не берусь. Може вечерошнюю крынку дамъ.

— Вотъ и ловкій парень, а чего у рукъ не было, видно не знаешь!

— Мнѣ этого не поручаютъ!

— А что жъ тебѣ поручаютъ?

— А дадутъ хлѣбца—вотъ и всё.

— Только хлѣба?

— Только хлѣба и дадутъ: хочешь ѣшь, не хочешь—хоть брось.

— Ну рѣдьки, луку дадутъ тебѣ?

— Это сколько хочу, въ огородѣ нарву. Этого, братъ, ужъ не спрячешь.

И послѣ этого онъ облокотился на изгороду, посмотрѣлъ въ сжатое поле и съ серьезностью взрослого земледѣльца воскликнулъ:

— Поле какъ огладили!

— Огладили, парень! подтвердилъ его товарищъ.

Старались мы уговорить крестьянокъ, работавшихъ въ полѣ, дать намъ хлѣба и молока, но никто не хотѣлъ идти въ деревню, всё торопились жать рожь. Даже забѣжавшая за чѣмъ-нибудь въ деревню баба снова убѣгала въ поле, отвѣчая намъ, что ей нѣкогда отвѣшивать хлѣбъ. Въ полѣ слышны были шумъ и говоръ, но въ деревнѣ было тихо; только иногда раздавался изъ-за толстыхъ стѣнъ избъ крикъ грудного ребенка; дѣтей на улицѣ было не видно, потому что дѣти постарше, коноводы игръ, были также въ полѣ. Такая горячка въ работѣ происходила не потому, чтобъ рожь переспѣла; виновникомъ этаго былъ общинный бытъ; никто не хотѣлъ отстать отъ уборки, потому что когда она кончится, изгородь съ согласія міра открывается и скотъ входитъ въ сжатое поле; для одного залѣвившагося сроку открытія изгороди не будетъ продленъ, а потому всё и стараются работать дружно. Но если нѣтъ снисхожденія для лѣниваго, за то нѣтъ преимущества и для великоватажнаго крестьянина; кончивъ свои полосы раньше другихъ, онъ все таки не смѣетъ впустить свой скотъ за изгороду, пока весь міръ не отжнетъ.

Не такъ это бываетъ въ Малоросіи, какъ сообщили мнѣ мои спутники, харьковцы. Въ Изюмск. уѣздѣ, не смотря на общинное землевладѣніе, уборка происходитъ не одновременно; богатый мужикъ, имѣющій много воловъ, прежде всѣхъ вывозитъ снопы, потомъ пускаетъ своихъ возовъ, которые и стапты-ваютъ часто хлѣба бѣдныхъ. Здѣсь этого не можетъ случиться; потому что изгорода не разгораживается, пока мѣръ того не положить.

Только къ вечеру начали приходять ранѣ другихъ старухи; къ одной изъ нихъ мы обратились съ просьбой, и она собрала намъ крестьянскій ужинъ. Старуха имѣла нѣсколькихъ дочерей и женатаго сына; дочерей она выдала замужъ, а сынъ умеръ; она выдала сноху за крестьянина и приняла его въ домъ къ себѣ пріёмкомъ. Это здѣсь весьма распространенный обычай отъ Вохмы до города Тотьмы. Въ деревнѣ Зеленцовой 30 избъ и изъ нихъ въ 11 хозяйство ведется пріёмками; между ними есть солдаты и ссыльные, но большая часть крестьяне; въ пріемки идутъ или бобыли, которые жизнь провели ранѣ въ казакахъ, или лица и изъ богатыхъ домовъ, въ которыхъ много сыновей и которые прибѣгаютъ къ этому во избѣжаніе дѣлежа. Въ окрестностяхъ г. Никольска я зналъ даже одну крестьянку, которая, будучи дѣвицей, приняла къ себѣ пріемка, вышедши за него замужъ; ей достался въ наслѣдство домъ; жила она долго деревенскою проституткой; пріёмокъ ея былъ бездомовный крестьянинъ, 30 лѣтъ служившій въ казакахъ. Теперь они имѣютъ порядочное хозяйство и большою считается она; ей за 60 уже лѣтъ; она сдаетъ подати, хранитъ деньги, продаетъ излишки, участвуетъ въ мірскихъ сходкахъ, присутствуетъ при дѣлежѣ дѣлянокъ, а мужъ скромно ограничивается значеніемъ казака и пріемка. Пріемковъ принимаютъ и къ дочерямъ и къ овдовѣвшимъ снохамъ; много есть такихъ вдовъ, которыя жили уже съ мужьями отдѣльными домами; овдовѣвъ, онѣ берутъ себѣ пріемковъ; положеніе женщинъ въ этомъ состояніи вѣроятно несравненно лучше, чѣмъ обыкновенно.

Старухѣ, у которой мы ужинали, было около 70 лѣтъ, а она все-таки ходитъ жать до поздняго вечера. Я высказалъ свое удивленіе.

— Стыдно будетъ безъ работы, отвѣчала мнѣ старуха. Сидишь дома, ничего не дѣлаешь, скажутъ большаки. Дѣтей нанять у насъ въ домѣ нѣтъ.

Дѣти, т. е. внучата, это счастье для здѣшней старухи. Гдѣ есть они, тамъ ей и жить сносно; безъ нея пришлось бы нанимать пѣстунью, и она своей услугой дѣлаетъ въ хозяйствѣ сбереженіе. Вообще здѣсь старость не пользуется уваженіемъ. Старикъ и дитя, всѣ возрасты здѣсь цѣнятся, какъ рабочая сила, какъ казакъ. Какъ только старикъ начинаетъ слабѣть силами, онъ ужъ не большакъ. Большакомъ становится его сынъ; онъ распорядится домомъ, въ его рукахъ находятся деньги, онъ назначаетъ отцу дневную

работу. Мнѣ случилось заставить въ избѣ одного старика безъ большаковъ и просить поставить самоваръ; и этаго старикъ не смѣлъ сдѣлать, боясь, чтобъ не осердились большаки.

— Какъ же такъ, дѣдъ, спрашиваешь такого домовника. Вѣдь ты хозяинъ дому.

— Не я большакъ—отъ, отвѣчаетъ онъ, растягивая конецъ.

— Да хоть и не большакъ, но вѣдь домъ—то ты строишь?

— Изъ годовъ-то я вѣдь вышелъ. Не работникъ ужь я. Ужь меня не слушаютъ.

„Сядутъ пить чай, рассказывалъ мнѣ одинъ такой развѣнчанный большакъ про свою нисходящую линію, пригласить, напѣшся, а нѣтъ, такъ и такъ просидишь, только посмотришь. Скажешь что-нибудь: тебя не опрашиваютъ, отвѣчаютъ. Досадно, да ужь молчишь“. Обращаются здѣсь со стариками безцеремонно, даже обидно: при мнѣ однажды отецъ старикъ и его сынъ большакъ стали куда-то одѣваться; сынъ подалъ отцу худую опояску, а себѣ оставилъ хорошую.

— Не надо мнѣ эту, сказалъ отецъ тихо, отодвигая опояску.

— Ну, на! все бы женихомъ одѣвался! сказалъ сынъ и бросилъ отцу другую опояску.

Положеніе стариковъ въ здѣшней общинѣ не завидное; въ д. Зеленцовъ есть одинъ старикъ, который остался съ сыномъ и двумя дочерьми; сначала старикъ жилъ у сына: работать онъ не могъ, и потому въ страду сынъ и хлѣба не оставлялъ ему, когда уходилъ съ женой въ поле. Старикъ принужденъ былъ уйти отъ сына и бросить домъ, въ которомъ самъ родился или который можетъ быть самъ строить; одна дочь тоже ушла въ казачихи, а другая живетъ съ братомъ, работаетъ ему изъ-за хлѣба. Вообще домъ не даетъ здѣсь отцу ни какого вѣса—онъ не составляетъ его собственности, потому что строится помощью, сосѣдями, бесплатно; поэтому дома въ деревнѣ скорѣе общинное имущество, чѣмъ частное, и во время дѣлежа, достаются младшимъ сыновьямъ по обычаю, слѣдовательно помимо воли отца. Такія отношенія между возрастами составляютъ противоположность тѣмъ, какія существуютъ на югѣ, наприм. въ Уральскомъ и Донскомъ войскахъ, гдѣ миръ образуется изъ стариковъ, изъ нихъ составляется голосъ народа, они являются съ протестомъ за общество,нося передъ начальствомъ прошенія на своихъ головахъ—и идутъ иногда въ ссылку. Можно сказать, что на югѣ цензъ первый, здѣсь мускульный. Однакожь здѣшніе порядки имѣютъ свою хорошую сторону, во первыхъ представительство на сходѣ принадлежитъ самому труду, во вторыхъ община менѣе упорна въ старыхъ обычаяхъ и податливѣе на нововведенія.

Еще печальнѣе положеніе здѣсь старухъ. Старухи раньше отстаютъ отъ сѣнокоса, чѣмъ отъ жатвы; я видѣлъ старухъ, которые уже по 16 л. не ходятъ косить, но все еще жнуть. Одѣваются старики и старухи при помощи своихъ дочерей; сыновья и ихъ жены ихъ не одѣваютъ. Старуха прядетъ; дочь ткеть холстъ, а старикъ ватитъ валки; слѣдовательно сколько снохъ въ домѣ, столько дербъ + 1. Если старуха овдовѣтъ, выдаетъ послѣднюю дочь и останется одна—она должна пробавляться старымъ льномъ и старымъ холстомъ и платьемъ. Ни выданная дочь, ни сноха, въ одномъ домѣ съ которой живетъ она, не одѣваютъ её; подъ старость старухи копятъ ленъ и холстъ, какъ невѣста къ свадьбѣ. Въ одной деревнѣ мы зашли къ старушкѣ, которая только что похоронила послѣднюю незамужнюю дочь: старуха рассчитывала дожить, не нуждаясь въ платьѣ; у нихъ съ дочерью было 30 трубицъ холста, три сувитка, да кромѣ того на это лѣто онѣ съ дочерью насѣяли еще льна, а одинъ сѣмъ льна хватаетъ на два года. Старуха не была печальна и разсыпалась въ похвалахъ покойницѣ; видно было, что старуха была въ барышахъ отъ смерти своей работающей дочери, потому что не умри дочь, её бы пришлось выдать замужъ, а съ ней вмѣстѣ и половину холстовъ.

Я спрашивалъ, всегда ли были такія отношенія между возрастами и мнѣ старики отвѣчали, что такъ стало только теперь, что сами они воспитывались въ страхѣ передъ стариками. Не знаю навѣрно, или они лгутъ, или въ самомъ дѣлѣ въ этихъ отношеніяхъ произошла перемѣна *).

Обычай вдовъ принимать пріёмковъ можетъ оказать въ будущемъ хорошее вліяніе на теченіе женскаго вопроса, когда онъ будетъ перенесенъ въ крестьянскую среду. Теперь же никовскій уѣздъ по положенію женщинъ принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ. Положеніе женщины въ крестьянствѣ отличается въ Россіи областными особенностями и жаль, что до сихъ поръ ничего не дѣлается для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Одна статистика проституціи показала бы значительную разницу между областями; безъ знанія даже точныхъ фактовъ можно уже догадываться, что и на картѣ Россіи самыя яркія краски проституціи лежатъ на Дону, на мануфактурной области Москвы, на побережьи Балтійскаго моря и на Сибири. Донъ и Яикъ представляютъ въ этомъ отношеніи контрастъ; въ то время какъ въ послѣднемъ господствуютъ строгіе нравы, проституціей въ г. Уральскѣ занимаются почти исключительно мѣщанки изъ Бузулука и другихъ самарскихъ городовъ.

*) Описанные случаи конечно не составляютъ общаго правила и въ большинствѣ семей разумѣется добрая природа человѣческаго сердца смягчаетъ отношенія между возрастами, но для этнографа исключенія представляютъ такой же благодарный матеріалъ для сравненія и очерка областныхъ характеристикъ, какъ и общія правила.

на Дону слабость семейныхъ узъ обыкновенное явленіе. Народный юморъ подмѣтилъ это печальное явленіе и передаетъ его въ формѣ забавныхъ анекдотовъ. Кто знаетъ разницу между этими войсками въ отправленіи военной повинности, для того это не будетъ удивительно; на Яикѣ на службу ходятъ почти все одни и тѣ же лица; большинство живетъ въ чистыхъ деревенскихъ правахъ и общественное мнѣніе противъ свободы въ половыхъ отношеніяхъ; напротивъ на Дону каждый непременно уходитъ на два, на три года съ родины, и чаще всего именно въ ту самую пору, когда онъ и жена его очень молоды и жизнь не поддается цуристскимъ требованіямъ. Вотъ какъ рассказывается о возвращеніи донскаго казака изъ отряда. Подъѣзжаютъ они въ станицѣ: пахъ, пахъ! изъ ружей по полю. Въ станицу въѣхали: пахъ, пахъ! Въ избу войдетъ: пахъ! Жена на колѣнки передъ нимъ, а передъ собой дѣтей поставитъ. Это чьи балбашата? спрашиваетъ мужъ про дѣтей, которыхъ женѣ не оставлялъ. Такіе порядки на Дону вынуждаютъ специально областныя преступленія. Большинство убійствъ въ Донскомъ войскѣ совершается казачками; изъ трудовъ Донск. Статист. Комитета 1866 г. стр. 141 видно, что изъ 80 убійствъ 43 совершено казаками; причинами 22-хъ убійствъ были 1) нарушеніе супружеской вѣрности большею частью со стороны жены во время нахождения мужа на службѣ, 2) несогласіе между супругами, какъ слѣдствіе недобровольнаго вступленія въ бракъ. Подобныя же черты нравовъ рассказываются и о Сибири. Изъ этого видно, что статистика женскихъ преступленій по областямъ доставила бы интересные факты.

Женскій трудъ также разнообразится по областямъ; въ однихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Уральскомъ войскѣ, она знаетъ только ухотъ за огородомъ и доеніе коровъ, въ другихъ мѣстахъ она косить, но не жнеть, въ третьихъ и косить и жнеть, въ четвертыхъ даже пашеть, какъ въ Калужской губерніи. Въ Никольскомъ уѣздѣ женщина косить и жнеть, но не пашеть, а только дѣвѣцы боронять. Какъ частое исключеніе однакожъ встрѣчаются вдовы, которыя пашутъ. Какъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ женщина обязана нести тяжелый физическій трудъ наравнѣ съ мужчиной, она и здѣсь не пользуется тѣмъ болѣе высокимъ положеніемъ въ семьѣ, которымъ отличается, на примѣръ, Уральское войско. Про Буломорское побережье давно ужъ говорятъ, что тамъ положеніе женщины лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи; и оно лучше, чѣмъ здѣсь, при сѣверной подошвѣ урало-алаунской гряды. Мнѣ кажется, что оно вездѣ лучше, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла, гдѣ женщина должна отыскать какое-нибудь специальное для себя занятіе. Тамъ, гдѣ она дѣлитъ тотъ же трудъ, которымъ занятъ и мужчина, гдѣ слѣдовательно она должна соперничать съ нимъ въ физическомъ трудѣ, тамъ она обращается въ рабу, потому что мускульныя силы ея

слабѣе, чѣмъ у мужчины, и послѣдній ясно сознаеть, что накопленіе капитала производится больше имъ, чѣмъ его женой. Но гдѣ жена не дѣлитъ занятія мужа, когда у ней есть свой промыселъ, какъ наприм. ткачество, въ которомъ мужъ ей не соперничаетъ, какъ въ Вѣдоморѣ, тамъ вѣсь ея въ семействѣ поднимается; она вводитъ въ домъ чистоплотность, устраиваетъ горницу съ цвѣтами, обшиваетъ мужа пестрядинными рубашками и снабжаетъ носовыми платками *); она усложняетъ кухню, словомъ становится специалисткой, мастерицей. Мужчина исподволь привыкаетъ въ комфорту и начинаетъ въ женщинѣ пѣнить именно искусство его создавать. Тогда женщина пріобрѣтаетъ роль воспитательную, получаетъ культурное значеніе, въ ней возрастаетъ чувство собственнаго достоинства, и она вѣроятно съ большей смѣлостью и ловкостью отстаиваетъ себя. Но гдѣ она простой кашеваръ, умѣющій только сварить щи на кусочкахъ сала и гречневую кашу, какъ въ Калужской губерніи, или натереть рѣдьки да наболтать въ квасѣ толокна или сварить самую безхитростную уху изъ трески, какъ здѣсь, словомъ всѣтакія блюда, которыя сплошь и рядомъ варятъ сами мужики, когда соединяются въ рабочія артели на пристаняхъ и т. п., гдѣ платье ея состоитъ изъ одного грязнаго сарафана, гдѣ она живетъ въ одной избѣ со свиньями, тамъ она просто только работница, а не совѣтница. Здѣсь трудъ ея не отличается отъ мужского, рядомъ съ женщиной она косить, катаетъ валки и варитъ несколько не искуснѣе мужа, платье ея отличается отъ мужского только въ головномъ уборѣ; словомъ здѣсь она полумужичье *) и не отличается особымъ домашнимъ обиходомъ, и мужчина легче порабощаетъ её. Напротивъ, онъ тамъ уважаетъ её, гдѣ она специализировала свой трудъ, умѣетъ сварить, соткать, вышить, такъ что мужчина не можетъ съ ней соперничать.

Здѣсь на женщину смотрятъ только, какъ на работницу, на казачиху. Когда женятъ сына, говорятъ „нажилъ казачиху“. Здѣшняя женщина въ сельскихъ работахъ мало уступаетъ мужчинамъ; въ семействахъ, гдѣ большинство душъ женскаго пола, накашивается и нажнается столько же, какъ будто оно состояло изъ однихъ мужчинъ. Здѣсь женщина можетъ себя оплатить государственными податями, если она записана ревизской душой. Семейства, въ которыхъ большинство рабочихъ рукъ женщины, берутъ землю по числу

*) Въ Архангельской губ. по приморью всѣ бабы отличныя ткачихи, ткутъ льняные платки, которые называютъ полотняными и продаютъ ихъ по 30—50 коп. платокъ; здѣсь у каждаго крестьянина есть по нѣскольку такихъ платковъ, суканыхъ женой и употребляемыхъ имъ въ качествѣ носовыхъ. Женщины ткутъ здѣсь также пестрядь, т. е. клѣтчатую льняную ткань; изъ мелко-клѣтчатой крестьяне шьютъ рубашки, а съ крупными клѣтками идетъ на женскія юбки.

*) Полумужичьемъ здѣсь называются гермафродиты или и нормальныя женщины, но одѣвающиеся по мужски и усвоивающія себѣ мужскія занятія. мужской голосъ и мужскую брань.

ревизскихъ душъ, а не менѣе. Я зналъ крестьянина, у котораго было 3 души; самъ, баба и взрослый племянникъ, и онъ имѣлъ земли на 3 души и высѣвалъ также, какъ и другіе, по 3 мѣры или еще болѣе. Въ деревнѣ Носковой живутъ въ одной избѣ баба и дѣвка; баба солдатка. На нихъ ревизскихъ душъ не числятся, но мѣръ даетъ имъ землю на двѣ ревизскія души, а онѣ платятъ подати и сами пахутъ.

Рабочая плата однакожъ повсемѣстно для женщинъ менѣе. Казакъ въ Никольскѣ получаетъ за лѣто отъ 30 до 15 рублей и хозяйскую одежду, казачиха только 10 рублей безъ одежды. Точно также и женская поденщина меньше; мужчинамъ даютъ по 40 к. въ день, женщинамъ по 30.

Приданое здѣсь состоитъ только въ бѣльѣ и платьѣ, какое невѣста въ состояніи будетъ накопить до своей свадьбы; обыкновенное приданое состоитъ изъ двухъ шубъ: „носящей“ и новой, двухъ, камзоловъ: „носящаго“ и новаго и до 6 сарафановъ. Посуды не дается никакой, а равно и денегъ не бываетъ въ числѣ приданого. Одна знакомая мнѣ дѣвушка вынесла три сарафана: одинъ англійскаго ситца, другой шерстяной и третій пестрый, кромѣ синихъ крашенныхъ—она уже считалась состоятельной невѣстой.

Въ Тотмѣ у мѣщанъ даютъ въ приданое до 40—45 рублей; всѣ эти деньги обыкновенно издерживаются на свадебные обряды. У Никольскихъ мѣщанъ никакихъ денегъ не дается, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ окрестныхъ крестьянъ. Давать деньги въ приданое въ обычаѣ только у ремесленниковъ.

Заработокъ у дѣвицъ здѣсь бываетъ самый большой отъ тканья, потому что отъ найма въ концы на сторону и при грузкѣ барокъ. На свои заработки дѣвушка сама одѣвается, строятъ свою „приправу“ какъ здѣсь говорятъ, т. е. ситцевый сарафанъ, башмаки, поясъ и проч. Она должна также изъ своего холста нашить бѣлья на отца и братьевъ. Все приданое, какое она выносить, состоитъ только въ ея платьѣ и въ трубицахъ холста. Если дѣвушка имѣла много братьевъ, она почти ничего не вынесетъ въ приданое если не имѣла ихъ вовсе, изъ нея выйдетъ богатая невѣста. Есть впрочемъ и такія, которыя не одѣваютъ не только братьевъ, но и отца, если послѣдній богатъ. Вообще дѣвушка должна напасти холстовъ какъ можно болѣе; въ первые годы замужней жизни, пока дѣти маленькіе—происходитъ только убыль въ холстахъ. Только когда ватага подростеть, въ особенности если въ числѣ дѣтей будетъ дѣвица—запасъ льна и холстовъ начинаетъ увеличиваться.

Домашнія работы въ деревняхъ около Никольска распределяются между слухами такимъ образомъ: если въ домѣ нѣтъ свекрови или очень стара, большухой, т. е. стряпкой, дѣлается старшая сноха; двѣ другихъ чередуются въ уборкѣ за скотомъ; въ то время какъ одна ходитъ за скотомъ, другая мететь сѣни, носить воду и пр. Гульной недѣли, когда свободная отъ се-

мейныхъ работъ сноха прядетъ ленъ на себя, какъ въ Сибири (въ Алтаѣ), нѣтъ; лёнъ прядетъ каждая, когда найдетъ къ тому свободное между дѣлъ время. Если три снохи лишнихъ, то заводятъ скота больше, наприм. свиней, и тогда бываетъ двѣ снохи скотницы, одна коровница и одна свиначница. Не далеко отсюда, внизъ по Югу, около д. Ворониной уже разница: тамъ всѣ снохи чередуются между собою у печи, т. е. старшая сноха не имѣетъ привилегіи быть страпкой.

Случаи дѣлимости семей, кажется, въ послѣднее время умножились, особенно вѣроятно послѣ того, какъ новые суды подняли въ женщинахъ чувство собственного достоинства. И здѣсь, гдѣ еще нѣтъ гласнаго суда, однакожь женщины въ крестьянствѣ заговорили о новыхъ женскихъ правахъ. По мнѣнію крестьянъ, дѣленіе семей происходитъ отъ ссоръ между снохами, что отъ виной всѣхъ раздоровъ, какіе бываютъ въ семействахъ, что братья никогда не вздорили бы между собой, если-бъ не ихъ жены. Это мнѣніе закрѣпляется поговоркой: „три топора лежатъ подъ лавкой, не дерутся, а три копыла раздорятъ“. Поводомъ къ раздорамъ женщинъ служатъ споры о работѣ и о дѣтяхъ; бездѣтная или малодѣтная сноха не хочетъ, чтобъ ея трудъ шелъ на содержаніе чужихъ дѣтей. Объяснить, почему женщины больше вздорятъ, чѣмъ мужчины, мнѣ кажется легко—женщины приходятъ изъ разныхъ домовъ, разнаго воспитанія и поступаютъ подъ власть свекрови, чужой женщины, которой повиноваться съ дѣтства не приучились; напротивъ, мужчины остаются и женатые въ домѣ отца, къ деспотизму управленія котораго съ дѣтскаго возраста привыкли. При томъ и конституція женской половины со всѣмъ другая—у мужчинъ не можетъ быть спора о работѣ: все дѣлается по распоряженію отца; въ юрисдикціи свекрови существуетъ напротивъ очередной трудъ, здѣсь существуетъ самоопредѣленіе мѣры труда; правильность этого опредѣленія устанавливается не вѣшною властью деспота, а общимъ контролемъ снохъ *).

Въ Зеленцовой деревнѣ я встрѣтилъ подъ вечеръ крестьянина, который гналъ скотъ на продажу въ Боярщину; такъ здѣсь называютъ населенную мѣстность въ низовьяхъ р. Кемы, гдѣ были прежде крѣпостные; крестьянинъ этотъ гоняетъ туда скотъ уже около 25 лѣтъ; прежде, когда земскіе крестьяне были богаче, онъ гонялъ по 150 головъ въ дѣто; нынѣ меньше. Черезъ Зеленцову онъ гналъ теперь только 15 головъ; гоняетъ онъ ихъ обыкновенно черезъ Юзу и дер. Княжеву на Васильево; въ 3 дня онъ при-

*) Птица въ деревняхъ около Никольска составляетъ общее достояніе всей семьи; но тамъ, гдѣ каждая сноха содержитъ свою птицу отдѣльно, какъ напримѣръ гусей въ Алтаѣ, драчливый характеръ птицы вѣроятно не мало отражается и на отношеніяхъ хозяекъ.

говядетъ ихъ на мѣсто, а черезъ недѣлю разсчитываетъ уже быть дома. Нѣкоторыя головы онъ покупаетъ на деньги, другія беретъ въ домъ—въ передній путь онъ рядится о цѣнѣ съ хозяиномъ, а деньги платитъ по возвращеніи.

Около Зеленцовой на р. Шарженгѣ растетъ не высокая липа въ видѣ насажденія; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; сюда пріѣзжаютъ рубить липу и изъ другихъ мѣстъ; липу можно найти и во всемъ никольскомъ лѣсничествѣ, но въ видѣ насажденія на сѣверной сторонѣ урало-алаунской гряды она кажется встрѣчается рѣдко. Урало-алаунская гряда служитъ границей для нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ; кленъ растетъ въ никольскомъ лѣсничествѣ только по рѣчкамъ, текущимъ въ Волгу, по Ирдому, Душтугу, Пыштугу и Камѣ, но и здѣсь онъ не толще граблища. На сѣверной сторонѣ суэма кленъ не встрѣчается; точно также здѣсь не слышно и ильмы; говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, будто низкорослая ильма растетъ близъ дер. Кумбисеръ вмѣстѣ съ липой на р. Кузовницѣ, но это извѣстіе требуетъ поправки. Дубъ встрѣчается только въ Ветлужскомъ уѣздѣ; въ Никольскомъ у. его нѣтъ. Попытка садить дубъ въ Никольскомъ у. по р. Пызмасу, въ 1½ в. отъ границы Ветлужскаго уѣзда, не увѣчалась успѣхомъ, но не влѣдствіе климатическихъ условій, а по небрежности лѣсной стражи, такъ какъ всходы были или вытравливаемы скотомъ или скашиваемы. Липа на южной сторонѣ суэма гораздо выше ростомъ, чѣмъ на сѣверной; по Пыштугу, Пызмасу и ихъ притокамъ липа достигаетъ до толщины оглобли, толще же дѣлается дупловатою. По Камѣ липы выше устья Юзы встрѣчаются въ обхватъ толщиною; отсюда въ Никольскъ доставляютъ липовую древесину для иконостасной рѣзбы. По Камѣ кажется южныя породы дальше проникаютъ на Сѣверъ, чѣмъ по притокамъ Ветлуги. По сѣвернымъ притокамъ этой рѣки по Вохмѣ и друг., липа растетъ только въ видѣ вустарника; въ вершинахъ Ирдомы она встрѣчается только въ 1½ арш. высоты; по р. Калюгу ея во все нѣтъ. На сѣверной сторонѣ суэма она вездѣ не выше 1½ арш. высоты, и извѣстна въ народѣ подъ названіемъ лутошки; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; для плетенія же самихъ лаптей здѣшніе крестьяне покупаютъ лыко, которое привозятъ крестьяне съ Вохмы на никольскій рынокъ, и продаютъ здѣсь вязанце (на 3 лапти) по 8 к. с. Къ Западу же отъ Никольска крестьяне носятъ болѣе берестяные лапти. Изрѣдка встрѣчаются въ деревняхъ и городахъ липы потолкаще; такъ въ деревнѣ Дьячковой, къ Западу отъ Вахи, я видѣлъ въ огородѣ одного крестьянина липу до 1½ вершка въ отрубѣ; липы встрѣчаются въ садахъ въ г. Никольскѣ и въ Леденгскомъ заводѣ; съ г. Никольскѣ, какъ мнѣ говорили, липа цвѣтетъ

ежегодно *). Въ Тотемскомъ у. липовое насажденіе находится по р. Вохмѣ, въ такъ называемой пустоши Глазунихѣ, на Южной сторонѣ р. Сухоны. Но она встрѣчается въ видѣ низкорослой лутошки и сѣвернѣе Сухоны, наприм. на р. Уфтюгѣ, близъ дер. Маурниковой, въ Верховскомъ обществѣ.

Какимъ образомъ здѣсь размножается липа? Трудно предположить, чтобы иногда вѣтромъ заносило сюда липовыя сѣмена; скорѣе можно думать, что нѣкогда на сѣверной сторонѣ Сузёма были другія климатическія условія, что липа здѣсь росла цѣлыми лѣсами, что впоследствии климатъ измѣнился, съ тѣмъ вмѣстѣ липа недорастаетъ до надлежащей высоты, чтобы приносить зрѣлыя сѣмена, и разсѣяныя потомки этихъ лѣсовъ поддерживаютъ свое существованіе размноженіемъ отъ пней и можетъ быть отъ корней. Въ Зеленцовой мѣѣ рассказывали, что здѣсь вырвали изъ земли толстыя корни липы, которые по длинѣ своей пустили тонкія лутошки. Можетъ быть здѣсь нѣкогда росли и дубъ и вязъ и кленъ и потому исчезли безслѣдно, что не могли расплодиться отъ пня и корня, какъ липа. Будущія изслѣдованія здѣшнихъ торфяниковъ можетъ быть откроютъ другую генерацию древесныхъ породъ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ; я слышала, что гдѣ-то въ Грязовецкомъ уѣздѣ изъ одного сзера около какого-то помѣстья, названія котораго мѣѣ не могли сказать, былъ вынутъ обломокъ дуба. Какъ любопытное мѣсто для будущихъ изслѣдователей, я долженъ здѣсь упомянуть объ одномъ омутѣ по р. Шарженгѣ, о которомъ я знаю впрочемъ только по слухамъ. Шарженга какъ говорятъ здѣсь „нурстая“ рѣка, т. е. течетъ тихо, въ глубокомъ борытѣ и имѣетъ много ямъ, которыя называются здѣсь кочаи (не ручаюсь, что пишу правильно это слово); самое начало свое она беретъ въ ямѣ, со дна которой бѣѣтъ ключъ аршина въ 3 высоты; выше дер. Зеленцовой на р. Шарженгѣ есть деревни Сѣнина и Плѣшкина: между этими деревнями есть въ рѣкѣ яма, уходящая подъ берегъ, изъ подъ котораго въ воду высовываются концы древесныхъ стволовъ; мужики артелью старались отломать ихъ, зацѣпивъ веревками, но добыли только небольшой кусокъ. Вѣроятно эти стволы и служатъ скрѣпой для берега, который лежитъ на нихъ и не валится въ воду; можетъ быть эти стволы остатки заломка какой-нибудь крайне отдаленной эпохи и заключаютъ въ себѣ стволы древесныхъ породъ, которыя теперь уже не растутъ на сѣверной сторонѣ здѣшняго сузёма.

Урало-алаунская гряда оказываетъ вліяніе и на распредѣленіе животнаго царства. Такъ наприм. щеглы вовсе не водятся въ Никольскомъ уѣздѣ;

*) Здѣшніе крестьяне съ удивленіемъ узнаютъ, что ихъ «лутошка» можетъ цвѣсти при другихъ условіяхъ, они также не знаютъ слова липа, и на вопросъ, растутъ ли у нихъ липа, отвѣчаютъ, что такого дерева они не знаютъ; свои же маленькія деревца они называютъ л у т о ш к о й.

ихъ ловятъ на южной сторонѣ сузѣма въ Кологривѣ и на сѣверной въ гор. Тотмѣ. Въ г. Никольскѣ, несмотря на то, что здѣсь хлѣбная пристань, и на берегу построены большіе амбары для хлѣба, нѣтъ однакожь крысь. Пчеловодство существуетъ только въ одной системѣ р. Вохмы и по ея притокамъ углубляется почти до ихъ вершинъ; такъ наприм. по р. Бѣлой пчелиныя кражи есть въ деревнѣ Палкичевой, по р. Вочу ихъ разводятъ около с. Павина. Въ дер. Вани у одного крестьянина было до 70 кражей, но нывѣ погибли; въ дер. Мочуевомъ Раменѣ у вятчанина было 30 кражей. Старались развести пчелъ на сѣверной сторонѣ сузѣма, но безуспѣшно; именно перенесли однажды два кража черезъ волокъ въ дер. Хайржзовку (на р. Евталу), но они погибли. Пчелы вѣроятно могли бы жить на р. Кемѣ.

Лишнякъ, второй растеть по Шарженгѣ около дер. Зеленцовой, замѣчательнѣе еще въ демонологическомъ отношеніи. Крестьяне говорятъ, что изъ него только тотъ находитъ дорогу, кто не срубилъ лутошку; напротивъ, кто срубилъ, тотъ непремѣнно заблудится. Крестьяне думаютъ, что это балуетъ мѣстный лѣшій; поэтому они собираются писать прошеніе „ихнему главному“ чтобъ запретилъ младшему лѣшему продолжать свои баловства. Подавать прошенія лѣшимъ здѣсь въ обыкновеніи, мнѣ рассказывали очевидцы, что они встрѣчали въ лѣсу подобныя прошенія, написанныя углемъ особымъ почеркомъ на огромныхъ листахъ бересты, приколотенныхъ къ деревьямъ; набожные люди не только не смѣютъ ихъ потрогать, не смѣютъ даже смотрѣть на нихъ. Такія прошенія пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозреваютъ въ коноврадствѣ самага лѣснаго; при этомъ нужно замѣтить, что не всякій грамотный человѣкъ можетъ писать подобныя прошенія; вужно, чтобъ лѣшему было тонко замѣчено, что онъ виновникъ пропажи, чтобъ въ прошеніи не было откровенно высказано, что лѣшій подозрѣвается въ воровствѣ—иначе онъ можетъ обидѣться. Лѣшій здѣсь называется „лѣснымъ хозяиномъ“. „Лѣсные ходаки“ т. е. звѣроловы знаютъ въ лѣсу отлично всѣ мѣста и не боятся лѣснаго хозяина. Опасно становиться на „дорогѣ“ лѣснаго хозяина. Одинъ лѣсной промышленникъ заночевалъ въ лѣсу; вдругъ раздался крикъ: „убирайся домой! расклатся на самой дорогѣ! покойнива повесутъ!“ Человѣкъ отошелъ въ сторону сажень съ 20 и прислонился къ дереву. Только онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ дѣйствительно цѣлая толпа „негодныхъ“ прошла мимо его съ покойникомъ на рукахъ. Деревня Ковыгина (въ 3¹/₂ вер. отъ г. Никольска) стояла прежде на „дорогѣ“ лѣснаго хозяина, на хорошемъ угорьѣ, какъ вообще здѣсь любятъ располагаться врестьяне; лѣсной хозяинъ мѣтромъ спибалъ дома, но мужики долго упрямылись; наконецъ, когда лѣсной хозяинъ во время страды засуулъ одного ребенка въ подворотню, что видѣли пѣстуны и послѣ рассказывали другимъ, мужики порѣшили бросить угорье

и переселяться къ его подошвѣ, на прилегающую низменность. Такъ народъ объясняетъ, почему дер. Коныгина вопреки общему обычаю построена не на угорьѣ, а въ ямѣ.

Вообще здѣсь легко встрѣтиться съ человѣкомъ, видѣвшимъ „негодныхъ“ или съ колдуномъ или даже съ потомкомъ негоднаго, потому что послѣдніе живутъ съ женщинами. Бываютъ крестьяне—друзья лѣсныхъ; къ одному крестьянину лѣсной ходилъ въ гости; когда варятъ пиво, онъ никогда не спить его всё своимъ гостямъ, а котель ведерь съ 15 оставить. Въ полночь является лѣсной, садятся вмѣстѣ съ старикомъ за столъ и пьютъ. Лѣсной бралъ котель въ обѣ руки и выпивалъ черезъ край за два раза. Колдуны, по здѣшнему опасные, здѣсь есть чуть не въ каждой деревнѣ; они не скрываются и пользуются большимъ почетомъ; во время свадебъ ихъ садятъ на самое почетное мѣсто—въ передній уголъ, такъ что женихъ и невѣста занимаютъ уже второе. У этихъ колдуновъ можно находить кремневые стрѣлы каменнаго періода. Есть и колдуньи. Кажется, роды колдовства мужчинъ и женщинъ нѣсколько различны, хотя есть и такіе предметы, надъ которыми они одинаково упражняются. Мужчины портятъ людей, овощи (рѣдьку, яблоки), свадьбы, испѣляютъ больныхъ, привораживаютъ любовницъ (присушиваютъ). Женщины болѣе колдуютъ по хозяйству: умѣютъ устроить, чтобъ свой пѣтухъ билъ чужого, или чужое молоко перешло на свой дворъ, лечатъ женскія и дѣтскія болѣзни и проч.

Помѣщая здѣсь матеріалы для миеологіи и демонологіи, собранные въ Никольскомъ уѣздѣ:

Вѣдьмы есть природныя и ученыя; послѣднія безъ хвостика, первыя съ хвостикомъ; другія и природныя вѣдьмы, да не знаютъ ничего или не хотятъ пользоваться врожденнымъ дарованіемъ. Гдѣ вѣдьма живетъ, дымъ изъ трубы идетъ противъ вѣтра.

Собаки и кошки—„первыши“ (первенцы отъ несуботки) отличаются хорошими качествами, одно изъ которыхъ: видятъ нечистаго. Отъ нихъ вѣдьма не скроется и подъ видомъ сороки. Но трудно воспитать такихъ щенятъ или котятъ—колдуны убьютъ ихъ. Нужно или протаскивать ихъ сѣвезъ вѣженую колесную трубицу или на ночь прятать подъ борону.

При переходѣ въ новый домъ несутъ съ собой хлѣба, соли, соломы, которую стелать, прежде чѣмъ ступить ногами на полъ (чтобъ не ступить на голый полъ), пускаютъ пѣтуха съ курами и замѣчаютъ: если пошелъ въ сѣдн, то будетъ хорошо жить.

Овнѣй весь не вымолачиваютъ до послѣдняго снопа, всегда оставляютъ въ немъ 9 или 13 сноповъ, такъ назыв. жителей. Это дѣлается для того, чтобъ въ овнѣ всегда были жители. Оставляя жителей, кланяются овну

безъ креста и говорить: „благодарю тебя овинъ, что сохранилъ нашъ хлѣбъ“. Число „жителей“ должно быть нечетное: „не въ-чету, а на-лижу“.

Чтобъ нашъ пѣтухъ билъ чужаго, нужно въ великій четвергъ въ великій постъ кормить своего пѣтуха на заслонкѣ на зарѣ. А если вырвать у чужого пѣтуха косички т. е. два длинныхъ хвостовыхъ пера, онъ станетъ слабѣе курицы, и станетъ отъ нихъ бѣгать, не только отъ пѣтуха. При продажѣ выдергиваютъ у курицы перо, чтобъ „плодъ“ ея въ дому продавца остался.

Рѣвка только тогда можетъ пройти (весной) или стать (осенью), когда приметъ утопленника.

Всякій покойникъ что-нибудь возьметъ съ собой изъ своего дома—иногда все свое имущество (домъ сгорить). Если сгорить одна баня вскорѣ послѣ покойника, говорятъ: ой—да, немного хоть взялъ!

Свиньи съ сережками на горлѣ въ Устюгѣ считаются урочливыми; а въ Тотмѣ и вообще свинью считаютъ урочливой и потому колать её тайкомъ ночью.

Квашня тоже вещь очень урочливая. Если квашня испортилась, нужно, замѣсивъ хлѣбы и посадивъ въ печь, изъ оскребковъ скатать небольшой хлѣбецъ, сильно посолить и оставить на столѣ, пока сильно не тронется и до тѣхъ поръ не мыть стола; когда хлѣбецъ тронется, нужно налить въ квашню воды, перекрестить хлѣбецъ и опустить на середину квашни; квашня исправится.

Если молоко „помѣшается“ нужно положить подойникъ на порогъ и класть березовой вицей, пока не прочитаешь 3 раза богородицу или положить кусокъ хлѣба въ подойникъ и, увидѣвъ быка, выйти къ нему и дать, чтобъ онъ съѣлъ кусокъ, лежащій въ подойникѣ.

Стрига ходить и стрижетъ шерсть у овецъ на темени; есть однакожъ въ деревняхъ мужики скептики, которые приписываютъ оголенье череповъ у овецъ чесанью ихъ головой объ что-нибудь.

Сорока стрекочетъ на бурундукѣ—пространствѣ передъ ступенями крыльца—гости будутъ.

Отъ клоповъ средствомъ служить нечаянно найденная телѣжная чека, или слѣдуетъ бросить клопа вслѣдъ уходящаго попа со словами: куда пошь, туда клошь.

Траву чертогонъ кладутъ надъ дверями, гдѣ часто ходятъ: наприм., при входѣ въ избу, подобно тому, какъ кладутъ тутъ косу или деготь въ бутылкѣ или просто мажутъ двери дегтемъ—будто это предохраняетъ отъ поветрій.

Кошки хороши удаются, которыя рождаются, когда лѣсъ голый.

Встрѣтить въ дорогѣ попа—будетъ неудача. Нужно въ это время черезъ карманъ взяться за свои testiculi и ничего не будетъ.

Громовая стрѣла предохраняетъ домъ отъ грома, если она въ немъ находится. Она урчитъ, положенная во время грома въ воду. Кладутъ её также на полосу, когда сѣютъ хлѣбъ, чтобъ кто-нибудь не „посѣялъ“; подсѣять—значить подбросить на чужое поле горсть зерна: у него родится, а у тебя нѣтъ.

Въ Духовъ день земля имянница—нельзя колъ въ землю втыкать.

До Троицы грѣхъ березу ломать и до Троицы избѣгаютъ погонять скотъ березовой вицей.—Березку, принесенную изъ церкви въ Троицу, грѣхъ бросать; её нужно подоткнуть подъ крышу избы, подъ князевъ—вершинной на востокъ, кондемъ на западъ—не будетъ крышу сносить вѣтромъ.

Кто любитъ смотрѣть въ топящуюся печь, скоро умереть.

Собачья титка—такъ назыв. здѣсь пѣшій ячмень—происходитъ оттого, что взглянешь на собаку. Слѣдуетъ приложить къ больному мѣсту хлѣба и потомъ скормить собакѣ.

Глазятъ косозубые, съ двумя рядами зубовъ, двугубые и сросшіяся брови.

Отъ глаза, т. е. отъ любопытнаго взгляда или взгляда, соединеннаго съ удивленіемъ, бываетъ болѣзнь уроки; симптомы ея: потягота, ознобъ, жаръ и потъ. Лечатъ уроки спрыскиваніемъ воды, въ которой вымыта между прочимъ заслонка. Какъ предупредительное средство, носить поясъ, сплетенный изъ узловъ, какими плетется рыболовная сѣть, на томъ основаніи, что эти узлы вязаны отъ себя. Застарѣлые уроки называются тишины; боль бросается изъ одной части организма въ другой; уроки и тишины лечатъ сбрызгиваніемъ воды съ 3 чистыхъ (непоганныхъ, не банныхъ) камней, въ которой вымыты ложки, поварешки, скобки и заслонка и брошена соль съ словами: „лихому да злому человѣку соль въ глазъ“. А также поятъ настоемъ травы уразной, которую зовутъ также урочной и которая растетъ по берегамъ рѣчекъ. Этой же травой примачиваютъ вывихи—безъ правки вправляютъ. Уроки могутъ быть и отъ чужой думы проста; достаточно одному подумать: „вотъ какъ онъ спотѣлъ! что жъ онъ не свянетъ шубу?“ и достаточно. Съ другой стороны, не очень искусное нашептыванье, но совершаемое съ чистымъ, простымъ т. е. добрымъ сердцемъ дѣйствительно, чѣмъ сложное и вѣрное преданію нашептываніе злой женщины. Отъ урока лечатъ и такъ: берутъ соль большимъ и безымяннымъ пальцемъ и дѣлаютъ на лбу крестъ; или берутъ три солонки и проводятъ ими по лбу.

Отъ грижи дѣтей поятъ молокомъ, свареннымъ съ выложенными яичами кота.

Вередъ лечатъ такъ: безымяннымъ пальцемъ тычутъ по очереди въ три сука, найденные на какойнибудь доскѣ (наприм. на столѣ), тычутъ,

пока не прочитають слѣдующаго приговора: „тебѣ сучьевѣ не водить, мнѣ дерева не растить, какъ сувѣ сохнетъ, такъ бы и ты сохъ! во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь“! Послѣ того плюютъ на вередъ.

Грѣхъ жалѣть скотину, когда её ведутъ на убой. Богъ запретилъ жалѣть. „А я, грѣшница, не могу удержаться“, говорила одна изъ моихъ знакомыхъ женщинъ. Если у мясника корова, назначенная на убой, стоитъ голодомъ, реветъ и плачетъ, она бѣгала къ мяснику и упрашивала его бросить коровѣ сѣнца, а потомъ каялась Богу въ своемъ грѣхѣ. Такое искаженіе требованій религіи имѣетъ законное основаніе; крестьяне живутъ такъ близко къ быту своихъ домашнихъ животныхъ, что каждое изъ этихъ послѣднихъ становится въ глазахъ народа живою личностью съ опредѣленнымъ темпераментомъ; мы едва замѣчаемъ, какъ велика въ этомъ отношеніи разница между нами и простымъ народомъ; въ то время какъ ревъ какой-нибудь коровы проходитъ для насъ безслѣдно, или даже увеличиваетъ въ насъ пріятное чувство сознанія, что мы находимся въ средѣ живой природы, крестьянка, понимающая значеніе этаго звука, переживаетъ драму. Поэтому, колоть скотину для крестьянина равносильно человѣкоубійству, а потребление мясной пищи—людоедству. Одинъ крестьянинъ, занимавшійся продажей мяса и потому не мало убившій скота, говорилъ мнѣ, что ему всегда было жалко убивать теленка: „вѣдь онъ невинный ребенокъ“, говорилъ онъ.

— Намъ бы слѣдовало разъ въ годъ, какъ это дѣлаютъ звѣри, а мы стали чаще; Богородица и проявляла насъ: „тритеся же вы, какъ дверь на пятѣ“, сказала.

Въ 9 верст. отъ г. Никольска по дорогѣ на р. Вохму находится озеро Кожяево близъ деревни того же имени среди пахотнаго поля. Берега этого озера состоятъ изъ кочей, т. е. изъ трясины, покрытой кочками и къ берегу озера трудно подойти. Окружность его менѣе версты; глубина, по словамъ однихъ, до 12 саж., другіе считаютъ её неизвѣстной и говорятъ, что крестьяне связывали двое возжей и не могли достать дна. Удная лѣса въ 2¹/₂ сажени, опущенная у самаго берега въ воду, стоятъ отвѣсно; въ озерѣ водятся щуки и сороги; ихъ ловятъ мордами; для этого доходятъ до окраины кочей, опускаютъ морду въ воду озера и подсовываютъ её подъ кочи. Въ озерѣ этомъ есть странствующій кочь; онъ отстаетъ отъ берега, двигается до половины озера или и далѣе, и снова пристаётъ къ своему мѣсту. Коровы ходятъ по кочу, грузнуть по морду, но не тонуть. Нѣкогда изъ этого озера выходили пестрыя коровы; *) однажды священникъ обошелъ ихъ съ крестомъ

*) Это же преданіе относятъ и къ другому озеру близъ самаго гор. Никольска. Подобное преданіе существуетъ и у Киргизъ около Семипалатинска. такихъ коровъ называютъ су-с и н ръ.

подобное всеобщее бученье бываетъ съ нитками или мотами. Тѣмъ же способомъ грѣется вода въ банѣ и другаго способа въ деревняхъ не употребляется. Кисель овсяный или изъ пшеничныхъ высѣвковъ во время помянокъ и въ дни, когда поминаютъ покойниковъ, кипятятъ также посредствомъ камней; кадку ставятъ на столъ съ заквашеннымъ растворомъ овсяной муки; заквашиваютъ, втыкая пукъ горящихъ лучинъ, слѣд. углекислотой; кладутъ еще въ растворъ кремь, чтобъ кисель былъ клейнѣе, крѣпче, а чтобъ усилить кислоту—дрожжей *). Каленые камни опускаютъ прямо въ жидкость, которая и начинаетъ кипѣть; её мѣшаютъ мутовкой, потомъ разливаютъ по чашкамъ и студятъ, часть же сѣдаютъ горячею съ масломъ или забодтаивъ смѣтаной. Пиво также варится посредствомъ калѣныхъ камней, хотя и не вездѣ; въ деревнѣ Зеленцовой, какъ мнѣ говорили жители, нѣтъ обычая варить пива камнями; варятъ его въ котлахъ; напротивъ, въ деревнѣ Меньцовой только у двухъ крестьянъ есть котлы, остальные кипятятъ воду пожегомъ. Пиво варятъ здѣсь изъ ржи въ особыхъ поварняхъ; для этого соединяются въ одинъ чанъ по 2, по 3 семейства, потомъ вышедшее пиво дѣлятъ смотря по тому, кто сколько положилъ солоду, рассчитывая на каждую малѣнку солода (пудъ съ $\frac{1}{4}$) по 5 или 6 ведеръ пива, а густого по 4.

Дорога отъ Зеленцовой до Подболотья или Кулиги (22 вер.) идетъ по волоку между р.р. Шарженьгой и Шепшеньгой, текущей съ З. въ первую. Р. Шепшеньга течетъ въ лѣсу; на ней только два починка. Здѣсь находится правленіе Подболотиной волости, которую народъ зоветъ Ляменьгой. Шарженьга отъ Кулиги въ 4-хъ верстахъ; она такъ здѣсь уже узка, что черезъ неё можно шагать. Отсюда также недалеко и р. Талица, самый сѣверный притокъ Кемы; кулиганы имѣютъ на Талицѣ сѣнокосы; здѣсь должна быть одна изъ сѣдловинъ урало-алаунской гряды; здѣсь берутъ начало р.р. Шарженьга, Кема и Юза; на нашей дорогѣ вѣроятно это было самое высое мѣсто. Вершины Шарженьги находятся отъ Кулиги въ 15 вер., около оз. Шицунова, которое лежитъ по срединѣ зыбучаго болота; глубина его по словамъ крестьянъ до 20 сажень; оно рыбное, но въ настоящее время рыбы стало меньше. Я хорошенько не разспросилъ крестьянъ, но вѣроятно оно принадлежитъ къ числу такихъ же озеръ съ плавающими берегами, какъ и описанное выше озеро Кожаево.

Здѣсь встаетъ описать и другія озера, находящіяся въ Нивольск. у., о которыхъ мнѣ удалось слышать: ниже устья р. Шарженьги въ Югъ впадаетъ р. Устьямженецъ, который течетъ изъ Святого озера; кругомъ этого озера

*) Подобный кисель варятъ въ Вознесенъе; говорятъ, что съ опарой вмѣстѣ и Исусъ поднимается на небо. Этотъ вознесенскій кисель непременно нужно варить на камняхъ, потому что Исусъ ходилъ по камнямъ.

и въ некоторыхъ изъ нихъ удалось захватить. Приплодъ отъ этихъ озерныхъ коровъ и теперь есть.

Былъ какой то царь, который понималъ языкъ птицъ.

Ворона, сидя на коровьемъ помётѣ, кричитъ: „тваррлогъ! тваррлогъ“! т. е. творогъ *). Птица травникъ кричитъ: „пѣти, пѣти! травъ! травъ“! „Мужики за неё Бога молятъ“. Кошка, когда мурлычетъ, говоритъ: „виды да грабли, бугры да ямы“.

Мужъ одной сварливой жены не зналъ, куда отъ нея дѣваться и рѣшилъ уже бѣжать; сидитъ на лавкѣ и задумался, какъ это лучше сдѣлать, въ это время хозяйка впустила куръ въ избу; Богъ открылъ мужику понимать птичій языкъ. Вотъ онъ и слышитъ, какъ пѣтухъ учить куръ, а которая его не слушается, ту бѣтъ. Тогда мужикъ подумалъ: пѣтухъ вонъ со сколькими женами, а я, человекъ, съ одной не могъ справиться. Послѣ этого онъ взялъ свою жену за волосы, потерябилъ её и, она стала съ тѣхъ поръ послушною.

Утромъ въ Зеленцовой мы были свидѣтелями варенія картофеля камнями. Два параллельныхъ ряда горшковъ, поставленныхъ на полу подлѣ печи, рано обратили на себя наше вниманіе; одинъ рядъ былъ наполненъ картофелемъ и водой, другой пустой. Въ печь былъ посаженъ по жегъ, т. е. камни; когда они накалились, хозяйка стала опускать ихъ въ горшки съ водой и картофелемъ, тотчасъ же прикрывая пустыми горшками. Употребленіе камней для кипяченія воды здѣсь въ большомъ употребленіи. Оно употребляется при бученіи бѣлья и нитокъ; бученье бѣлья производится часто въ домахъ; передъ сѣнокосомъ же, когда требуется сразу большое количество чистаго бѣлья на все время сѣнокоса, время же это бываетъ сухое, въ избахъ бучить опасно—бученье производится на берегу рѣки; въ половинѣ іюня въ одинъ прекрасный день все женское населеніе тѣхъ семей въ Никольскѣ, которыя занимаются земледѣліемъ—высыпаетъ на берегъ, раскладываетъ огни, кладетъ камни; въ бучи (кадки) съ дырой на днѣ заткнутой деревяннымъ гвоздемъ, кладется бѣлье; сверхъ кадки накладывается пепельникъ, т. е. холщевый доскутъ; на него кладется зола, которая угнетаетъ середину пепельника внизъ и образуетъ фильтръ; сверхъ золы наливается вода и кладутся каленные камни, пока не закипитъ вода. Потомъ бучи еще закрываютъ холстиной и досками. Когда камни остынутъ, ихъ вынимаютъ и снова кладутъ въ огонь, а другіе накалившіеся камни кладутъ въ пепельникъ на ихъ мѣсто. Въ этой работѣ проходятъ цѣлыя сутки; женщины проводятъ на берегу цѣлую ночь; на другой день бучать не болѣе 5 или 10 семей отсталыхъ. Весной

*) Зимой ворона кричитъ: «по рублю г..по!» Лѣтомъ: «по денежкѣ киласы (суслоны)» (Записано отъ женщины уроженки Ямбургск. у. С.-Петербур. губ.).

лежитъ зыбунъ; скотъ ходитъ по зыбуну, грузнетъ въ водѣ до подчеревокъ, но никогда небыло съ нимъ несчастья утонуть, почему озеро и прозвано Святымъ *); для измѣренія глубины озера крестьяне связывали жерди, но оказалось, что на глубинѣ 8 сажень они не могли достать дна; на середину озера выплываютъ на плотникахъ; на днѣ видно какую-то грязь, въ которой исчезаетъ камень. Въ этомъ озерѣ ловятъ карасей. Съ одной стороны озера вытекаетъ р. Устьямженецъ.

Близъ р. Бѣлой, впадающей въ Луптюгъ, есть озеро Дикое; въ немъ водится рыба; изъ озера бѣжитъ ключъ, не стынувшій зимой; прежде, когда озеро было въ лѣсу, и оно не стыло; нынѣ лѣсъ, по словамъ ближайшихъ жителей, свалился въ озеро (?), берега оголились, и оно стало стыть. Дно это завалено „хламомъ“ т. е. древеснымъ ломомъ.

Въ 2-хъ верстахъ отъ Подболотья мы пересѣкли рѣку Ляменьгу; видъ, который здѣсь представляется, лучше всего показываетъ, какъ здѣсь сжато населеніе около рѣкъ; и въ ту и другую сторону по рѣкѣ было видно множество деревень, расположенныхъ по угорьямъ. Здѣсь мы увидѣли съ дороги на лугу Ляменьги до 10 качелей почти вмѣстѣ; здѣсь собирается почти вся Ляменьга въ Троицу. Въ Пасху здѣсь не качаются или по крайней мѣрѣ мало качаются, и вообще Пасха здѣсь проходитъ менѣе весело, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи.

Качели, по здѣшнему качули, по деревнямъ здѣсь очень распространены; часто въ маленькихъ деревняхъ я видалъ по 2 качели; очень много устроено качелей съ висачими корзинами, которыя вращаются въ вертикальной плоскости; другія качели веревочныя; высота этихъ послѣднихъ бываетъ до 3 сажень и удивительно, какъ не бываетъ несчастій при огромныхъ размахахъ, какіе дѣлаютъ качающіеся. Качели эти устраиваются артелями молодыхъ деревенскихъ парней. Зимой парни устраиваютъ катушки изъ жердей; для этого кладутся наклонно двѣ параллельныя жерди, гладко осоченныя; на одну становится парень, на другую дѣвица, берутся другъ за друга и катятся бокомъ, стоя на ногахъ.

Увеселенія здѣшней крестьянской молодежи рѣдки и разнообразны. Лѣтомъ въ праздники по срединѣ деревни устраиваются хороводы, на которыхъ я видѣлъ только: 1) змѣевидно движущуюся плѣницу, концы которой сомкнуты въ кругъ, 2) хожденіе одной стѣны на другую, 3) игру въ горѣлки и 4) осьмерку. Первое движеніе совершается подъ какую-нибудь пѣсню, второе и послѣднее подъ гармонію или баладайку.

*) Въ здѣшнемъ краѣ есть и еще святые озера и рѣчки Святцы. вѣроятно имена всѣхъ ихъ одинаковаго происхожденія съ описываемымъ.

Зимой дѣвицы въ деревняхъ собираются на бесѣдки и игрища; бесѣдки бываютъ ежедневно, по вечерамъ, въ періодъ съ послѣднихъ чиселъ сентября съ шитьемъ, съ третьей недѣли Филиппова поста съ пряжей до второй недѣли Великаго поста. Это самое обыкновенное сборище, такъ что здѣшнія женщины, уходя изъ чужого дома, прощаются обыкновенно словами: „къ намъ на бесѣдки“! Для бесѣдки всѣ дѣвицы деревни собираются въ одну избу; для этой цѣли избы чередуются между собою понедѣльно; въ очереди участвуютъ только тѣ избы, въ которыхъ есть дѣвицы. Здѣсь существуетъ обычай привозить во время мясоѣда къ себѣ гостю; всякій хозяинъ дома привозитъ дѣвицу, конечно родственницу изъ чужой деревни, иногда изъ-за 10 верстъ, даже и изъ-за 30; это дѣлаютъ только тѣ, которые имѣютъ у себя въ домѣ дѣвицу. Дѣвицы эти гостятъ по недѣлѣ и по двѣ; обѣдаетъ и ужинаетъ она въ домѣ пригласившихъ её, а все свободное время она прядетъ на себя; вечеръ она вмѣстѣ съ хозяйской дочерью уходитъ на бесѣдку. Для дѣвицы это родъ отдыха отъ домашнихъ работъ и это бываетъ время, когда дѣвица дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя. Приглашеніе въ гости дѣвицы родныя ея считаютъ за почетъ, оказанный цѣлою семьѣ, и въ слѣдующій мясоѣдъ отплачиваютъ его, приглашая сами дѣвицу изъ того дома, въ которомъ гостила ихъ дочь.

На бесѣдкахъ дѣвицы занимаютъ пряденьемъ; сидятъ далеко за полочъ, такъ что расходятся по домамъ, когда семейства ихъ въ деревнѣ уже давно спятъ. Освѣщается бесѣдка лучиной того хозяина, въ избѣ котораго она собралась. На бесѣдки приходятъ и парни, угощаютъ дѣвицъ орѣхами, шутятъ съ дѣвицами, но плясокъ на бесѣдкахъ не бываетъ. Дѣвицы поютъ однакожъ пѣсни.

Кромѣ бесѣдокъ бываютъ игрища, но только разъ въ годъ, на Рождествѣ и святкахъ. Для этого дѣвицы съѣзжаются верстъ за 40 въ одну деревню; при этомъ деревни чередуются, нынѣ съѣздъ дѣвицъ бываетъ въ одну деревню, на другой годъ въ другую. На игрищѣ не работаютъ, а только пляшутъ съ молодцами. Въ г. Тотмѣ игрищъ не бываетъ, а вмѣсто ихъ бываютъ вечерки; въ какой-нибудь праздникъ мать мѣщанка, желая потѣшить дочь, пуститъ къ себѣ вечерку; входъ доступенъ для всякаго, кто бы ни захотѣлъ войти; хозяйка жжетъ свою свѣчу; дѣвицы и парни пляшутъ; самые обыкновенные танцы въ Тотмѣ: французская кадрили, „зайнка“ и хожденіе плѣницей, которое назыв. „большой пѣтухъ“. Послѣднее начинается гѣмъ, что одинъ парень, часто мальчуганъ лѣтъ 10, беретъ дѣвушку за руку и начинаетъ водить по комнатамъ; дѣвушка беретъ за руку другого парня а теперь ходятъ втроемъ, одинъ сзади другого; парень беретъ опять дѣвушку, г. опять парня и т. д. Когда цѣпь увеличится, она начинаетъ двигаться

змѣввидно и въ это время дѣвицы начинаютъ пѣть какую-нибудь пѣсню. „Зайвка“ — это полька — трамбланъ, которая однакожь танцуется съ примѣсью русскаго. Парень и дѣвица пляшутъ её то рядомъ, взявшись за руки, то обнявшись. Въ остальное время ежедневно, гдѣ есть дѣвица въ домѣ, собираются по три, по четыре дѣвушки на бесѣдки, гдѣ онѣ прядутъ или вяжутъ чулки и поютъ пѣсни; парни и здѣсь приходятъ на бесѣдки съ лакомствами и иногда покупаютъ на свой счетъ свѣтъ; но бесѣдки здѣсь не бывають многолюдны. Въ г. Никольскѣ бесѣдки также немногочисленны, какъ и въ Тотмѣ; но такъ какъ здѣсь часть мѣщанъ ведетъ жизнь по крестьянски и занимается земледѣліемъ, то дѣвицы этихъ городскихъ земледѣльцевъ устраивають на рождественской недѣлѣ игрища; въ каждомъ концѣ города бываетъ свое игрище; нынѣшней зимой (1872—1873) ихъ было два въ городѣ. Они устраиваются дѣвицами на свой счетъ; дѣвицы складываются на свѣтъ и квартиру; одно игрище, состоявшее изъ 16 дѣвушекъ, за одну квартиру заплатило 3 р. 20 к., слѣдов. съ каждой дѣвушки сошло по 20 коп. Въ Никольскѣ нѣтъ уже ни зайвки, ни хождения плѣницей, которыя я видѣлъ во Тотмѣ, но французская кадрили и здѣсь самый обыкновенный танецъ не только у мѣщанокъ въ городѣ, но и въ деревняхъ близъ города, на разстояніи покрайней мѣрѣ 3, 5 верстъ. Лѣтомъ французская кадрили танцуется здѣсь подъ открытымъ небомъ. Кромѣ ея, здѣсь пляшутъ „чижика“, „ивушку“ и „грушу“. Всѣ эти танцы называются такъ потому, что пляшутся подъ пѣсни такого названія. Ивушка назыв. иначе осьмеркой, которая вѣроятно отсюда распространилась по всей Сибири до Алтая и Камчатки.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Тотмѣ, поля все болѣе и болѣе голѣли, и посреди ихъ возникали ржаныя и яровыя копны. Хлѣбъ свозится здѣсь въ копнища, которыя устраиваются на полѣ же; нѣкоторые крестьяне свозятъ его на свои гумна въ деревнѣ. Копнище заключаетъ въ себѣ хлѣбъ съ цѣлаго поля (ржаного); въ немъ помѣщается до 50 копенъ. У богатыхъ мужиковъ бываетъ и по двѣ копны. Копнище огораживается городьбой; всякій хозяинъ, который владеть копны въ копнищѣ, за каждую копну долженъ загородить 2 сажени копнища. Хлѣбъ складывается здѣсь или въ копны или въ обуруды; первыя яйцевидной формы, вторыя въ видѣ отвѣсной стѣнки; въ первыхъ снопы кладутся лучисто, во вторыхъ въ два параллельныхъ ряда, колосьями внутрь обуруды, живомъ прочь. Копны ржаныя бывають высотой 3 сажени; обуруды ниже; яровыя копны по формѣ отличаются отъ ржанныхъ; онѣ не выше сажени, почти цилиндрическія и съ тупой вершиной.

Сѣно здѣсь складываютъ не въ стога, а въ промѣжки; промѣжки я видѣлъ отъ Никольска до Тотмы; ближе къ послѣднему городу они

назыв. проймами. Промежки кладутся такъ: вколачиваютъ рядомъ 3 кола, средній гораздо короче; колья эти назыв. стожары; на средній колъ начинаютъ накладывать сѣно почти въ уровень съ высотой крайнихъ колеевъ, такъ что масса сѣна кажется ущемленною между двумя кольями; въ одинъ промежекъ уходитъ одинъ или два воза. Если сѣна много, отъ крайняго кола рядомъ вколачиваютъ еще колья для слѣдующаго промежка, такъ что иногда три промежка представляютъ одну общую массу, раздѣленную только кольями. Въ Ватской губ. мечутъ не промежки, но стога, но все-таки въ центрѣ стога предварительно вколачиваютъ колъ. Причина въ этой особенноти здѣшняго метанія сѣна можетъ быть заключается въ недостатокѣ вяжущихъ травъ, въ родѣ вязиля; здѣшнее сѣно преимущественно состоитъ изъ болотныхъ злаковъ. Было бы въ здѣшнемъ краѣ, отличающемся недостаткомъ ясныхъ жаркихъ дней, не дурно ввести шведскій способъ сушенія сѣна въ овинахъ.

Копенъ хлѣбныхъ больше встрѣчается, чѣмъ обуродовъ; впрочемъ число послѣднихъ, говорятъ, въ послѣднее время стало умножаться, потому что въ обуродахъ хлѣбъ скорѣе сохнетъ, скорѣе его прохватываетъ вѣтромъ.

Какъ вообще въ областяхъ чисто земледѣльческихъ, земледѣліе здѣсь находится на самой низшей степени совершенства; между сѣверной и южной стороной сузѣма замѣчается разница въ плодородіи земли; именно южная покатость урало-алаунской гряды несравненно лучше развиваетъ свою растительность, чѣмъ сѣверная; лучшій лѣсъ растетъ на южной сторонѣ; по Немѣ по словамъ крестьянъ на повинахъ навозъ по 10 лѣтъ не кладутъ, напротивъ на здѣшнихъ требуется на другой годъ послѣ сженія. Вохма, лежащая на влввой сторонѣ сузѣма, считается самымъ хлѣбороднымъ краемъ во всей Вологодской губ., и только здѣсь основываются починки. Поэтому хлѣбопашество на сѣверной сторонѣ сузѣма еще болѣе находится въ зависимости отъ скотоводства, чѣмъ на южной; своть на грядѣ мелокъ и его кажется мало въ уѣздѣ; вслѣдствіе чего мало навозу, а потому плохъ и урожай хлѣбовъ. Лучшее сѣно съ мышьякомъ и кашникомъ родится на дѣлянкахъ, потому что на нихъ течетъ и просачивается навозная жижа съ полей, подлѣ которыхъ часто онѣ лежатъ, но и здѣсь урожай травы не великъ. Такъ, наприм., въ дер. Аксентевой одинъ извѣстный мнѣ хозяинъ съ трехъ дѣляницъ накашиваетъ 6 возовъ; въ каждой дѣляницѣ онъ имѣетъ по двѣ поженки *); съ каждой дѣляницы онъ получаетъ по 2 воза; у этого хозяина три души, слѣдовательно каждая поженка въ три косья длиной т. е. 3 сажени (на душу здѣсь отмѣриваютъ по одному косью); во всѣхъ поженкахъ будетъ 9 сажень. Длина поженокъ (= ширина дѣляницы) около 10 сажень. Такимъ образомъ со 100 сажень получается 6 возовъ сѣна, съ десятины 144 воза.

*) Поженкой назыв. недѣлимый болѣе участокъ дѣлянки доставшійся сель.

Для улучшения земледѣлія необходимо способствовать улучшенію скота, а послѣднее невозможно безъ введенія травосѣянія, къ которому здѣсь и самъ народъ пришелъ. На повинахъ здѣсь сѣютъ палочникъ или сѣянецъ (*Phleum pratense*, L.) вмѣстѣ съ рожью; потомъ рожь жнутъ, вымолачиваютъ и отдѣляютъ сѣмя палочника посредствомъ просѣванія и снова его сѣютъ на новыхъ повинахъ. На старой же новинѣ, на которой на другой годъ рожь уже не сѣютъ, палочникъ родится одинъ въ такомъ изобиліи, что получается чистое палочниковое сѣно; только уже на 4 или 5 лѣто палочникъ заглушается посторонними травами. Въ Тотемскомъ уѣздѣ также сѣютъ сѣянецъ, но не вездѣ; такъ, наприм., на р. Уфтюгѣ, т. е. въ долинѣ значительной рѣки, его не сѣютъ, напротивъ сѣютъ его по глухой лѣсной рѣчкѣ Едингѣ, внутри сузѣма, гдѣ вѣроятно чаще жгутъ новины.

Въ числѣ задачъ здѣшняго земства употребить свое вліяніе на то, чтобъ крестьяне стали пахать и уваживать дѣлянки и сѣять на нихъ мышьякъ и кашникъ; начало этому дѣлу можно бы положить посредствомъ артелей травосѣянія, выпросивъ у правительства участки подъ новины съ тѣмъ условіемъ, чтобъ артель исключительно обрабатывала ихъ подъ травосѣяніе.

Навозъ здѣсь скопляется, какъ и вездѣ въ Россіи, въ хлѣвахъ, которые устраиваются въ восточной части Тотемск. уѣзда и западной Никольскаго подъ повѣтями и даже подъ избами, въ которыхъ живутъ сами хозяева; только ближе къ Никольску нѣтъ уже хлѣвовъ подъ избами, а въ городѣ Никольскѣ повѣти даже строятся отдѣльно отъ домовъ. Вслѣдствіе такого способа скопленія навоза на Никольскихъ улицахъ можно въ концѣ зимы видѣть коровъ въ такомъ убранствѣ, которое напоминаетъ эпическій терминъ финской калевалы для коровы—навозное бедро; бедра и брюхо коровы за зиму покрывается навозной броней, лежащей чешуями какъ у броненосца, и обваливающейся только весной, когда коровы начнутъ лаять и купаться въ водѣ. Считаютъ это не вреднымъ; въ Устюжск. уѣздѣ даже нарочно выкармливаемымъ быкамъ не стелютъ соломы, чтобъ они не ложился, стоялъ на ногахъ—лучше выкармливается. Постилкой служитъ одинъ навозъ.

Жернова здѣсь двухъ сортовъ: сопласъ т. е. камень, выломанный изъ горнаго мѣсторожденія, привозятъ сюда изъ Вятской губерніи; мѣстный дресвяникъ (гранитъ), встрѣчающійся въ видѣ эрратическихъ камней, нужно черезъ день и ужъ непременно черезъ три дня ковать, сопласъ не требуетъковки. За сопласъ платятъ здѣсь по 50 руб. за жерновъ, мѣстный жерновъ изъ эрратической глыбы 20 рублей. Въ Устюгъ привозятъ съ Двины какой-то кукарекій камень.

Бороны суконатки въ настоящее время стали вытѣсняться желѣзными болъчеватками; суконатка нынѣ употребляется только на повинахъ и

льняцахъ. Суковатки состоятъ изъ нѣсколькихъ стволовъ ели, сплоченныхъ вмѣстѣ въ одну плоскость съ оставленными на одной сторонѣ длинными въ 1 арш. сучьями; зубья эти не ломаются объ невыкорчеванные пни на льняцахъ, а гнутся, почему здѣсь суковатка и предпочитается кольчеватѣ. Въ вѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ земля отличается мягкостью, какъ наприм. около Никольска въ дер. Кузнечикѣ, суковатки и въ хлѣбныхъ поляхъ еще не вытѣснены.

У здѣшнихъ молотилъ шарнеръ дѣлается изъ сыромятнаго ремня; на Кемѣ даже лычный; изъ моржевой кожи, какъ въ Казанск. и Пермской губ. не встрѣчаются.

Въ ржаной суслонѣ здѣсь кладутъ 13 сноповъ. Въ овинѣ кладутъ 25 суслоновъ; изъ овина выходитъ $3\frac{1}{2}$ мѣры, т. е. 17 пудовъ.

Лѣто 1872 г. было замѣчательно по высотѣ ржи; 80 лѣтніе старики говорили мнѣ, что они не помнятъ такой ржи; но когда рожь смолотили, оказалось, что былъ только урожай соломы, зерна же получили меньше противъ обыкновенной нормы.

Сѣмена для овощей здѣсь выращиваютъ сами; растенія, посаженные для сѣмянъ, называются сады; картофель для садки привозятъ сюда крестьяне изъ Межи (волость Кологривск. уѣзда Костромск. губ.). Изъ овощей сѣютъ: капусту, галанку (брюкву), рѣпу, рѣдку и лукъ, и только.

Рожь сѣютъ мужчины (развѣ мужа нѣтъ, то сѣетъ и баба). Овесъ и горохъ, вообще яровое, чуть ли не большею частью сѣютъ бабы. Кто началъ сѣять, тотъ и долженъ кончить,—а если началъ сѣять одинъ братъ, да потомъ передалъ другому—рожь не родится. Не слѣдуетъ ѣсть во время посѣва на пашнѣ, нужно сходить домой, если проголодался. Не нужно пропускать праздниковъ, хоть подъ вечеръ праздника, хоть горсть, да нужно посѣять.

Навозъ вывозятъ на пашню помочью, безъ угощенья; богатый подводъ до 20 наберетъ, бѣдный втрое менѣе.

Горохъ молотятъ, соединяя по двѣ ватаги (по крайней мѣрѣ въ дер. Аексентевой); остальной хлѣбъ каждое семейство отдѣльно.

Лень мать мужъ помогаетъ женѣ, но треплетъ она одна. Женщины въ семействѣ помогаютъ мужчинамъ катать валки. Льнище обрабатывается такъ: вырубаютъ небольшой участокъ лѣса; это назыв. „рубить валі или валкѣ“. Сваливаютъ лѣсъ равно по всему пространству—это называется „выпрятать валн“. Въ такомъ положеніи лѣсъ сохнетъ. На другой годъ весной зажигаютъ его съ разныхъ сторонъ и слѣдятъ, чтобъ хорошо горѣлъ; гдѣ „прохолонуло“, засыпалось пепломъ—разгребаютъ метлой. Это мѣсто потомъ еще прожигаютъ, сваливъ головни въ вучу и перегоняя длинными деревянными

видами эту горящую кучу вдоль десятины. Люди при этомъ закопѣють, сарафаны и рубахи въ сажѣ, руки обожжены; бывають случаи, что люди сгорали при этомъ. Боронять суковаткой и сѣють ленъ только одинъ разъ, потомъ повидаютъ; черезъ нѣсколько лѣтъ эта кулижка заростетъ травой и это назыв. дерба.

Изъ обычаевъ при хлѣбопашествѣ самый замѣчательный здѣсь до ж и н к и, совершаемые на овсяномъ полѣ, и заканчивающіе собою страду. Дожинки каждый хозяинъ справляетъ отдѣльно; они состоятъ въ заплетаніи „бороды Ильѣ“. Мнѣ самому не удалось видѣть этотъ обрядъ, и я принужденъ описать его по рассказамъ другихъ. Въ Никольск. у. это дѣлается такъ. Одинъ колосъ оставляется не сжатымъ, кругомъ его кладутъ колосья влѣткой (въ видѣ городка), т. е. четыре стебля кладутся такъ, какъ бревна въ избѣ, на этотъ вѣнецъ кладется другой и т. д., при чемъ соблюдаютъ, чтобъ колосъ одного стебля приходился сверхъ жинивы другого; оставшійся въ серединѣ не сжатый пучекъ колосевъ загибаютъ внизъ и нахлобучиваютъ ему хлобучекъ. Когда одна женщина плететъ эту бороду, всѣ молчатъ. Окончивъ, она кланяется бородѣ въ землю и говоритъ: „вотъ тебѣ Ильѣ борода! Рости овесъ на прокъ, корми добраго коня“! Потомъ она поднимаетъ снопъ на голову и говоритъ: „вотъ вѣданій высокій рости овесъ на прокъ“! Затѣмъ всѣ дожинальщики идутъ въ избу; тамъ снопъ ставятъ въ судки и говорятъ: „клопы, блохи, пыганы *) вонъ изъ избы; скотъ на дворъ“. Потомъ снопъ этотъ относится на повѣтъ и лежитъ тамъ до Покрова, когда скотъ поступаетъ на кормъ; тогда этотъ снопъ раздѣляется между всей домашней скотиной и этимъ начинается его зимняя кормѣжка въ хлѣвахъ. Дожинки устраиваются на всемъ пространствѣ отъ Никольска до Тотьмы и до Устюга; кромѣ собственного семейства на дожинки приглашаются чужіе и угощаются виномъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, связавъ бороду Ильѣ, приговариваютъ: „къ этому хозяину приходили бы купить и займовать! Кто зѣрнышко съѣстъ, если дѣвушка—замужъ идти, парень—жениться, если женщина—дита родить, если корова—телушку родить, если овечка—двойничковъ принести“. За тѣмъ несутъ снопъ на головѣ въ судкѣ и оставляютъ тамъ стоять въ теченіи 3 недѣль; принесши снопъ въ судкѣ, молятся и угощаютъ гостей саламатой и виномъ. Собраніе вариантовъ дожинокъ могло бы помочь разъясненію исторіи здѣшней колонизаціи.

Рогатый скотъ около Никольска, т. е. ближе къ гребню урало-алаунской гряды, гдѣ луговъ нѣтъ, а пожни малотравны, мелокъ; онъ кружитъ на Сухонѣ и Двинѣ около Тотьмы и Устюга. На Никольскомъ рынкѣ главный свозъ мяса бываетъ на Рождествѣ; тогда привезенное мясо различается

*) Тараканы.

по качеству на три сорта: устюжское (лучшее) продается по 2 р. 20 к., словинское по 1 р. 50 к. и мѣстное, изъ окрестностей Никольска (худшее изъ всѣхъ), по 1 р. 25 к. пудъ.

Свиньи здѣсь двухъ породъ: крупныя съ висячими ушами, назыв. вятскими и мелкая мѣстная порода съ стоячими ушами. Подъ Устюгомъ свиньи крупнѣе и вѣсятъ по 5 пудовъ. Здѣсь нѣкоторые хозяева держатъ свиней, рассчитывая, что онѣ откормятся сами посредствомъ потравы и потому плохо ихъ кормятъ; въ теченіе зимы и весны, здѣшнія свиньи по этому представляютъ жалкій видъ: онѣ худы и косматы; но къ осени онѣ откармливаются отчасти созрѣвшими травами въ лѣтoviщахъ, отчасти ржей, пробравшись черезъ изгороду въ поле. Замѣчательно, что свинья не пользуется равнымъ уваженіемъ съ другими культурными животными, какъ будто она позже вступила въ ряды ихъ; про неё можно сказать, что она поставлена внѣ закона. Потравы куръ въ огородахъ не взыскиваются; предполагается, что каждый хозяинъ караулитъ свой огородъ отъ нашествія чужихъ и своихъ куръ; всякую другую скотину онъ долженъ поймать и возвратитъ хозяину и имѣетъ право требовать уплаты за потраву деньгами. Но если хозяинъ поймаетъ свинью и узнаетъ, что она пробралась въ огородъ черезъ изгороду, которую долженъ городить сосѣдъ—онъ имѣетъ право убить её. Около Устюга (мнѣ рассказывали) поступаютъ со свиньями даже звѣрски; поймавъ свинью на потравѣ, расцѣпываютъ двѣ коліны, загоняютъ свинью между ними, потомъ верхушки коліинъ сдвигаютъ снова и бьютъ свинью палками до того, что рвется кожа на брюхѣ и кишки выходятъ, животное кричитъ, но бить его продолжаютъ. Или отрѣзываютъ ему уши и хвостъ—будто безъ этихъ органовъ свинья перестаетъ жирѣть. Вообще свинья не пользуется уваженіемъ наравнѣ съ другими культурными животными; поговорки объ ней показываютъ, что мнѣніе о пользѣ свиньи въ хозяйствѣ очень различно; одна поговорка говоритъ напримѣръ: „если имѣешь много денегъ—заведи мельницу, если имѣешь много хлѣба—заведи свинью, ничего не останется“, за то другая: „посади свинью въ рожь, достанешь грошъ“.—По здѣшнему повѣрью свинья не несетъ жертву Богу; собака, медвѣдь, всякій звѣрь, что съѣлъ: ногу, лодыжку, все на томъ свѣтѣ во рту несетъ Богу, а свинья нѣтъ. Это повѣрье показываетъ, кажется, что нерасположеніе народа къ свиньѣ имѣетъ историческое основаніе.

Въ Подболотѣ или Кудигѣ было любопытное общественное дѣло, но крестьяне не охотно объ немъ рассказываютъ, почему я и не могъ собрать объ немъ подробностей.—Извѣстная черта русскаго человѣка смѣяться надъ несчастіемъ ближняго заставляетъ людей, дѣло которыхъ не выгорѣло, избѣгать рассказовъ объ немъ. Народъ былъ недоволенъ своимъ волостнымъ голо-

вой, котораго онъ подозрѣвалъ въ растратѣ общественныхъ денегъ; не зная, что они дѣйствуютъ противузаконно, они отобрали отъ него ключи, отворили ящикъ и пересчитали деньги; едва ли причиной ихъ недовольства была растрата денегъ; вѣроятно они злились на голову за что-нибудь другое и только разсчитывали упечь его, отерывъ недостатки въ суммахъ; когда наѣхало начальство, большинство участвовавшихъ въ движеніи деревень отстали, и только четыре деревни остались вѣрными общему дѣлу, именно: Бучиха, Изгачиха Кокшарка и Сосновка, которыя и должны были однѣ выплатить всѣ прогоны и порціоны чиновникамъ пріѣзжавшимъ на слѣдствіе, такъ какъ они были признаны виновными въ самовольномъ распоряженіи ключами отъ общественнаго денежнаго ящика.

10 августа мы пришли въ село Андреевское; оно лежитъ въ системѣ Волги, а не Сухоны, также какъ и слѣдующая деревня Княжева; здѣсь уже нѣтъ такихъ угорій вдоль рѣкъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ; здѣсь толстые наносы, изъ которыхъ состоятъ угорья притоновъ Юга, смыты въ геологическую эпоху, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются уже обнаженія известняковъ, составляющихъ подножіе наносовъ, и рѣки, протекая по твердому грунту, не вырываютъ такихъ широкихъ долинъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ, напротивъ текутъ въ крутыхъ невысокихъ берегахъ; иногда впрочемъ они поднимаются до значительной высоты, имѣя однакожъ отвѣсную осыпающуюся въ рѣку поверхность; такіе обрывы назыв. здѣсь слудками. Здѣсь ломается и обжигается известь, которая доставляется отсюда и въ г. Никольскъ. Ломка известняка по моимъ разспросамъ производится въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) близъ села Андреевскаго, въ 2 вер. отъ него, 2) по р. Іенгипу, у дер. Зубриной, 3) по р. Шаржевыгъ, выше д. Зеленцовой, 4) въ д. Сараево по р. Килченгъ и 5) по р. Шонгъ. Послѣднія два мѣста находятся къ с. отъ Никольска; къ в. отъ этого города, т. е. на южной сторонѣ суѣма, въ предѣлахъ уѣзда нѣтъ известняковыхъ ломокъ; известнякъ доставляется изъ Вятской губ. Самая ближняя къ уѣздной границѣ ломка известняка кажется находится близъ дер. Доровой, лежащей на р. Дороваткѣ, текущей въ Кобру, а та въ Молому, притовъ Вятки.

Около деревни Зубриной известнякый пласть лежитъ подъ слоемъ глины въ 20 саж. толщиной; пласть известняка имѣетъ 1 саж. высоты, лежитъ у самаго уровня воды, на глинѣ; вдоль по берегу протяженіе пласта 40 саж. Цвѣтъ известняка бѣлый; въ немъ есть кремь и можетъ быть другія примѣси, которыя послѣ выжиганія сгораются въ разноцвѣтные и фигурчатые комки, которые собираютъ для дѣтей вмѣсто бабшекъ (игрушекъ). Я самъ не видалъ слоевъ и говорю все это со словъ крестьянъ. Работы производятся цѣлой деревней; всей деревней снимаютъ наносъ и жгутъ известь; печи также

общія. Словомъ, здѣсь образуется такая же каменоломная община, какъ въ Плитниковой деревнѣ, близъ Ладожскаго озера или при Брусаной горѣ на р. Печорѣ. Подрадчикъ такой же крестьянинъ, какъ и работники, и вмѣстѣ съ ними работаетъ за пай, но получаетъ побольше за хлопоты при продажѣ. Продають известъ бочками, дѣлѣжъ производится въ деньгахъ, рассчитываютъ по числу „топоровъ“ т. е. участвовавшихъ работниковъ. Выраженіе „топоры“ перенесено на каменоломный промыселъ съ гоньбы лѣса, который сплавляется въ числѣ 2500 деревъ внизъ по Увѣжѣ. Лѣсъ этотъ рубятъ и гонятъ артелями по 5, 10 человекъ, а деньги по „топорамъ“.

При добываніи известняка, сначала снимаютъ наносъ и отвозятъ его людьми подъ гору на назѣмныхъ однокружкахъ (телѣжкахъ, въ которыхъ возятъ назѣмъ на пашни). Обнаживъ известъ на нѣсколько сажень, подламываютъ её ломами снизу, пользуясь „щельями“; известъ лежитъ такимъ всплывшимся пластомъ, что стоитъ только немного вынуть снизу, какъ цѣлый „столбъ“ известняка и скатывается самъ внизъ, рассыпаясь на куски; крупныя глыбы разбиваютъ „желнами“. Печи есть двуустныя и четырехъустныя. Въ печь складывается по 10 и 20 топоровъ; бочка продается по 60 коп. Мѣсяцъ работы доставляетъ одному работнику до 20 рублей. За провозъ извести до Никольска брали въ 1872 г. по 27 коп. съ пуда.

Подобныя же общественныя ломки известняка существуютъ, кажется, и въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ дер. Демьяновой, на р. Вочѣ, текущей въ Сухону.

Бъ с. отъ г. Тотмы известнякъ ломается, между прочимъ въ деревнѣ Маурниковой (Верховскаго общества), на р. Уфтюгѣ, за Ляпнымъ волокомъ, 60 вер. отъ Тотмы; известка ломается подлѣ самой деревни; пластъ толщиной въ $\frac{1}{2}$ арш., а высота всей слуды 20 саж. Выше известняка лежатъ 5 слоевъ—надъ самымъ известнякомъ лежитъ красный слой, состоящій изъ комьевъ или каменьевъ, который ломаютъ ломомъ; еще выше бѣлый слой, состоящій также изъ твердыхъ комьевъ (мергель?); въ немъ содержится известъ, но въ маломъ количествѣ. Вдоль рѣвки этотъ пластъ известняка тянется на 300 сажень; точно такой же длины находятся обнаженія известняка и на другомъ берегу р. Уфтюги, а ниже слуда кончается и пойдуть вблизи берега. Рѣвка здѣсь течетъ по перебору, по красному слою, не больше четверти глубиной; подобныя слуды съ переборами и выше и ниже Маурниковой, но безъ извести; весь уфтюжскій край пользуется известью изъ Маурниковой деревни. Есть, впрочемъ, еще известъ на Уфтюгѣ близъ погоста Щоцскаго, но хуже достоинствомъ. Сѣвернѣе на р. Кокшевнѣ, известъ ломаютъ около села Новгородовскаго, въ 40 вер. отъ дер. Маурниковой; близъ него же гдѣ-то ломаютъ и точильный камень.

Объ окаменѣлостяхъ я не могъ собрать свѣдѣній, потому что въ про-

винции мало распространены свѣденія о существованіи мелкихъ окаменѣлостей. Около г. Тотмы, по р. Виселкѣ, впадающей въ Песью-Деньгу, мѣщане находятъ белемниты, вѣроятно принадлежащія пермской формации; коническій конецъ одного такого белемнита находится у меня. Здѣсь же находятъ часто кости крупныхъ многокопытныхъ. Хорошій экземпляръ черепа носорога хранился у г. Кокорева, тотемскаго купца; онъ поднесетъ имъ въ подарокъ Великому Князю Алексѣю Александровичу. Другой такой же экземпляръ черепа носорога (*Rhinoceros trichorhinus*) былъ найденъ на р. Виселкѣ и въ настоящее время хранится у офицера мѣстной команды г. Величковскаго У тотемскаго купца В. Т. Попова, отличающагося любознательностью, хранится собраніе костей, найденныхъ въ обрывахъ р. Кокшеньги. Многіе изъ этихъ остатковъ теряются для науки, въ особенности если они не составляютъ большой рѣдкости, чтобъ быть купленными какимъ-нибудь музеемъ, между тѣмъ, сохраняясь въ какомъ-нибудь общественномъ учрежденіи уѣзднаго города, они служили бы поучительною демонстраціей при посѣщеніи края каковыми-нибудь путешественниками.

На в. отъ г. Никольска окаменѣлости встрѣчаются не ближе р. Вохмы. Здѣсь была найдена кость большого животнаго около с. Лапшина, которая мѣстнымъ кондукторомъ была представлена въ Вологодскій Статистическій комитетъ.

Село Андреевское лежитъ въ самой лѣсистой мѣстности на Тотемско-Никольской дорогѣ. Со всѣхъ сторонъ село облегаютъ лѣса; до дер. Бняжевой считается 20 верстъ лѣсу, до Леменьги 30 в., до Городищнаго 40 в. и наконецъ до Кемы 70 верстъ. Здѣсь жители занимаются сгономъ лѣса внизъ по Уньжѣ. Въ этой же мѣстности находится нѣсколько дегтарныхъ заводовъ: въ 1 в. отъ села въ деревнѣ Селищѣ заводъ крестьянина Черепанова, вырабатывающій до 80 бочекъ дегтя. Въ 2-хъ верстахъ отъ Андреевскаго села другой заводъ поменьше; онъ также принадлежит крестьянину. Около д. Бняжевой разанскіе купцы купили землю и выстроили дегтарный заводъ, въ которомъ вырабатывается до 100 бочекъ.

Прежде, по преданіямъ, сохранившимся у крестьянъ, село Андреевское и еще деревня Чернѣдь были крѣпостныя; но барина убили разбойники, барыня сдала крестьянъ въ казну; съ тѣхъ поръ будто бы сборщикъ податей сталъ носить оброкъ въ Москву. Погостъ, т. е. церковь со своей духовной колоніей, находится отъ села въ разстояніи ста сажень; здѣсь живутъ священникъ и причтъ. Дома священниковъ лучшіе по уѣзду; они по большей части двухъ-этажныя, иногда даже сверхъ двухъ этажей есть еще мезонинъ. Жалобы на бѣдственное положеніе духовенства справедливы здѣсь только въ отношеніи низшихъ членовъ клира; напротивъ, священники живутъ здѣсь бо-

гато. Только въ г. Тотъмъ слишкомъ много церквей, такъ что приходы немногочисленные и вслѣдствіе этого положеніе даже самихъ священниковъ не завидное. Въ Никольскомъ же уѣздѣ погосты напоминаютъ финскія кирки; также они стоятъ въ отдаленіи отъ селеній; также подлѣ церкви красуется лучшій въ окрестности домъ священника; также въ домѣ священника проѣзжающіе и проходящіе могутъ найти продажу болѣе изысканныхъ сельскихъ произведеній, чѣмъ галанка или рѣдька, единственные овощи крестьянъ. Даже картина, каковую здѣсь представляютъ праздники, напоминаетъ Финляндію, когда встрѣчаешь крестьянъ, ѣдущихъ отъ обѣдни въ раскрашенныхъ саняхъ или телѣгахъ съ наряженными въ цвѣтные платки женщинами.

Вотъ краткія собранныя мною свѣдѣнія о сборахъ духовенства съ крестьянъ: хлѣбъ (рожь и овесъ) собираютъ разъ въ годъ, насобиравъ болѣе, чѣмъ на сто рублей; масла и яйца собираютъ въ Петровкѣ, кто сколько дастъ. Кромѣ зерна съ каждаго дома по двѣ чепашки (печеныхъ хлѣбныхъ ковригъ) въ годъ, и по кучѣ льна (въ кучѣ 21 повѣсмо) съ бабы, такъ что если въ домѣ 3 бабы—то съ дому сходитъ 63 повѣсма. Во время пасхи попы ходятъ съ „Воскресеньемъ на ручкѣ“*), которое, войдя въ избу, ставятъ въ жито, насыпанное на столѣ въ сундукахъ. Этотъ обычай сохраняется и въ г. Никольскѣ тѣми мѣщанами, которые занимаются земледѣіемъ. Когда-то давно начальство, чтобъ увеличить количество городской земли, уничтожило ближайшіе къ городу деревни: Вахрамѣеву и Мелентьеву и жителей этихъ деревень заставило переселиться въ городъ; они и до сихъ поръ сохраняютъ свои деревенскіе обычаи и деревенскіе промыслы и подати свои въ отношеніи къ клиру несутъ по деревенски. Другіе мѣщане платятъ за посѣщеніе священника въ пасху деньгами, и къ нимъ священники ходятъ съ крестомъ, а не съ Воскресеньемъ на ручкѣ; съ послѣднимъ ходятъ только къ мѣщанамъ земледѣльцамъ, которые въ это время даютъ пошамъ: 3 каравая, 2 пирога и 10 яицъ и тогда же платятъ исповѣдныя по 2 кол. съ душа, между тѣмъ какъ другіе мѣщане свои исповѣдныя платятъ во время говѣнья. Платежъ исповѣдныхъ въ пасху по мѣтнію крестьянъ установленъ за тѣмъ, чтобъ деньги не пропадали за мірянами, потому что многіе изъ нихъ не говѣютъ. Передъ петровками попы съ мѣщанъ земледѣльцевъ берутъ яйца, масло и крупу; съ дома дается три яйца и чашка крупы; въ великій постъ, когда у купцовъ закупъ хлѣба на пристань, они собираютъ ругу хлѣбомъ, именно съ дома двѣ ружницы (такая кадъ, которую пошъ самъ таскаетъ); въ обѣ ружницы уходитъ 5 пудовъ овса и ржи. Этотъ хлѣбъ

*) Икона Воскресенія Христа съ приделанной къ низу рукояткой, которую вставляютъ въ жито.

попъ продаетъ купцу, а на деньги покупаетъ муку на рынокъ или самъ везетъ на мельницу.

Около Андреевскаго села есть въ лѣсу въ трехъ верстахъ отъ села пять „провалищъ“, расположенныхъ рядомъ; ва двѣ ихъ растутъ высокія березы, вершины которыхъ приходятся вровень съ краями ямъ. Ямы эти сухія; въ окрестности будутъ съ избу. Это единственное извѣстіе, какое я услышалъ объ ямахъ по тотемской дорогѣ. Около города Никольска есть также ямы, которыхъ я однако не видѣлъ. Они находятся около того мѣста, гдѣ была деревня Мелевцева, близъ города Никольска, на лѣв. бер. Кга, въ 1 верстѣ отъ него; онѣ называются просто ямами на бору; лежатъ онѣ на ровномъ мѣстѣ, бугровъ вокругъ нихъ нѣтъ. Въ памяти. кн. Вологод. губ., 1861 г., ст. „Колонизація русскими Вологодской губерніи“ упоминаются ямы, находящіяся на кладбищѣ—я не видалъ ихъ. Вообще ямъ или чужихъ могилъ въ Никольскомъ уѣздѣ кажется мало, напротивъ, каменные ножи и лезвія здѣсь встрѣчаются очень часто; ихъ можно найти почти въ каждой деревнѣ; по большей части, ихъ выпаживаютъ въ поляхъ, почему можетъ быть и приписываютъ имъ мистическое вліяніе на урожай.

Въ селѣ, какъ и въ другихъ деревняхъ, народа не было; хозяиномъ нашимъ былъ старикъ, который уже 6 лѣтъ какъ не бывалъ на полевыхъ работахъ; старухи у него не было, и потому онъ замѣнялъ няньку для дѣтей. А у кого здѣсь нѣтъ ни старухи, ни старика, тѣ нанимаютъ пѣстунью, или дѣвочку или мальчика. Нашъ хозяинъ былъ еще бойкій, хотя и сухощавый мужикъ. По его собственному признанію въ молодости онъ былъ даже очень силенъ. „Я богатырь былъ, говорилъ онъ мнѣ. На меня 10 человекъ было надо. Изувѣченъ вѣдь я, съ сарая 5 сажень летѣлъ. А то бы я былъ бы въ Сибиря“.

Ремесломъ онъ былъ катальщикъ. Катанье шляпъ изъ овечьей шерсти, катаниковъ, стелекъ въ сапоги, кажется, мѣстный промыселъ на р. Юзѣ. Нашъ хозяинъ бралъ за шляпу 10, 11 и 12 к.; въ день онъ успѣвалъ 4 и 5 шляпъ скатать; онъ ходитъ катать шляпы на в. до г. Никольска; въ нынѣшнемъ году онъ накаталъ въ одной деревнѣ Талицѣ до 120 шляпъ; онъ уже 45 л. занимается этимъ дѣломъ, прежде зарабатывалъ по 10 р. въ недѣлю, нынѣ въ зиму только по 25 рублей. Шерсть поставляется хозяиномъ шляпы со своихъ овецъ, нынѣшняя шляпа стоитъ только 25 коп.; старыя туесообразныя стоили 5 рублей.—Мода на высокую форму шляпы измѣнилась десять лѣтъ назадъ; хозяинъ нашъ говорилъ, что мода на нынѣшнія шляпы пришла сюда изъ Сибири; но потомъ оказалось, что подъ Сибирью у здѣшнихъ жителей смѣшиваются всѣ страны, которыя лежатъ по

направленію дороги въ Нижній, и что моду на эти шляпы занесли сибирскіе богомольцы.

Измѣненія въ платьѣ хотя медленно, но совершаются и здѣсь. Прежде въ селѣ Андреевскомъ бабы носили суконники т. е. красныя шерстяныя юбки; нынѣ онѣ носятъ синіе холщевыя сарафаны, печатные или простые. На головахъ онѣ носили прежде какія-то высокія борúшки, потомъ шамшуръ, потомъ пошла повойники *). Мужики прежде носили два камзола: оданъ печатный, другой сѣрый. А нынѣ у сына нашего хозяина было платья: сибирка въ 15 рубл., другая въ 10, кошуля суконная въ 12 рубл., и 6 полушубковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ представляетъ разительный контрастъ, если еѣ наблюдать въ воскресенье въ церкви и въ будни въ деревенской избѣ. Въ праздникъ къ обѣднѣ здѣшніе жители одѣваются довольно нарядно; масса народа въ церкви бросается въ глаза отсутствіемъ гунишквъ; мало франтовски одѣтыхъ, но вѣ одѣты равно прилично; дома же въ избахъ тѣ же люди ходятъ въ грязномъ и бѣдномъ платьѣ.

У каждого парня есть здѣсь для зимы суконная шуба и для лѣта суконная сибирка, которыя онѣ надѣваетъ въ праздникъ. Черныя суконныя штаны носятъ по праздникамъ лѣтомъ и зимой. На головѣ зимой шапка въ 3 рубля, на шеѣ галстухъ шелковый въ 80 к., а зимой гарусный шарфъ. Рубахи опоясываются гарусными поясами, которыя вяжутъ дѣвѣцы себѣ и своимъ любимымъ парнямъ даромъ съ длинными, больше четверти, кистями, парень долженъ доставить дѣвушкѣ свой гарусъ. У каждого парня есть сапоги; возу для нихъ покупаютъ въ рынокъ **). Дѣвѣцы покрываютъ голову платкомъ въ 5 рублей; такими же платками замужнія женщины покрываютъ свои шамшуръ. На ногахъ крестьянки прежде носили въ праздники коты, отличающіеся отъ нынѣшнихъ арестантскихъ только красной оборкой; нынѣ стали носить башмаки, покупаемые на городскомъ рынокѣ. Изъ украшеній дѣвѣцы носятъ бусы, на шей и на кисти, связанные изъ бисера и серъги. Последнія цѣною въ 3 к., въ 5 к. и въ 10 к., есть и серебряныя въ 2 рубля. Въ серъги вставляютъ жировыя железы, вырѣзанныя у дикихъ утокъ; высохнувъ, онѣ сильно распушаются; это украшеніе называется пушками; „пушки золотыя уши“—здѣшняя поговорка. Пушки носятъ и въ Костромской губерніи.

*) Въ деревняхъ около Никольска (дер. Кумбисерь) бабы носили прежде сороки, какія и теперь еще носятъ на Кемѣ. Сороки здѣсь смѣнены шамшурами, а шамшуръ въ настоящее время смѣняется дерѣшками.

**) Здѣшніе крестьяне сами не умѣютъ дѣлать ни кожи, ни мыла, какъ въ Сибири; даже для шитья одежды къ нимъ приходятъ костромскіе швецы, которыя шьютъ и мужскіе и женскіе камзолы.

Но совсѣмъ другое представляется, когда видишь здѣшній народъ въ его обыденномъ платьѣ. Женщины ходятъ въ полняныхъ синѣныхъ холщевыхъ сарафанахъ, висящихъ на тѣлѣ отвѣсно, какъ рубаха; на ногахъ или ничего нѣтъ, или лапти рѣже лыковые, чаще берестяные; бѣлье моется въ годъ не болѣе 5 разъ, въ томъ числѣ два раза бучать. Въ баняхъ моются безъ мыла, да и воды въ банѣ грѣютъ очень мало—въ одномъ деревянномъ корытѣ, вмѣстимость котораго еще уменьшается калѣйными камнями, посредствомъ которыхъ вода нагрѣвается. Въ деревняхъ нѣтъ ни зеркалъ, ни полотенецъ; утираются какойнибудь трапичей, старой рубахой и пр. Существуетъ анекдотъ: проходящій человѣкъ спрашиваетъ у крестьянскаго мальчика, умывши лицо: чѣмъ у васъ тутъ утираются? Отецъ рукавомъ, мама подоломъ, а я такъ сохну, отвѣчалъ мальчикъ.—Полю здѣсь моютъ только разъ въ годъ, въ пасху.

Мужики въ избѣ сидятъ въ рубахахъ, а въ лѣсъ надѣваютъ кошули—кафтаны, сшитыя изъ сукманины и покрытыя крашениной. Лапти берестяные, иногда лычные или самодѣланные изъ купленнаго лыка или готовые, или веревочные; послѣдніе теплѣе, менѣе продуваетъ вѣтеръ. Онучи шерстяныя ткнутъ сами бабы или суконныя или съ ниткой; первыя прочнѣе, у послѣднихъ нитка мокнетъ и скоро прогниваетъ.

Зимой носятъ войлочные катаники, прекрасная теплая обувь, которую можно назвать истиннымъ благодѣяніемъ сѣвера; лѣтомъ не только въ избахъ сидятъ босые, но я видалъ дѣвицъ, которыя косили на моврой пожнѣ безъ всякой обуви.

На головахъ крестьяне лѣтомъ носятъ низенькія войлочные шляпы; соломенные плетутъ крестьяне въ дер. Каменгъ (5 к. штука), но онѣ очень рѣдко встрѣчаются даже въ окружностяхъ этой деревни.

На шею, идя въ лѣсъ, надѣваютъ шарфы, вязанные самими мужчинами изъ домашней шерсти; эти шарфы имѣютъ $2\frac{1}{2}$ арш. длины, около $\frac{1}{4}$ ширины.

Постелью служатъ или просто берема соломы, или соломенная мата. но грубо связанная; рѣдко встрѣчаются подушки и постели, набитыя оленьей шерстью; однакожъ, замѣчаютъ, что число постелей умножается. Въ г. Никольскѣ у мѣщанъ подобныхъ постелей на половину.

Вообще купцы замѣчаютъ, что народъ стремится увеличить свой комфортъ, масса привозныхъ товаровъ увеличивается, число лавокъ въ городѣ Никольскѣ растетъ, но всё это едва ли означаетъ, что жизнь большинства улучшается. Необходимо равномерное богатѣніе, между тѣмъ усиленное потребление фабрикатовъ кажется производится отдѣльными разбогатѣвшими личностями изъ крестьянства. По крайней мѣрѣ, я встрѣчалъ много крестьянъ,

обставленныхъ въ хозяйствѣ хорошо, т. е. не нуждающихся въ хлѣбѣ, про дуктахъ отъ скота и проч., но очень мало покупающихъ на рынкѣ.

Кромѣ катанья шляпъ жители Юзы ходятъ на сельскіе заработки въ Галицкій уѣздъ Костромск. губ. Юзяне нанимаются тамъ на цѣлое лѣто въ работники; за лѣто берутъ по 50 рубл. Ходятъ и парни и дѣвицы и стараются наняться двулодой парой къ одному хозяину.

Здѣсь мнѣ сказали, что съ Юзы ушли два семейства въ Сибирь на переселеніе; про нихъ здѣсь извѣстно, что они живутъ тамъ хорошо и имѣютъ деньги. Легенда объ этихъ переселенцахъ распространена очень далеко, такъ что я её слышала уже въ Зеленцевой. Кромѣ какъ съ Юзы, здѣсь рассказываютъ, что въ Сибирь переселялись еще ковшары, т. е. жители съ р. Ковшеньги Тотемск. уѣзда. Вообще здѣсь Сибирь считаютъ за богатую сторону, но смѣшиваютъ съ Самарской губ. Для здѣшнихъ крестьянъ всё, что идетъ изъ-за Нижняго, все изъ Сибири. Здѣсь даже спрашиваютъ, свѣтъ ли тамъ рожь, бываетъ ли тамъ снѣгъ, т. е. думаютъ, что тамъ тропическій климатъ. И это въ такой области Россіи, которая нѣкогда лежала на главномъ сибирскомъ трактѣ, имѣла большія торговныя сношенія съ Сибирью, о чемъ преданія сохранились даже и въ мѣстныхъ пѣсняхъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи свѣдѣнія крестьянъ о Сибири еще сбивчивѣе и кажется, какъ напримѣръ въ Калужской, Смоленской, Витебской, Псковской и друг., представленія о Сибири скорѣе дурное, чѣмъ хорошее; тамъ говорятъ „сибирскій“ вм. отвратительный, несносный и случается даже, что крестьяне даютъ имя Сибири такимъ мѣстамъ, которыя по своимъ дурнымъ качествамъ имъ къ чему не пригодны. Напротивъ, въ русскихъ тюрьмахъ, даже на крайнемъ западѣ, наприм. въ Финляндіи, между заключенными встрѣчаются самыя обширныя географическія свѣдѣнія, какія когда-либо простолудинъ вмѣщаетъ въ своей головѣ. Здѣсь можно услышать названія сибирскихъ рѣкъ и городовъ, рассказы о мѣстныхъ особенностяхъ въ образѣ жизни, даже фразы на бурятскомъ языкѣ, повторяемыя человѣкомъ, который въ Сибири никогда не бывалъ.

Крестьяне всегда бываютъ въ затруднительномъ положеніи, когда задумаютъ переселеніе куда-нибудь, и на какихъ бѣдныхъ данныхъ бываютъ иногда основаны ихъ надежды на счастье въ новой странѣ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи. Мои спутники хохлы были сосланы въ Вологодск. губ. за то, что были коноводами движенія къ выселенію съ мѣста родины въ числѣ 60 семей на Амуръ. Виновникомъ этого движенія было письмо ихъ одноподенца, кавказскаго солдата, написанное имъ на свою родину дер. Студенокъ. Вотъ это письмо:

„Драгоценные мои братцы и вся родня! Вы просите меня, чтобъ я

разыскалъ вамъ хорошее мѣсто для жительства, но увѣдомляю васъ, что я исходилъ весь Кавказъ вдоль и впоперекъ и не видѣлъ и не находилъ ни гдѣ не то, чтобы хорошаго и порядочнаго мѣста, гдѣ бы можно поселиться, а все хуже противъ нашего мѣста въ десять разъ, а именно чѣмъ: воздухъ тяжелъ и дурной, люди постоянно бѣдные и всегда болѣютъ лихорадкою, хлѣбъ каждый годъ не родится, потому что земля дурная и все пески, лѣсовъ нѣту, страшная жара, приволья нѣту ни на что, ни на скотину, ни на овецъ, ни на хлѣбъ, ни на пчелы, ни на гусей, ни на утятъ, ни на сѣнокосы, ни на что, просто хоть брось, а люди только и живутъ виноградными садами: они садами и кормятся и одѣваются, а если бы не сады, то они бы давно подошли съ голоду; то они и такъ съ Рождества сидятъ голодные, пока новаго хлѣба дождутся, нѣтъ здѣсь ни соловьевъ, ни цвѣтовъ, ни пролѣсковъ, никакой веселости и никакого приволья; всё покрыто вѣчной тьмой и все повяло, какъ зимой, однимъ словомъ гибельный, бездонный, беззаконный, распутный и развратный Кавказъ.

„Любезнѣйшіе мои братья и вся премилая моя родня! Преубѣдительно я всепокорнѣйше васъ прошу и отъ всего сердца даю вамъ совѣтъ: переселяйтесь вы какъ можно поскорѣй въ Сибирскій край въ Приморскую область на рѣку Усурь; и Амуръ мѣсто хотя очень хорошее и на все привольное въ Амурской области по рѣкѣ Амуръ, но еще лучше и превосходнѣй и прекраснѣй мѣсто и приволье на всё въ Приморской области на рѣкѣ Усурь. Тамъ непроходимые и необозримые лѣса съ разною дичью и звѣрами, тамъ земли видимо, невидимо и весьма хлѣбородная и на все привольная и воздухъ хорошій и здоровый, тамъ земли очень много и хороша, но не кому её возработывать, потому что людей мало, а отчего мало? оттого, что далеко: туда 8000 верстъ и потому людей туда заходить мало. Тамъ по лѣсамъ разной фрукты видимо, невидимо; а что сады съ разною овнощью, такъ и описать нельзя; тамъ заводи скота разнаго табуны,—есть гдѣ пастыся: степи безконечныя и трава растеть въ человекъ, тамъ подъ бокомъ лѣсъ и все строевой—руби и дѣлай хату; тамъ же подъ бокомъ ори и сѣи, сколько душѣ твоей угодно; тамъ заводи пчель, сколько тебѣ хочется. Однимъ словомъ на все хорошее приволье, на скотоводство, на хлѣбопашество, на пчеловодство, на садоводство, на сѣнокось, на здоровье и на все, чего тебѣ только хочется—на все приволье; тамъ растеть чай, тамъ разныхъ орѣховъ, тамъ разныхъ дорогихъ звѣрей видимо, невидимо; тамъ не жизнь, а царствованіе и просто рай; тамъ будете вы не жить, а блаженствовать и будете вѣчно меня благодарить, если переселитесь въ Приморскую область на рѣку Усурь. Да не думайте, что тамъ Сибирь какое нибудь мученіе, а это такъ прозывается тотъ край и мѣсто тамъ теплое; да не опасайтесь, что туда далеко,

а подате туда: много пошло людей отсюда съ казаковъ, съ мужиковъ и съ оставныхъ солдатъ, и вамъ будетъ отъ казны пособіе денежное, и вы скоро дойдете туда, потому вы и не берите больше ничего, только платье и рабочую скотину; и когда вы туда прійдете и гдѣ населитесь, то увѣдомьте меня, чтобы я зналъ, куда до васъ идти и пойдите къ Воцанымъ съ симъ письмомъ, прочтите имъ; они тоже хотятъ идти вмѣстѣ съ вами на переселеніе, но только не записывайтесь въ казаки, а такъ будьте мужиками и переселяйтесь въ мужичье сословіе и непременно поскорѣй туда идите. Отчего та страна не заселена? оттого что туда далеко, и потому всякій челоувѣкъ боится. Мы спрашивали командира (онъ тамъ былъ) и всѣхъ офицеровъ, которые тамъ были, и солдатъ, которые у насъ служатъ съ того края, и всѣ говорятъ тоже, что мы пишемъ вамъ въ этомъ письмѣ. Къ тому же Воцаный постоянно и читаетъ книги про этотъ край и въ книгахъ описываютъ все то же; за недѣлю прежде сего и Воцанымъ было послано письмо съ такимъ совѣтомъ. Да не слушайте никого, а прямо переселяйтесь поскорѣй.

Прелюбезнѣйшіе мои братцы и вся вообще дорогая моя родня! Свидѣтельствую вамъ изъ глубины своего сердца почтеніе и съ любовью отъ души пріязню и пренязню вамъ кланяюсь и желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, дай Богъ вамъ быть здоровыми и благополучными. И еще скажу, что никого не слушайте и не опасайтесь, а поскорѣй переселяйтесь въ Приморскую Область на рѣку Усурь и Амуръ. 1866 года апрѣля 5 дня.

Григорій Пазушка.

Подобныя письма замѣняютъ для нашихъ крестьянъ Auswandererbuch'i и производятъ, какъ видно, электрическія дѣйствія въ тѣхъ населеніяхъ, которыя особенно доведены крайностью положенія до рѣшимости идти за счастьемъ хоть на край свѣта.

11 августа мы были въ деревнѣ Бняжевой уже Тотемск. у., въ 27 в. отъ села Андреевскаго. Между этими деревнями находится длинный волокъ 20 вер. дліной; по срединѣ волока дорога пересѣкала небольшое моховое болото подъ назв. Гусиное, гдѣ растетъ клякна, по здѣшнему журавляха. Въ этомъ волоку лѣтомъ водится много медвѣдей и волковъ; зимой медвѣди по словамъ крестьянъ уходятъ отсюда въ сузѣмъ; въ зиму здѣсь убивается до 5 медвѣдей; въ нынѣшнее лѣто (1872 г.) медвѣдь задралъ уже двухъ лошадей. Въ прошл. году медвѣди много погубили рогатаго скота и лошадей; одной дѣвушкѣ, собиравшей ягоды, медвѣдь оборвалъ груди и она умерла черезъ недѣлю. Скотъ здѣсь ходитъ въ лѣсу; поля здѣсь лежатъ тотчасъ за деревней: лѣтовнице, которое къ З. отъ Ляменьги называютъ пастьювой,

находится за полями *), а такъ какъ лѣсъ начинается также тотчасъ за полями, то пастъва и находится въ лѣсу. Однакожь, скоть здѣсь не пускають до середины волока, иначе онъ погибъ бы; поэтому пастъва огорожена не только со стороны полей, но и со стороны волока; внутри пастъвы у дороги мы встрѣтили двѣ деревянныя доски, качающіяся между стойками. Въ нихъ бьютъ палкой, чтобъ этимъ громомъ отгонять звѣря отъ скота. Въ Тотемск. уѣздѣ по свѣдѣнїямъ, собраннымъ уѣздной управой, ежегодно погибаетъ отъ звѣрей скота на 50 т. рубл. Въ видахъ истребленїя звѣрей, управа назначила премїи за убитыхъ волковъ и медвѣдей, но не болѣе, какъ черезъ годъ привуждена была уменьшить размѣры премїи.

Въ этой лѣсной мѣстности бьютъ также изъ ружей „вѣшошъ“, охотясь за ними съ собаками; кромѣ того ловятъ зайцевъ нѣтями на огородахъ (изгородахъ), а поляшей (*Tetrax tetrix*, L.) волосатыми снѣлками.

На волоку мы много собирали разныхъ грибовъ. Здѣсь попадались: рыжики, пушники, синюшки, красныя и бѣлыя краснухи, волнухи, обабки, коровяки, новелаяки, сыроѣжки и заячїи грузди. Сыроѣжки здѣсь зовутъ сухарями, а въ Костромск. губ. свинарьѣ; коровякомъ здѣсь называютъ тотъ грибъ, который въ Костромск. губ. зовутъ заячьимъ козельцомъ, а востромской козелецъ здѣсь называютъ козелякомъ. Свѣзники (*Boletus*) съ грязно-желтой верхней шкурой зовутъ здѣсь краснымъ грибомъ, съ сѣрой шкурой обабкомъ; молодой обабокъ назыв. члѣякъ **); лучшїй обабокъ, чистый, нечервивый, вѣрнѣй, здѣсь назыв. дорогой грибъ; ихъ собирають, сушатъ и продають скупщикамъ по 10—12 коп. фунтъ. Въ солку здѣсь идутъ: рыжики, путники, синюшки, грузди, краснухи и волнухи; въ сушку—масленики (растущїе на поляхъ) и обабки. Заячїй груздь (мѣстное названїе) въ дер. Княжевой не употребляется въ пищу, а подъ Тотмой идетъ въ солку наравнѣ съ простымъ груздемъ. Въ деревняхъ около Тотмы его называютъ осиновикомъ, а въ Костромской губ. молоковникомъ, потому что при изломѣ изъ него течетъ горькое молоко, какъ и изъ груздя, только не бѣлое, а желтое.

Пища здѣшнихъ крестьянъ отличается перевѣсомъ растительныхъ элементовъ. Больше половины года, какъ вездѣ въ Россїи, проходитъ въ постахъ. Въ это время обѣдъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: рѣдька съ квасомъ, соленые грузди и волнухи, разведенныя водою или вареныя (такъ

*) Это совершенно обратно сибирскому обыкновенїю (наприм. въ Томской губ.), гдѣ вокругъ селенїя лежитъ выгонъ, огороженный поскотиной, а за поскотиной разбросаны тамъ и сямъ поля.

***) Въ другихъ мѣстностяхъ Вологодской губ. такой грибъ назыв. члѣякъ (т. е. члѣякъ).

вазв. грибица), брусника и толокно, подмѣшиваемое въ видѣ приправы къ первому и послѣднему блюду. Если нѣтъ толокна, подмѣшиваютъ просто овсяную муку, которая очень горька на вкусъ. Соленые рыжики вм. груздей и волнухъ уже составляютъ изысканность и встрѣчаются какъ постоянная пища у людей выше общаго уровня благосостоянія. У этихъ послѣднихъ къ предъидущему присоединяется соленая рыба: уха изъ трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится изъ Архангельска; вся она готовится нечисто и отличается отвратительнымъ запахомъ; сельди лѣтомъ даже загнивають и червивѣютъ. Однакожъ, привозы рыбы лучшаго приготовления были неудачны; въ Тотмѣ былъ привезенъ лабарданъ, т. е. та же треска, но приготовленная безъ вони, и её мѣстные жители вовсе не раскупали. Въ Никольскѣ иногда привозили волжскую сельдь, которую здѣсь за крупность ея прозвали кобылой, однакожъ она не понравилась—„съ ржавчиной“, говорятъ.

Чтобъ охарактеризовать областную особенность здѣшней пищи, можно сказать, что въ ней сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, входитъ овса и ячменя, мало пшеницы, мало жировъ и много грибовъ и бруснику; нужно прибавить еще, что здѣшній край служитъ южной окраиной потребления бѣломорскихъ рыбъ: трески, сайды и сельдей. Грузди составляютъ значительный процентъ въ здѣшней крестьянской пищѣ; нѣкоторыя семейства насаливають ихъ на одну зиму до 20 ведеръ. Брусника составляетъ непремѣнное заключеніе каждаго постнаго обѣда; ея на двухъ чаловѣкъ уходитъ обыкновенно 1½ ведра.

Въ скоромные дни употребляютъ мясо и кислое молоко (т. е. кислый творогъ). Послѣднее готовится такъ—творогъ, свернутый изъ молока посредствомъ нагрѣванія, сваливають ежедневно въ одну кадъ, гдѣ онъ накопляется и закисаетъ. Мясо потребляется сравнительно мало; одно мнѣ знакомое семейство, состоявшее изъ 4 взрослыхъ работниковъ и 1 четырехлѣтняго мальчика, съѣло съ осени до половины февраля только одну ляшку коровы и 10 ведеръ волнухъ. Оно же заготовляетъ ежегодно 9 мѣшковъ ржаной муки (45 пудовъ), 1 мѣшокъ гороховой муки, 1 мѣшокъ ясной (ячменной) и 2 ступы овсяной муки.

Капусту здѣсь садятъ, но не квасятъ, а потому и шей капустныхъ не варятъ, а ѣдятъ её пареной. Щами здѣсь называютъ жидкую овсяную кашипу, одно изъ обыкновеннѣйшихъ блюдъ, въ особенности въ скоромные дни; часто любятъ ѣсть ее простуженною.

Изъ другихъ овощей еще нужно упомянуть галанку, которая составляетъ также порядочный процентъ въ здѣшней пищѣ. Ее ѣдятъ сырой и пареной; пареную рѣжутъ на узкіе ломтики и сушатъ; это уже составляетъ лакомство для дѣвиць; эти черные сахаристые на вкусъ ломтики зовутъ кислушками.

Приправы, кромѣ перца и лука, а также и уксусъ, неизвѣстны. Чай пьютъ только богатые по воскресеньямъ и ближе къ Никольску менѣе, чѣмъ

къ Тотмѣ. Вмѣсто чая около Никольска сушатъ звѣробой (*Spergiscum*) и пьютъ его съ сахаромъ или съ молокомъ.

За выть *) по дорогѣ изъ Никольска до Тотмы съ возчиковъ хлѣба крестьяне берутъ по 3, а иногда и по 2 к. съ человѣка.

Я уже говорилъ, что здѣшній край отличается большимъ употребленіемъ пива, чѣмъ смежная Костромская губ. Пиво варятъ на свадьбахъ и въ извѣстные праздники. Каждый приходъ имѣетъ два храмовыхъ праздника, зимой и лѣтомъ; въ оба весь приходъ одновременно варитъ пиво; исключеніе составляютъ тѣ лѣтніе праздники, которые приходятся во время полевыхъ работъ; тогда пиво не варятъ. Кромѣ приходскихъ праздниковъ, у каждой деревни есть еще свой праздникъ, когда пиво варитъ эта одна деревня. Такимъ образомъ Лоха варитъ общее пиво зимой въ Введенье, лѣтомъ въ Покровъ; Кишиеньга лѣтнее пиво въ Троицу, зимнее въ Рождество; Яменьга зимнее въ Николу. Деревня Каменка варитъ свое пиво въ Спасъ, Аксентьева на Илью и т. д.

Изъ дикихъ травъ и другихъ растительныхъ продуктовъ только дѣти ѣдятъ пѣстики (*Equisetum*), земляные орѣхи (кажется клубни того же растенія), какую-то рѣпку, молодые еловые шишечки (мужскія ?), собираютъ какое-то просо съ сосны и, наконецъ, сочатъ сосновый сокъ; впрочемъ, сокъ сочатъ и взрослые, и партіи сочильщиковъ и сочильщицъ выходятъ изъ г. Никольска весной также, какъ осенью партіи за грибами.

Подходя къ Княжевой, мы увидѣли въ лѣсу расчищенное поле; оно было вычищено цѣлой деревней разомъ; для этого лѣсъ, какъ видно, былъ раздѣленъ на полосы, и потомъ каждый хозяинъ чистилъ свою полосу отдѣльно; два какихъ-то хозяина оставили свою часть не вычищенною, и поэтому двѣ прямыя узкія полосы лѣса пересѣкаютъ поле параллельно бороздамъ. Поле это оставлено отдыхать въ теченіи 15 лѣтъ; послѣ отдыха княжевцы снимутъ съ него 4, 5 хлѣбовъ и опять оставятъ подъ отдыхъ; потому что, безъ навозу земля не дастъ здѣсь болѣе урожая, а навозъ возить далеко.

Почва около Княжевой стала песчаной, и пески отсюда пойдутъ, по словамъ жителей, до самаго Галича. Песчаная почва простирается и къ Тотмѣ. Изъ Княжева идетъ дорога на югъ на Васильево, Березники и село Никольское на Кемь. Эта дорога огибаетъ сѣверо-западный конецъ сузема никольскаго лѣсничества; западнѣе, мѣжду Тотемскимъ и Галицкимъ уѣздами, опять тянется суземъ, но между этимъ и Никольскимъ лежитъ населенная полоса, которая ихъ разрываетъ. Вѣроятно, это мѣсто около Княжевой, т. е. вообще въ вершинахъ рр. Шарженги, Кемы и Юзы, гдѣ такъ близко сходятся вершины рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейнамъ двухъ отдѣленныхъ морей, есть въ урало-алаунской грядѣ родъ сѣдловины, какими бывають въ горныхъ хребтахъ горные проходы.

12 августа. Менькова. 29 верстъ.

*) Выть называется такое количество пищи, которое нужно чтобы насытиться.

По дорогѣ отъ Бняжевой къ Меньковой дорога пересѣкаетъ рѣку Киньжу, около дер. Великій Дворъ, и Юрмангу въ 3 вер. отъ деревни Горки. Въ дер. Меньковой крестьяне живутъ чище, чѣмъ въ предъидущихъ деревняхъ; вообще отсюда къ Тотмѣ чистота въ домахъ и платьѣ начинаетъ увеличиваться; въ Меньковой много самоваровъ и у многихъ лѣтнія избы построены по бѣлому, а не такія же курныя, какъ и зимнія, какъ это существуетъ повсемѣстно въ Никольскомъ уездѣ. Есть у нѣкоторыхъ и горницы, только безъ печей—въ нихъ спятъ только лѣтомъ.

13 августа мы пришли въ Леденгское Усолъе, 22 вер. отъ Меньковой, на р. Леденгѣ, которая составляется изъ двухъ рѣчекъ: Войнанги и Ледьжи. Между Меньковой и Леденгскимъ Усолъемъ находится большой волокъ, внутри котораго лежатъ только одна деревня Аксенова. Неходя этой деревни, дорогѣ пересѣкаетъ р. Сѣнжу. На этомъ волоку попадаются грибы, называемые въ Костромской губ. волуи, а около Никольска быки, а также лишай, который здѣсь зовутъ копытникъ, а въ городѣ Тотмѣ сухой рыжикъ.

Разсолъ въ Леденгскомъ Усолъѣ бѣжитъ изъ 4 колодцевъ, изъ которыхъ самый глубокій имѣетъ до 319 сажень глубины. Леденгское усолъе передъ тотемскимъ (въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ гор. Тотмы) имѣетъ то преимущество, что разсолъ поднимается по трубѣ колодца безъ подъемной машины. Леденгскій заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдаетъ заводъ на аренду; теперь заводъ находится на арендѣ у ростовскаго купца Первушина, срокъ которой недавно продолженъ. Прежде во время завѣдыванія завода казенной администраціей въ дѣйствиіе было 20 варницъ, теперь только 9; большая часть разсола бѣжитъ мимо и пропадаетъ даромъ.

Перемена въ управленіи заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ, которые значительно побѣднѣли. Селеніе завода, по величинѣ не уступающее городу Никольску, повсюду представляетъ слѣды упадка; большіе двухъ-этажные дома стоятъ съ выбитыми стеклами, повсюду развалины, гнилые троттуары, запущенные сады. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность; у хозяина, у котораго мы стояли, въ отдѣльной маленькой избѣ жилъ одинъ рабочій съ женой и матерью и маленькимъ ребенкомъ; онъ занималъ свою квартиру за 7 дней хорошей работы во время уборки хлѣбовъ; у нихъ было всего двѣ деревянные ложки, слѣдовательно одинъ членъ семьи долженъ былъ сидѣть, въ то время какъ другіе ѣдятъ. Они были пущены хозяиномъ въ эту квартиру съ тѣмъ, чтобъ тутъ же помѣщался и этапъ; рабочій говорилъ, что онъ много видитъ проходящихъ ссыльныхъ, приглядѣлся къ нимъ и находитъ, что всѣ они гораздо лучше живутъ, чѣмъ онъ.

Съ уменьшеніемъ эксплуатаціи разсола, народу требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ леденгское населеніе свыклось съ своимъ промысломъ, и никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего можетъ быть нужно еще и переселеніе. Здѣсь можно отлично видѣть живучесть общины, если обстоятельства сложатся для нея разрушительно; вмѣсто того, чтобъ

возникнуть перебиванию работы другъ у друга, леденгское общество само разверстало между собою работу, такъ что въ результатѣ вышло всеобщее равномерное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общины имѣетъ право на 2 дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два дня рабочихъ въ недѣлю, 104 дня въ годъ, не могутъ обезпечить содержаніе рабочаго, особенно семейнаго; прежде именно потому и было больше благосостоянія, что каждый рабочій имѣлъ болѣе рабочихъ дней при той же дневной платѣ. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой ихъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ; вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно 2 рабочихъ, тамъ мы поставили 6. По ихъ расчету, 18 рублей рабочей платы за варничныя работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ между шестью. Такимъ образомъ, человѣкъ съ семьей въ 10 челов. получаетъ въ мѣсяцъ 5 рублей, а ему нужно 10 пудовъ муки, слѣдовательно 10 руб. сер. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонетъ разомъ—всѣ члены ея цѣлко держатся другъ за друга. Не устройся они такъ, можно ручаться, что нѣсколько ловкихъ лицъ создали бы себѣ карьеру изъ общенароднаго бѣдствія, какъ это случалось на Кемѣ, гдѣ во время взысканія недоимокъ за нѣсколько лѣтъ нагрѣли руки и обратились въ богачей лица изъ тѣхъ же кемцевъ, которые ссужали своихъ несчастныхъ товарищей деньгами за скотъ, который послѣдніе вели къ нимъ.

Другой примѣръ того, какъ народъ не легко разстается съ старыми формами быта, напримѣръ съ общиной, служитъ мѣщанское общество города Никольска. Общество это составлено изъ крестьянъ деревень Мелентьевой, Вахрашеевой, Борисовой, Варламцевой и др., которые были переселены въ городъ. Не смотря на то, что это переселеніе совершено давно, переселенцы и до сихъ поръ не составили одного городского общества, а каждая деревня живетъ отдѣльно. Они дѣлятъ городъ на нѣсколько концовъ, Мелентьевскій конецъ, Вахрашевскій конецъ, и т. д., изъ которыхъ каждый сохраняетъ въ своемъ владѣніи тѣ поля и пожни, какія принадлежали имъ на старинѣ; хотя *de jure* всѣ прежнія крестьянскія земли объявлены городской общественной собственностью, но переселенцы до сей поры умѣли *de facto* сохранить старый порядокъ до настоящаго времени. Это дѣлаютъ вотъ какъ: когда городъ сдаетъ земли, Мелентьевскій конецъ избираетъ изъ своей среды депутата, уполномочивъ ему оспаривать на торгахъ всю прежнюю землю на свое лицо до известной суммы, и когда земля останется за депутатомъ, всѣ выплачиваютъ поторженную сумму съ расчетомъ по числу душъ, а землей владѣютъ по полосно, какъ владѣли еще прежде, во время существованія деревень. Эти примѣры могутъ служить предостереженіемъ для тѣхъ, которые настаиваютъ на уничтоженіи общины. Вы видите, какъ крестьянинъ привыкшій къ общинѣ, не смотря на всѣ невзгоды, старается удержать её, какъ послѣднее средство спасенія. И дѣйствительно, отнимите её у него, и онъ растеряется, всякое равновѣсіе экономическихъ силъ будетъ нарушено, и онъ не съумѣетъ посреди экономическаго хаоса устроиться

одинъ своими собственными силами. Мнѣ кажется, если государство Монтезумы представляетъ рѣдкій примѣръ необыкновенно быстрого упадка, которому подобныхъ мало примѣровъ представляетъ исторія, и въ короткій срокъ потеряло свою разнообразную культуру, то это именно нужно объяснить тѣмъ, что испанцы разрушили мексиканскую общину, кал пулли.

Передача Леденгскаго завода въ частныя руки имѣла и здѣсь тѣ же послѣдствія, какъ и въ другихъ случаяхъ. Между капиталистомъ, взявшимъ заводъ на нѣсколько лѣтъ, и рабочимъ народомъ нѣтъ той солидарности, какая можетъ существовать между послѣднимъ и правительствомъ; капиталъ снѣшить извлечь всю пользу изъ представленнаго ему въ распоряженіе богатства, какую только можно во время краткаго срока владѣнія этимъ богатствомъ; онъ не гнушается извлекать свои выгоды и изъ стѣсненнаго положенія рабочихъ, продавая имъ муку по 1 руб. 5 коп. или 1 руб. 10 коп., которая заводскимъ управленіемъ была куплена по 80 коп. Бѣднѣйшіе рабочіе берутъ муку у заводууправленія по 90 коп., но это такая мука, изъ которой 10 фи. на пудъ выходитъ высѣвокъ. Совершенный контрастъ съ леденгскими порядками представляла администрація тотемской варницы, составляющей собственность тотемскаго купца г. Кокорева. На тотемской варницѣ муку, покупаемую на рынкѣ по 1 руб. 20 коп., администрація г. Кокорева выдавала по 80 коп.; семейства умершихъ рабочихъ нерѣдко находили въ домахъ заводууправленія даровую квартиру. Казенная администрація въ Леденгскомъ заводѣ имѣла за собой всѣ хорошія стороны собственника завода, а не арендатора. Но судьба кокоревской варницы извѣстна: хозяинъ ея обанкротился; аналогична судьба и казенныхъ заводовъ—правительство нашло себя вынужденнымъ сдать свои заводы въ аренду. Причина паденія и казенныхъ заводовъ и управленія г. Кокорева, мнѣ кажется, одна и та же: желаніе не оставлять безъ вниманія нужды самихъ рабочихъ и въ то же время управленія заводомъ посредствомъ бюрократіи съ лишеніемъ народа участія въ заводууправленіи. Собственникъ, желающій оказать добро рабочему народу, не долженъ думать, что сдѣлалъ всё, если оказалъ народу нѣсколько благотвореній, онъ долженъ предвидѣть, что, пользуясь его добродушіемъ, между нимъ и рабочимъ народомъ вскорѣ вотрутся эксплуататоры, которымъ собственно и достанется главная часть благодѣяній собственника.

Рабочій народъ въ Леденгскомъ усольѣ гораздо развитѣе окрестныхъ; деревенская община почти повсемѣстно остановилась на организаціи землепользованія, нигдѣ мы не находимъ организаціи труда; въ Леденгскомъ заводѣ народъ въ состояніи былъ устроить справедливую разверстку работъ; ему даже не чужды такія идеи, какъ напримѣръ, снятія усолья въ аренду самимъ рабочимъ народомъ; онъ едва ли сомнѣвается и въ томъ, что правительство согласится сдать имъ заводъ съ платежемъ аренды не до, а послѣ періода эксплуатации; я встрѣтилъ у нихъ такія выраженія, что «заводы устраниваются для народа», т. е. для рабочаго народа, «что купецъ въ этомъ дѣлѣ лишній» и

«что безъ него можно бы обойтись». И дѣйствительно, правительство, которое устриваетъ на артельныхъ началахъ заводъ древесной перегонки въ Шенкурскомъ уѣздѣ, нашло бы очень подготовленную почву для устройства артельной эксплуатаціи въ своихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ. Рабочій народъ въ Леденгскомъ усолѣ одно видитъ препятствіе къ снятію артелию своей варницы—отсутствіе въ собственной средѣ честныхъ людей, которые бы были проникнуты настолько любовью къ своей общинѣ, что занявъ выборное мѣсто, не погнались бы за личными интересами. Виноваты въ этомъ наши прежніе порядки, которые въ Леденгскомъ усолѣ оставили по себѣ память въ развалинахъ какой-то мызы съ садомъ, гдѣ нѣкогда устраивались гулянья леденгской аристократіи, но не оставили никакой школы. На предложеніе снять варницу на артельныхъ началахъ, Леденгцы говорятъ: «у насъ ужъ есть такія головы, которыя думали объ этомъ; только вздору будетъ много; намъ не справиться; всякому захочется пожитья». Самое печальное обстоятельство въ нашей общинѣ—низкое состояніе нравственности въ общественныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе невѣжества крестьянъ. Въ нашей общинѣ, если ближе въ нее всмотрѣться, нѣтъ братства; разныя выраженія и обычаи *), напоминающіе его и дающіе поводъ отечестволюбцамъ признавать русскій народъ за особую расу, одаренную врожденнымъ инстинктомъ братства, есть только слѣды когда-то существовавшихъ другихъ социальныхъ связей; равенство въ нашей общинѣ держится не на идеѣ, а временнымъ отношеніемъ силъ въ общинѣ; община держится не нравственнымъ цементомъ, а экономическимъ тяготѣніемъ, какъ камни въ циклопической стѣнѣ. Наша община состоитъ изъ людей, которые смотрятъ другъ на друга завистливымъ глазомъ; крестьянинъ мало обижается тѣмъ, что при настоящихъ порядкахъ наживается чиновничество, лишь бы не наживался сосѣдъ; пусть возрастаетъ капиталъ г. Первушина, лишь бы не нарушилось равенство достатковъ у самихъ леденгцовъ. Въ общинѣ нѣтъ людей одаренныхъ, если можно такъ выразиться, патріотизмомъ къ своей общинѣ. Выборные смотрятъ на свою должность, какъ на промыселъ; это лучше всего выказалось въ тюремной общинѣ, какъ видно изъ наблюденій г. Ядринцева. Въ тюрьмахъ у насъ существовала община, непризнанная закономъ и только допускаемая практикой; въ ней законныхъ сроковъ для выборной службы не было, и бродяжеская община смѣняла то я дѣло своихъ старостъ на томъ основаніи, что одинъ наживался, надо же и другому. Вотъ этого самаго и боятся леденгцы.

Вслѣдствіе большаго предложенія рабочихъ рукъ, въ Леденгскомъ заводѣ самая низкая рабочая плата, какая мнѣ встрѣтилась на дорогѣ; именно въ нынѣшнюю страду косили здѣсь за 30 к. въ день, жали ржаное поля по 3 к., овсяное 1¹/₂ и 1 к. Впрочемъ, низкая рабочая плата существуетъ здѣсь повсемѣстно; въ слѣдующей деревнѣ къ гор. Тотьмѣ, въ Нижней, жали нынѣ рожь по 4¹/₂ к., овесъ 2 к. за суслонъ. Около Никольска плата за полевые работы

*) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ существуетъ обычай: по оковчаніи страдной помочи, всѣ участники кланяются другъ другу въ ноги со словами «добре пострадал».

немного выше; за жатые ржи брали 40 к., а за овесъ 20; въ дер. Селивановой съ трудомъ можно было найти поденщика за 50 к. Въ дер. Мякишевой поденщина 50—60 к. за сѣнокосъ, 30 к. жатые овса, а за суслонъ ржи 5 к., овса 3 к. Посуслонно, здѣсь зарабатывали по 50 к. въ день, слѣдовательно больше, чѣмъ поденщина. Около с. Павина поденщина—сѣнокосъ 30 к., жатые ржи 20, овса 15 к. Въ Вознесенской волости поденщина—сѣнокосъ 30 к. Поденщина на мельницѣ г. Казакова въ Вознесенской волости, состоящая въ тасканьи земли на плотину,—40 к. мужчинамъ, 30 к. женщинамъ. Во время грузки судовъ на Нивольской пристани въ 1872 г., мужчинамъ давали по 45 к., женщинамъ по 30 к.

Казакъ отъ Пасхи до осенняго заговѣнья получаетъ около Никольска 30—15 р., хозяйскую одежду всегдашнюю и праздничную, которая по отслуженіи остается у хозяина; зимой отъ осенняго Заговѣнья до Пасхи 10—5 р. Казачиха за лѣто отъ 10 до 15 р. безъ одежды.

Въ пѣстуньи нанимаются дѣти до 15 лѣтнаго возраста; около Никольска плата имъ отъ Пасхи до Покрова 6 р.; впрочемъ, съ возрастомъ пѣстуньи плата повышается. Въ старину, за первый годъ только кормили хлѣбомъ и вытыкали одинъ поясъ. Въ Вознесенской вол. плата пѣстуньямъ также 6 р.; въ той же волости плата казаченку, боронильщику на 2-хъ лошадяхъ—10 р., а тому, который можетъ боронить только на одной—6 р.

Нѣкоторые крестьяне, продавъ весь хлѣбъ для уплаты податей, и оставшись сами безъ хлѣба, чтобъ добыть его, отдаютъ своего сына въ казаки или пѣстуньи.

Общая выручка поденщиковъ не велика; въ 1872 г. поденщики заработали около Никольска на сѣнокосѣ до 12—15 р.; сѣнокосъ начался за 5 дней до Петровыхъ и продолжался до 29 іюля. Одна казачиха изъ Селивановой ушла на заработокъ на время косьбы и жатвы за 16 р.; другая пришла въ д. Селиванову за 16½ р. Во время грузки судовъ хлѣбомъ на Никольской пристани въ три дня одинъ крестьянинъ заработалъ 1 р. *).

Низкая рабочая плата есть одно изъ самыхъ главныхъ бѣдствій здѣшняго края, на которое бы слѣдовало прежде всего обратить вниманіе здѣшнему земству; причина этого неразвитость промысловъ, отсутствіе въ нихъ разнообразія, исключительно земледѣльческій характеръ промышленности, особенно въ Никольскомъ уѣздѣ, промышленная физіономія котораго напоминаетъ Сибирь; вся заводская промышленность этого уѣзда заключается въ 2-хъ винокуренныхъ заводахъ, не смотря на то, что рядомъ находятся губерніи съ самымъ развитымъ въ Россіи промышленнымъ движеніемъ. Можно сказать, что урало-алаунская гряда также отдѣляетъ здѣшний край отъ московскаго мануфактурнаго округа, какъ Уралъ отдѣляетъ Сибирь, и что онъ больше разграничиваетъ

* Въ Шенкурск. у. Арханг. губ., какъ мнѣ писали, платятъ работнику въ лѣто 15 р., работницѣ 8, пѣстуньѣ—дѣвочкѣ 3 р. За жатву по суслонамъ за 100 суслоновъ (каждый состоитъ изъ 10 сноповъ) платится 3 руб. 50 коп. сер.

въ индустріальномъ отношеніи, чѣмъ въ ботанико-зоологическомъ. Въ отношеніи ремеслъ, между г. Никольскомъ и Тотмой разница; въ Никольскѣ недостатокъ ремесленниковъ; въ Тотмѣ, напротивъ, сосѣдство соляной варницы постоянно поддерживало ремесленность, а съ закрытіемъ ея ремесленники жалуются на недостатокъ работы. Между тѣмъ, крестьянскія семьи постоянно выдѣляютъ изъ себя казаковъ и казачихъ, которые должны искать заработковъ внѣ земледѣлія; если прежде при меньшей дѣлимости семей они выдѣлялись, то тѣмъ больше становится число ихъ, когда дѣлимость усилчилась вслѣдствіе того, что новыя идеи стали давать себя чувствовать и въ крестьянствѣ, и женщины, главныя виновницы дѣлеж, стали болѣе предъявлять свои права на независимость.

Работы, однакожь, этимъ выдѣлившимся казакамъ и казачихамъ не находится. Не только ремесленники и казаки жалуются на недостатокъ работъ, даже и сами крестьяне жалуются на недостатокъ ихъ, вслѣдствіе чего много лишняго времени у нихъ пропадаетъ даромъ, и лошади остаются безъ работы; извоза въ край большаго нѣтъ, и потому въ зимнее время крестьянамъ нечего дѣлать; не мудрено поэтому, что они готовы работать при постройкѣ барокъ въ теченіи 60 дней за какія-нибудь 10 р.

Земледѣліе, которымъ леденгскіе жители прежде не занимались, стоитъ у нихъ ниже, чѣмъ у крестьянъ; леденгцы жалуются, что и земля у нихъ къ тому не удобна, болотиста. Около завода два большихъ болота: Жупановское (5 вер. длиною) и Барандыково. Можетъ быть и действительно, что основаніе селенія вызвано было однимъ только солянымъ промысломъ. Скотъ, однакожь, леденгскій въ славѣ по всему краю: коровы здѣшнія гораздо крупнѣе и красивѣе крестьянскихъ и даже покупаются для приплода тотемскими мѣщанами. Здѣсь мы услышали единственный по всей дорогѣ пастушій рожокъ, потому что скотъ здѣсь пасется пастукомъ, который получаетъ по 30 к. за корову и харчуетъ на счетъ жителей—по дню за корову. Это превосходство рогатаго скота можетъ быть происходить отъ возможности кормить скотъ солью, такъ какъ она подъ рукой, а можетъ быть также, что и здѣшнія травы больше пропитаны солью, и сѣно здѣсь лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ югу отъ Леденгскаго Завода лежитъ суземъ, который простирается съ востока на западъ отъ Кемы до Толшмы. Въ немъ водится сѣверный олень (*Cervus tarandus*, L.). Животное это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ этого края; къ сѣверу отъ Тотмы въ долинѣ р. Ковшенъги его нѣтъ; однако, есть они около деревни Буловой; здѣсь ихъ ловятъ кражами, которые ихъ даютъ. Здѣсь существуетъ преданіе, будто въ старое время къ мѣстному празднику ежегодно изъ лѣсу въ извѣстную часть выходилъ въ деревню олень, котораго кололи и варили въ большомъ пивномъ котлѣ. Однажды котелъ уже былъ готовъ, буловцы ждутъ оленя, но онъ не выходитъ изъ лѣсу; порѣшили заколотъ вмѣсто оленя домашняго быка; только привели въ исполненіе это рѣшеніе, какъ появился изъ лѣсу олень, но увидѣвъ, что его недождали, повернулся назадъ и скрылся. Съ

тѣхъ поръ, олень не сталъ выходить изъ лѣсу и куловцы должны были варить вмѣсто оленя быка. Въ Верхнемъ Куловѣ теперь не варятъ и быка, а въ Нижнемъ и теперь еще по рассказамъ крестьянъ существуетъ этотъ слѣдъ древнихъ общинныхъ жертвоприношеній. На р. Шебеньгѣ, слѣдов. въ противоположномъ концѣ Кокшеньги, существуетъ охота на оленя и такое же преданіе о закланіи оленя, какъ и въ Куловѣ.

На сѣверо-западной границѣ тотемскаго уѣзда въ Минскомъ обществѣ нѣтъ никакой «лѣшни»; но одинъ крестьянинъ этого общества говорилъ мнѣ, что около дер. Березникъ видѣли однажды стадо въ 16 скотинъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ этой деревни есть «оброчекъ» изъ 5 деревень Вельскаго уѣзда подъ названіемъ Каменогорье, гдѣ жители охотятся за оленями клѣпями, ямами и гоняются за ними съ собаками по насту. Крестьяне Заячьяго общества, также на границѣ Вельскаго уѣзда, охотятся за оленемъ въ лѣсахъ названнаго уѣзда, примыкающаго къ обществу, а не въ лѣсахъ Тотемскаго уѣзда. Въ 60 вер. отъ Тотмы, въ вершинахъ р. Уфтыгя, въ Верховскомъ обществѣ есть олени и лоси; ихъ заганиваютъ въ великій постъ на лыжахъ; олени здѣсь ходятъ стадами съ телятами.

Около р. Сухоны олень является забѣгомъ; его иногда убиваютъ или ловятъ во время переправы черезъ рѣку; для переправы онъ избираетъ мѣстность, гдѣ волокъ примыкаетъ къ Сухонѣ; такъ олень, рога котораго висятъ передъ лавкой вупца Шилова, въ гор. Тотмѣ, былъ убитъ 25 в. выше гор. Тотмы, въ волоку, который пересѣкаетъ Сухому въ 12 вер. отъ дер. Камчуги; еще выше, въ 80 вер. отъ Тотмы, около дер. Брусеницы находится на Сухонѣ Печенгскій волокъ, гдѣ убиваютъ до 10 оленей въ годъ; однажды здѣсь поймали оленя живого, въ то время, какъ онъ плылъ черезъ рѣку. По словамъ охотниковъ, здѣсь попадаютъ олени всегда одинокіе и старые. Рога, висящіе у Шиловской лавки, также принадлежатъ старому оленю, и вѣсятъ 28 фн. Они очень симметрично и роскошно развиты; каждый рогъ состоитъ изъ трехъ главныхъ отпрысковъ, изъ которыхъ глазной не уступаетъ въ величинѣ другимъ и на концѣ имѣетъ такое же дваневидное расширеніе. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ разузнать, въ какое время года олени встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ.

По дорогѣ изъ Никольска въ Тотму, нѣтъ близко деревень, которыя занимались бы охотой за оленемъ; повидимому на всемъ пространствѣ между р. Сухоней и никольско-тотемской дорогой, а также и въ центральной части Кокшеньги, олени нѣтъ; къ сѣверу отъ Сухоны онъ водится только въ вершинахъ притоковъ Кокшеньги; впрочемъ, я не успѣлъ подробно разспросить о мѣстахъ, извѣстныхъ охотой за оленями; кажется, что она ограничена только одними водораздѣлами, вблизи же большихъ рѣкъ, какъ Сухона, Югъ, Кокшеньга, олени нѣтъ на далекое пространство.

Къ югу отъ Сухоны олень снова появляется въ урало-алаунской градѣ, какъ въ тотемской, такъ и никольской его части; въ тотемскомъ суземѣ, къ югу отъ Леденгскаго завода, охотой за оленемъ извѣстны деревни, лежащія по

р. Кунышъ. Олени здѣсь водятся на Святѣ болотѣ, которое даетъ начало р. Святицы. Сѣверный олень встрѣчается и южнѣе, на дорогѣ изъ Кологрива въ Солиталичъ. Въ сузѣмѣ Никольск. лѣстничества олень водится во-первыхъ въ южной части Сокольскаго болота, къ ю. отъ р. Кудонги, въ вершинахъ рр. Мичуга, Канюговъ и Шохры, а прежде водились также по Сѣнной *) и Моторихѣ. Здѣсь за ними охотятся крестьяне деревни Кудонги (лежащей на р. Кудонгѣ, текущей изъ Сокольск. болота на с. въ Югъ). Въ настоящее время, кажется здѣсь нѣтъ охотниковъ собственно за оленями, кудонжане охотятся только за лосемъ, такъ какъ за оленемъ очень трудно гоняться—онъ легче лося и снѣгъ меньше проваливается подъ нимъ. Особеннымъ обиліемъ лосей и оленей отличался здѣсь 1852 годъ; лѣсникъ, который мнѣ рассказывалъ о здѣшней охотѣ, вдвоемъ съ братомъ убилъ тогда 9 лосей въ одинъ домъ; вообще же на деревню Кудонгу было убито въ тотъ годъ 60 лосей. Олень здѣсь водится въ мѣстахъ, гдѣ болота и гривы покрыты пихтарникомъ; лось же, гдѣ есть рябинникъ и молодой березникъ. Охотники узнаютъ присутствіе ихъ по «скускамъ» т. е. по слѣдамъ зубовъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Скуски у зайца и лося различны: у зайца кусокъ косою, какъ будто отстригнуто ножницами; у лося или прямой кусокъ или есть заломокъ. Тотъ же охотникъ увѣрялъ меня, что олень здѣсь встрѣчается и комолый и съ рогами, но что лось всегда комолый, и что тамъ же водится еще звѣрь лань, котораго самого нынѣ не видятъ, но рога его находятъ на болотахъ. Въ 1871 г. въ Кудонгѣ было убито 2 лося и въ Баданкѣ также 2.

Изрѣдка олени забѣгаютъ и сѣвернѣе Кудонги; такъ, въ прежніе годы его видали иногда одиночками около дер. Упираловой, въ 12 вер. отъ Никольска, къ западу; здѣсь и на р. Выдрихѣ и теперь находятъ иногда олени рога.

Къ востоку отъ Никольска олени водятся, кажется, въ вершинахъ р. Юга; въ вершинахъ рр. Ирдомы и Луптюга есть олени и лося (послѣднихъ зовутъ здѣсь соха ч а м и), но вятскіе починцы за ними не охотятся. Охотой за оленями въ этой мѣстности извѣстны красногоры, т. е. жители села Красногорскаго, лежащаго на границѣ.

Вообще сѣверный олень водится повидимому стадами по всей урало-алаунской грядѣ; онъ бродитъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, не дѣлая большихъ перекочевокъ; здѣсь онъ выводитъ и дѣтей своихъ. Только старые экземпляры почему-то предпринимаютъ дальнія экскурсіи черезъ Сухону. Есть ли у него и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленные мѣста для лѣтнихъ и зимовыхъ, изъ рассказовъ охотниковъ нельзя вывести.

Мясо оленье употребляется крестьянами въ пищу; оно продается въ Тотемскомъ уѣздѣ по 1 к. фн. Бьдять мясо оленей и давленыхъ вряжами. Олень, рога котораго висятъ у Шиловской лавки, дажъ 8 пуд. мяса. Рога обыкновенно бывають до 15 фн. вѣсу; въ Куловѣ одинъ рогъ продается по 40 коп.; изъ

(*) Сѣнная впадаетъ въ Юрманьгу, а эта въ Лундонгу. Между вершинами Мичуга и Сѣнной считается 8 верстъ.

них дѣлають гребни; изъ одного рога выходитъ до 30 гребней; гребеньщику пятьть крестьяне за выдѣлку одного гребня 1¹/₂ коп.; цѣна готоваго гребня 5 коп. Волосъ идетъ на набивку матрасовъ; въ Никольскѣ оленій волосъ (подъ именемъ котораго вѣроятно продается преимущественно лосинный волосъ) продается по 12 коп. фн.

Деревня Нижняя, въ которую мы пришли 15 августа и которая находится въ 17 вер. отъ Леденскаго Завода, лежитъ по срединѣ большого лѣсстаго волока, который отдѣляетъ р. Леденгу отъ Сухоны. Здѣсь уже начали жать яровое поле; три дома устроили даже и дожинки, между тѣмъ въ Княжевой 11 авг. только начали жать яровое. Это запаздываніе въ Княжевой вѣроятно нужно приписать ея высокому положенію; едва-ли и Никольскѣ, не смотря на свое болѣе южное положеніе, не имѣетъ болѣе холодный климатъ, чѣмъ Тотьма.

Хозяинъ нашъ въ Нижней занимается ловлей зайцевъ вряжами, капканами и нитями, и рябей сѣльемъ. Вряжами называются три бруса, сплоченные вмѣстѣ и настороженные въ родѣ сибирской плашки; вряжи ставятъ послѣ царевскаго праздника (?) не на тропѣ, а подъ елью, гдѣ не надуваетъ снѣгу; приманкой служить осинное деревцо. Нити ставятъ въ суземѣ на заячьихъ тропкахъ, ведущихъ изъ сузема въ деревенскому полю. Силья ставятъ на землѣ и на жерди; приманкой служить клюква (журавлика), нанизанная на нитку: другія ягоды не употребляютъ, потому что онѣ составляютъ пищу и другихъ птицъ, которыя слѣбываютъ ихъ. Кобылка, устраиваемая при сильяхъ, служитъ для вздергиванья попавшейся птицы, чтобъ горностаи не перенялъ добычу птицелова.

Кромѣ зайцевъ и горнастаевъ, около Нижней водятся куницы и медвѣди. Послѣдніе каждую ночь раза по два приходятъ въ поля полакомиться овсомъ. Куница водится по всей урало-алаунской градѣ; въ Будонгѣ ловля куницы уменьшилась, такъ что въ послѣдній годъ всего была убита здѣсь только одна куница.

Ряби или рябчики идутъ отсюда въ столицы; ихъ покупають скупщики обыкновенно по 20 коп. пара; нынѣ (сенью 1872 г.) въ Никольскѣ пара стоила 10 коп., а по дорогѣ можно было покупать по 8 и 5 коп. пара (въ октябрѣ мѣсяцѣ).

Слова, записанныя по дорогѣ изъ Никольска въ Тотьму.

Рѣшето—созвѣздіе Плеяды.

Леденица, заспа—метеорологическая крупа.

Суземъ—тайга, еловый лѣсъ.

Заломокъ—мѣсто въ лѣсу, заваленное буреломомъ. Заломки въ здѣшнемъ суземѣ бывають по 10 верстъ длинной.

Паточинка—ручеекъ (вятскіе починки на р. Луптюгѣ).

Лѣшня—лѣсной промыселъ, звѣроловство и, можетъ быть, рубка дровъ (дер. Кулова, близъ Тотмы).

Бырь—переборъ (дер. Кумбисерь, на р. Лохъ).

Сопласъ—камень, лежащій въ пластахъ земной коры въ отличіе отъ эрратическаго.

Слудки—рѣчные яры.

Струбъ—«рѣка вошла въ струбъ», т. е. въ межень.

«Въ узгу»—въ углу между двумя рѣчками. Шапка узговка—четырёхугольная.

Кулига—1) пятно. «Мотъ побѣдѣлъ кулигами»; т. е. выбѣлился неравномѣрно, 2) Изгибъ, излучина. «Югъ течетъ кулигами». 3) Отдѣльный участокъ земли, вычищенный подъ пашню.

Сохачъ—*Scirpus alces*, L.

Поточка—птичка.

Медяникъ—шмель (*Bombus*),

Пильма—мелкое насѣкомое, портящее ботву на овощахъ и черемухѣ (*Haltica?*).

Норница, какая-то гусеница бабочки, проглотивъ которую коровы умираютъ.

Самыхъ—медвѣдъ самецъ.

Самуха—медвѣдица.

Поляшъ—*Tetrao tetrix*, L.

Фыпикъ или фупикъ—*Pyrthula rubricilla*, Pall.

Рябь, рябокъ—рябчикъ (*Tetrao bonasia*, L.).

Ратная червь проходитъ насквозь камни и деревья. Ей приписываютъ дыры, съ которыми находятъ камни на поляхъ.

Колотикъ—*Spongilla fluviatilis*, Blainv.

Губы—грибы.

Мянда—низкая кривая сосна. (*Pinus Pumilio*, Haenke) «Мяндовья» шишки—сосновья.

Конда—темные центральные слои древесины соснового дерева (сердце, матерая древесина нашихъ лѣсныхъ); свѣтлые, еѣ окружающіе слои, назыв. здѣсь болонь.

Выплавка—капъ у комля дерева, изъ котораго дѣлаютъ курительныя трубки.

Кремневая ель—мелкослойная.

Трунда—древесная гниль.

Лѣтовище—выгонъ скота (около Никольска). На р. Ляменьгѣ лѣтовище назыв. пастьва.

Радовая земля—общинная, не помѣщичья. Радовые крестьяне—не вѣрштные.

Стожары—колья въ сѣнномъ зародѣ.

Губина—потрава.

Трасогузка, однокружка — телѣжка для перевозки навоза на пашню.

Ворожейка—флюгарка на гумнѣ, показывающая направленіе вѣтра. Она состоитъ изъ длиннаго вкопаннаго въ землю шеста, на вершинѣ котораго прикрѣплена планочка горизонтально, а на концѣ послѣдней подвезанъ пучекъ кудели.

Долонь—токъ на гумнѣ, и ладонь.

Дерба—выжженное изъ-подъ лѣса небольшое мѣсто подъ посѣвъ льна.

Банище—мѣсто, гдѣ была прежде баня.

Печище—мѣсто, гдѣ было прежде какое-то жилие (съ печью?).

Вырець—разсадивъ для капусты и галанки.

Осырокъ—огородъ (вятскіе починки).

Дикарь—Avena fatua, живой овесъ (въ Харьк. губ. Изюмск. у. назыв. в о в с ѳ г ѳ).

Галанка—брюква.

Хива—пыль, ложащаяся во время вѣянія ржи еще далѣе охвостья. Её примѣшиваютъ въ кормъ птицѣ и свиньямъ.

Куколь—пустыя сѣменные коробки конопли, которыми кормятъ свиней.

Оншины—соръ отъ ячменя, толченаго въ ступѣ.

Опихивать—толочь ячмень въ ступѣ.

Тина, ботва—мякина.

Заспа—крупа.

Глибки, грудки—свѣжій творогъ.

Гуша—творогъ.

Шѣль—дрожжи.

Зайчики—пѣна, выступившая на пивѣ сверхъ хмѣля.

Лицо—черная поверхность пива подъ пѣной.

Бѣты—солома, которую кладутъ въ пивныя ворчаги.

Бѣль—сулема.

Волохъ—глиняная крышка на горшокъ.

Бабушки—игрушки.

Судки—передній уголь.

Бурундукъ—помость впереди нижней ступени крыльца.

Чунки—маленькія саночки. Можетъ быть это слово дало названіе старинному сибирскому: «чуница», звѣроловная артель, потому что соединеніе въ артели при звѣроловствѣ нужно было главнѣйшимъ образомъ для доставки на мѣсто промысла провизіи, которую иногда люди таскали на себѣ.

Порубенья—бревна, распиленные пополамъ, которыми огибаютъ низъ барки.

Уторница—пазъ на днищѣ у края барки, который законопачивается тщательнѣе, чѣмъ остальные пазы на днищѣ.

Карга—столбъ на носу и на кормѣ.

Кобылины—горизонтально лежащія на городкахъ балки, на которыя настилается днище.

Коротыши—доски, которыми покрываютъ барку, слѣдовательно, которыя образуютъ палубу.

Бабайка—лопатовидный конецъ гребка.

Поносная—руль.

Гребки—весла барочныя.

Дѣвка—еловая подставка подъ конецъ поносной съ дырой, въ которую вставляется поносная; другой конецъ упирается въ гнѣздо на палубѣ.

Плечо—четверть борта барки; такимъ образомъ у барки есть: два правыхъ, два переднихъ и два заднихъ плеча. На лѣвыхъ привѣшиваются гребки, на правыхъ поносныя.

Зыбки—ваги для подъема барки.

Озда—балка, которая служитъ скрѣпой барки въ серединѣ; она кладется горизонтально отъ одной боковой стѣны барки до другой, на серединѣ высоты отъ днища до палубы.

Плита—25 бревенъ, связанныхъ для сплава; нѣсколько плитъ, большею частью двѣ, составляютъ плотъ.

Доръ, шамъ, дорьё—соръ. «Отъ лучины дорья много живетъ» (гор. Тотма). Есть много деревень въ Никольскомъ уѣздѣ, которыя называются дорами: Аникинъ Доръ, Собакинъ-Доръ, Амелинъ Доръ, Барасинъ Доръ; много есть рѣчекъ съ названіемъ Дорювая или Дороватка.

Сувитокъ—трубица холста.

Новокупка—вещь, недавно прибрѣтенная въ домъ.

Пѣтунъ—пѣтухъ.

Обора—веревка лычная.

Бахары—берестяныя лапти (р. Вѣхма).

Бало, больце—инструментъ, на которомъ загибають дужки къ крышкамъ для тесковъ.

Рубокъ—такъ называется здѣсь мѣтка, которую дѣлають при отдачѣ полотна или нитокъ въ окраску. Это маленькій деревянный брусокъ, на которомъ обозначается количество матеріала и выговоренная плата за окраску; рубокъ раскалывается пополамъ, одна половина остается у хозяина матеріала, другая у красильщика, который самъ и дѣлаеть ихъ. Ниже Никольска, около деревни Ворониной, ихъ называютъ рубежами; при отдачѣ овчинъ около Ворониной дѣлають сколки; конецъ палки сострагивается, дѣлается зарубка и по ней скалываютъ половину, а выше зарубки дѣлается рубчикъ для веревочки, которою сколокъ привязывается къ овчинѣ. Отколотый кусочекъ остается у хозяина и по выходѣ овчинъ изъ дубленья прилагается къ своему мѣсту.

Въ Харьковской губ., Изюмск. уѣздѣ, рубокъ называется карбижъ, въ Симбирской губ. жеребеёкъ, у казанскихъ татаръ джеребѣ.

Жеребьи въ Симбирской губ. употребляются при отдачѣ въ окраску холстовъ, пряжи, въ выдѣлку сырцовыхъ овчинъ и кожь. Жеребий бываетъ длинной болѣе вершка; имѣетъ видъ косою четырехгранной призмы; съ одной стороны нарѣзываютъ число аршинъ или вѣсь или число штукъ; на противоположной цѣну за аршинъ или штуку. Жеребий раскалывается пополамъ повдоль; одна половина остается у мастера, другая вручается хозяину.

Прежде пріемъ овса въ амбары на Никольской пристани производился на бирки; прикащикъ имѣлъ длинную четырех-гранную бирку; когда крестьянинъ привезетъ въ амбаръ хлѣбъ, прикащикъ нарѣзываетъ количество его на биркѣ, потомъ ножомъ перерѣзываетъ бирку до половины и скалываетъ такъ, что часть надписи есть и на сколкѣ, часть и на биркѣ; сколокъ, жеребеёкъ онъ отдастъ крестьянину, который съ нимъ идетъ въ купцу и получаетъ деньги. Такимъ образомъ, у купца скопчилась гряда жеребейковъ, которая вечеромъ повѣсилась съ принесенной прикащикомъ биркой. Нынѣ бирки уже не употребляются.

Въ Симбирской губ. бирки употреблялись пастухами для означенія числа скота въ каждомъ дворѣ порознь; хозяевами для амбаровъ съ хлѣбомъ или же при сваживанія сноповъ въ гумно, богатыми крестьянами для записыванія долговъ, сборщиками податей для записыванія душъ и слѣдующихъ съ нихъ денегъ и т. п. Пастушья бирка бываетъ иногда до 2 саж. длинной. Скотъ помѣчается въ Симбир. губ. чередками, чередъ=1 лошадь=1 корова=1¹/₂ годовалая телка=1¹/₂ годовалый жеребчикъ=1 свинья=5 овецъ=2 козы=2 теленка. Каждый домъ отдѣляется на биркѣ отъ другого чертой; кромѣ того ребро бирки подъ цифрами одного дома срѣзывается отъ одной крайней цифры до другой.

Бирка сборщика податей бываетъ такой же длины, какъ и у пастуха.

Здѣсь отмѣчено сначала число душъ, которое отдѣлено знакомъ (|), потомъ количество рублей, отдѣленное опять тѣмъ же знакомъ, и наконецъ число копѣекъ; домъ отдѣляется чертой; ребро подъ цифрами срѣзывается. Намѣтивъ дома все число душъ въ деревнѣ и количество денегъ по дворамъ, сборщикъ отправляется по деревнѣ и по мѣрѣ уплаты срѣзываетъ тѣ мѣтки, которыя принадлежатъ плательщику; если кто уплатилъ не всѣ деньги, онъ срѣзываетъ старую цифру и на гладкомъ мѣстѣ нарѣзываетъ только недоимку. Бирка по татарски называется таи га таягы, по чувашски картъ.

Названіе жеребейковъ рубки получили потому, что можетъ быть служили для метанія жеребья. Намеки на такое предположеніе заключаются въ тѣхъ дѣтскихъ присказкахъ, которыя дѣти приговариваютъ при метаніи жребья передъ игрой. Выраженіе «поломалъ рубля», «дьяконъ пишетъ желѣзнымъ пальцемъ чернымъ углемъ», «осиново полѣно плѣло *), горѣло, куда полетѣло?» намекаютъ на дѣланіе мѣтокъ на деревѣ и на киданіе его. Одна такая сибирская присказка прямо начинается словами: «сѣку, сѣку двадцать». Большинство и остальныхъ начинается счетомъ: первичники, другнички. Въ присказкѣ

*) Я слыхалъ «тлѣло», а не «плѣло». Кажется, первое вѣрнѣе.

№ 6 число доведено до десяти: первины, дружины, пятанъ, ладанъ, жухтанъ, бухтанъ, дятель, десять. Слѣдующій № 7: пера, ера, шуда, луда, пята, сата, сива, ива, дубъ, крѣсъ, хотя не кончается словомъ десять, но въ ней заключается десять словъ, такъ что крѣсъ стоять на десятомъ мѣстѣ; это можетъ быть крестъ, который на биркахъ означаетъ цифру 10. Можетъ быть, деревянный жеребій употреблялся на древнихъ игрищахъ, когда дѣвцы метали жеребій—кому достаться. Свидѣтельство метанія, можетъ быть, содержится въ игровыхъ сибирскихъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ поѣтся, что дѣвушка рвала цвѣты и плела вѣнки и потомъ спрашивала: кому вѣнокъ мой достанется? если старому, то убѣгу, если молодому, то съ нимъ гулять пойду. Это намекаетъ, что на игрищахъ метали жеребій при дѣленіи пожни. Отрывокъ изъ другой игровой сибирской пѣсенки: «расколился сырой дубъ на четыре грани, раздѣлился мое желанье на четыре части», кажется, даетъ поводъ думать, что на древнихъ игрищахъ употреблялся и деревянный жеребець.

Лапостка—плюсна.

Усь—верхняя губа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Хрястѣкъ—хрящъ.

Печеница—синявица.

Халмыкъ—плетешки, которыя у женщинъ въ волосахъ вяжутъ «суеѣдъ».

Францы—венерическія язвы. «Ты вѣдь весь въ францахъ». Францоватый—сифилитикъ. «Ахъ, францы!» брань мѣстная, употребляемая чаще другихъ.

Вихъ—вывихъ.

Бородавицы—зобы на шеѣ и мелкія шишки на головѣ у коровъ.

Ватага—взрослые члены семьи. У насъ ватага не велика, т. е. мало работниковъ. Ватажникъ—взрослый членъ семьи, способный въ сельской работѣ.

Чумакъ—сидѣлецъ въ кабацѣ.

Казакъ—наемный работникъ. Казачиха—работница.

Пѣстунъ, пѣстунья—нянька.

Боговикъ—сборщикъ на церковь.

Плѣница—рядъ нѣсколькихъ саней или телѣгъ, вѣдущихъ одна за другой. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромскомъ, Кирѣевск., IV, 38—46, Батый грозитъ раззорить Кіевъ: «добрыхъ молодцевъ полоню станицами, красныхъ дѣвицъ плѣницами, добрыхъ коней табунами».

Мирё—миръ, дружба. Что у васъ мирья нѣтъ? (что не совѣтно живете?)

Сугрѣвъ—тепло. «У нихъ въ избѣ сугрѣву нѣтъ».

Рыситься—искать половыхъ сношеній (о кошкахъ и собакахъ).

Пѣтка—мука, старанье.

Пѣтаться—мучиться, стараться.

Заглумный—забавный.

Лѣно—лѣново. «Что лѣно идешь?»

Тусьянный—тускый (глазь).

Пастя—беречь. Бабы пасуть корни кукушкиныхъ дѣровъ.

Кудесить—колдовать.

«Ни сижотъ»—не достаетъ, не хватаетъ.

Поблазило—миѣ, будто кто стучить—почудилось.

Чуешь?—Слышишь; понимаешь? У богатыхъ, дѣдушка, проси милостыню.

Чую.

Цась, часть—грамматическая частица «чай». Наприм. «Цась часовъ десять есть».

Главная изъ особенностей въ здѣшнемъ говорѣ пѣвучесть, которую можно замѣтить на всемъ нашемъ сѣверѣ, въ Финляндіи у финновъ, даже у финляндскихъ шведовъ, у Кареловъ и у сибирскихъ крестьянъ. Въ особенности это, интонированіе замѣтно у женщинъ и дѣтей. Изъ частныхъ, не у всѣхъ крестьянъ замѣчаемыхъ, замѣтимъ слѣдующія:

Буквы *ц* и *ч* взаимно замѣщаются. Говорятъ: молодича, подай отчу рукавичи: онъ на мельничу поѣдетъ. Пуцело вмѣсто чучело.

Окончанія прилагательныхъ *ска* превращается въ *чка*: вологочка. Вмѣсто чужди люди я слышалъ здѣсь чучи *) люди; въ устахъ одного крестьянина «мирская радоница» приняла необыкновенно некалѣченный видъ: мичкара. Кажется, въ этихъ неправильностяхъ нѣтъ общей нормы и много зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей.

Можно у нѣкоторыхъ женщинъ при произношеніи замѣтить польскіе звуки *с'* и *л*; первый въ словахъ: цуешь, цась, второй въ окончаніяхъ глаголовъ прошедшаго времени женск. рода: ходила, родила.

Поговорки:

Женщина, какъ старый вѣникъ, пошабарчить, да и сдаться.

Посади свинью въ рожь, дадутъ грошъ.

Рѣпа брюху не укрѣпа.

Двѣ головашечки соткнутся, больше курятся.

На людей какъ на Бога, на себя какъ на чорта.

И на Мартынку бываетъ мотырка. Вывернулся, какъ Мартынъ съ бала-лайкой.

Доринъ пирогъ все на-поперегъ.

Живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу.

Изъ-подъ тишки валятся шишки.

Сторона (т. е. чужіе, неродные люди)—борона.

*) Можетъ быть, отсюда происходитъ сибирское бранное слово чуча. Въ Никольскомъ у. говорятъ, что здѣсь прежде до русскихъ жила чучи (чудь).

Миръ—нетлѣнна риза (т. е. вѣченъ, несмертенъ).

Рѣпа да горохъ объѣдаще жито.

Три топора лежать подъ лавкой не дерутся, а три копыла раздорятъ.

Жена умереть, какъ кошка со столба упадетъ.

Мужъ жену жалѣеть только 2 раза: какъ отъ вѣнца ведутъ, да на столъ кладутъ.

Народныя названія нѣкоторыхъ растеній, употребляемыя въ окрестностяхъ Никольска и Тотмы:

Боровой, бѣлый или олений мохъ, *Selaginella selaginella*, Ag. (Никольскъ). Вареный прикладывается, чтобъ произвестъ на тѣлѣ нарывъ.

Боровой пострѣль, *Asopitum* С. Поятъ женщинъ во время родовыхъ потугъ; скорѣе женщина родитъ, меньше мукъ бываетъ (Никольскъ).

Бронецъ, *Paris quadrifolia*, L. Ягоду глотаютъ, чтобъ вередовъ не было. (Ник.) Съ сушеной ягоды поятъ лошадей больныхъ яшуромъ. Женщины ѣдятъ еще не зрѣлыя ягоды, пока онѣ красныя, чтобъ не было красокъ.

Бѣлюшки, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. (Тотемскій уѣздъ, дер. Булова).

Вдовецъ, какое-то колючее растеніе, растущее на пашняхъ—отъ колотья (Тотма).

Волчондѣвъ (дер. Булова), Волчья ягоды, Перецъ (г. Никольскъ), *Daphne mezereum*, L. О цѣлительныхъ свойствахъ этого растенія я здѣсь не слыхалъ, но знаютъ, что разжеванные ягоды жгутъ во рту.

Глушина, *Betula alba*, L., разновидность, листья которой съ нижней стороны шероховаты на ощупь языкомъ. (Никольскъ).

Горожанка, *Dianthus deltoides*, L. (Никольскъ) Вѣроятно такое названіе растеніе получило за яркій цвѣтъ вѣнчика.

Грабли, *Heganium*. (Никольскъ).

Денежникъ, *Rhinanthus crista galli*, L. (Ник. и дер. Булова).

Дудель, *Archangelica officinalis*, Hoffm. (?) Дудели съ нераспустившимися бутонами крестьяне приносятъ изъ лѣсу въ деревни вмѣсто игрушекъ дѣтямъ (Никольскъ).

Дятловникъ, кашникъ, *Trifolium pratense*, L. (Ник.).

Елшина, *Alnus incana*, DC. (Ник.).

Желѣзный мохъ, желѣзнякъ, *Polytrichum*. Его сперангіи назыв. кукушкинъ ленъ. (Ник.).

Журавиха, журавлинка—*Oxycoccus palustris*, Pers.

Запонки, *Trollius europaeus*, L. (дер. Булова).

Заячья трава, *Gnaphalium dioicum*, L. (дер. Булова).

Заячья пушица, *Eriophorum* (Ник.).

Звѣробой, *Hutericum* (Ник.).

Земляничный цвѣтъ, какой-то продуктъ природы, находимый въ землѣ—употребляется отъ грыжи. (Ник.).

Земляной духъ, родъ паутины, находимый въ щеляхъ почвы, употребляется отъ порѣза, поруба, ранъ и пр. (Ник.).

Земляные орѣхи, клубни *Equisetum*'а (Ник.).

Золотая трава, золотуха, *Thalictrum majus*, Jacq. (Ник.). Такъ зовутъ потому, что листья растенія, облитыя водой, получаютъ блескъ. Употребляется отъ золотухи.

Вашникъ, *Trifolium pratense*, L. и *argense*, L. (Ник.). Если бѣлый кашникъ (*T. argense*, L.) положить на «Ивана и Купальницу» подъ росу, потомъ пить—не будетъ вередовъ.

Ввашня, *Sampanula Cervicaria*, L. Послѣ родинъ, чтобъ «золотникъ» не ходилъ, пьютъ наваръ въ водѣ. Нужно рвать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не слышать пѣтушинаго пѣнія, потому что цѣлительная сила есть только въ такихъ экземплярахъ, которые выросли, не слыжавъ пѣтушинаго пѣнія (Ник.).

Кобылій счечъ, *Rumex confertus*, Will. (дер. Булова и г. Устюгъ).

Колбочки, плодовые шишки растенія *Trollius europaeus*, L., изъ которыхъ маленькія дѣвочки дѣлаютъ себѣ ожерелье (дер. Аесентьева, близъ Никольска).

Колокольчики, *Sampanula patula*, L. (Ник.) Красятъ нитки въ синій цвѣтъ.

Колѣшки, *Cirsium* (дер. Булова).

Копытникъ, *Alchemilla vulgaris*, L. (Ник.).

Кошачьи м—ди, *Geum rivale*, R. (Ник.).

Бряковина, какое-то съѣдобное растеніе (Ник.).

Букѣшка, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. (Устюгъ).

Кукушкины дѣры, *Ogchis latifolia*, L. (Ник.) Дарами вообще здѣсь зовутъ вещи, которыя во время свадьбы невѣста даритъ родственникамъ жениха, полотенца, вышитыя собственноручно, и т. п. Корень кукушкиныхъ дѣровъ употребляется, какъ кантаридное средство; свойство это вѣроятно приписывается растенію по сходству его клубней съ *testicul*'ями.

Кукушкинъ ленъ, спорангіи *Polytrichum*'а (Ник.).

Купальница, *Rapunculus agris*, L. (Ник.).

Курная слѣпота, *Myosotis*. L. (Ник.).

Изгонъ, *Lycopodium* (Ник.).

Лабазникъ, *Spiraea Ulmaria*, L. (Ник.).

Ладонка, *Asarum europaeum*, L. (Ник.). Женщины пьютъ отъ тишинъ.

Лутошка, *Tilia parvifolia*, Ehrh.

Лѣсной хмѣль, *Clematis Witalba*, (Ник.).

Лягушечья кислица, *Rumex confertus*, Will. (дер. Кумбисеръ, около Никольска).

Мачишникъ, *Tussilago Farfara*, L., (по р. Іюнгшпу). Привлаживаютъ, чтобъ произвести нарывъ.

Молосная трава, *Asarum europaicum*, L. (Ник.).

Одаленъ, около Тотмы употребляется отъ грыжи.

Осотъ, *Cirsium* (Ник.).

Палочникъ или сѣянецъ, *Phleum pratense*, L. Сѣютъ на новины виѣстѣ съ первой рожью, именно пригоршню на 1^{1/2} пуда ржи. Въ 1-й годъ сжинаютъ виѣстѣ съ рожью и просѣваютъ рѣшетомъ; въ теченіе 3-хъ лѣтъ, палочникъ разрастается на новинѣ и его косать; на 4-й годъ появляется сорная трава.

Папоротъ; въ ночь на «Ивана и Купальницу» надо просидѣть подъ скатертью у этой травы; всѣ травы пробѣгутъ мимо и скажутъ, какая отъ какой болѣзни.

Перелой, *Parnassia palustris*, L. (Ник.).

Пивушки (Ник.), пѣтушки (дер. Кулова) *Galeopsis versicolor*, L.

Пѣстикъ, *Equisetum* (Ник.) Весенніе всходы ѣдятъ дѣти; по николюско-устюжскому тракту кладутъ ихъ со сметаной на пироги и пекутъ.

Подлѣсъ (Ник.), бранка (Ямбургск. у. Петерб. губ.), *Pugola rotundifolia*, L. Пьютъ николюскія женщины, если помѣшаются «платныя».

Подлѣсникъ, *Asarum europaicum*, L. (дер. Кулова).

Поленики, *Rubus arcticus* (Ник.).

Попы, *Chrysanthemum Leucanthemum*, L. Пьютъ отъ головной боли (Ник.). Кажется, и *Taraxacum officinale*, Knaut, называютъ здѣсь попами.

Сиверушникъ, *Trollius europaicus*, L. Дѣвицы называютъ цвѣты на шею.

Синѣшки, ржаныя (въ отличіе отъ *Polygala*) синюшки, *Centaurea Cyanus*, L. Употребляются для окраски нитокъ. (Ник.) Синюшки, *Samolus patula*, L. (дер. Кулова). Синюшки, *Polygala* (Ник.). Крынки моютъ.

Сорочьи глазки, *Viola tricolor*, L., (Ник.).

Сосошникъ, *Lonicera Xylostenm*, L. Соски, плоды этого растенія (Ник.).

Сѣянецъ, *Phleum pratense*, L.

Тропникъ; это растеніе мнѣ не удалось видѣть; его даютъ отъ кашля лошадямъ съ овсомъ, овцамъ съ хлѣбомъ.

Умывальница. *Lychnis flos-cuculi*, L. (Ник.) Ею умываютъ коровъ послѣ родовъ виѣстѣ съ листьями елшины, глушины и чистушки.

Уразная трава (Ник.), уразница (на р. Юзѣ), урочная трава (дер. Кулова); растеніе это я не видѣлъ. Въ Николюскѣ имъ лечатъ отъ уроковъ; въ деревнѣ Куловой съ дымомъ этой травы обходятъ отелившуюся корову.

Хмѣлекъ, шмѣчки (Ник.), хмѣль (дер. Кулова), *Trifolium spadicatum*, L. Этимъ растеніемъ моютъ крынки и коровъ окуриваютъ; дѣлаютъ припарку противъ змѣевика.

Христопродавка (Ник.), Христово копье (дер. Кулова), *Asopitum serpentrionale*, KÖlle. Въ Никольскѣ говорятъ, что названіе этого растенія основано на формѣ листа (многодольнаго съ разрѣзными долями), будто истыканнаго или изорваннаго копьемъ, которымъ жида кололи Христа, спрятавшася подъ листьями этого растенія. Въ деревнѣ Куловой находятъ истыканнымъ не листъ, а корень этого растенія.

Чистуха, чистушка, *Betula alba*, L., разновидность въ листьяхъ, у которыхъ нижняя поверхность гладкая (Ник.).

Гр. Потанинъ.

Конецъ.

ОТДЪЛЪ П.

Оборникъ Панаіота Дьиновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ).

(пѣсни, обычай и разный мелкій матеріалъ).

(Продолженіе).

14. Свадебни адети.

Свадебни-ве адети се разделени на три одсена. Во први-ов одсек се опишани тие адети, що се пред свадба, во други-ов—свадбы-та, а во треѣи-ов тие адети, що се по свадба после.

Адети пред свадба.

а) Вршење (вршитба, проситба, завршување, договарање).

Татко му на тея момче, що порасло за женење, заедно со си-те кућни му избираат девојка. Му кажуваат и на момче-то, која девојка му избирает за вршење. Потоа, по општо-то нишно согласување, татко му сам одит или праћат некого од женати-те свои синови или некој други свой роднина, що је кадар да ја свршит тая «работа», «вршење-то» т. е. да ја свршит (испросит) тая девојка, що ја избрале. Пратеник-от се викаат «стройник»¹⁾. Стройник-от едниш пойдуват тамо, и го прошат татко е на девојка-та. Тај му велит тога: «да се допрашаме».

Татко е на девојка-та се допрашуват со кућни-те свои²⁾, да ја даат девојка-та коде-що им ја сакаат (просит) или не. Девојка-то ја прашаат браћа е (или сестри е по-стари, можени), дека се страмит ад татка си и мајка си. Тая ако нећет, да ја даат коде-що ја сакаат, или велит: «нећу». А ако сакаат, мълчит т. е. не им одговарат никако, дека ја страм да им речет «сакам»³⁾. И така ѱа се научит браћа е и ѱа кажет на татко си, сакаат или нећет девојка-та.

На второ-то прашање му кажуваат на стройник-от: «ја даваме девојка-та или не»⁴⁾. Ако не ја даваат, стройник-от веќе не се повраћат, тако ѱа си тражит друга девојка. А ако ја даваат, тога му кажуваат, во кој ден да даат, да ја вързет риза-та.

Во одредени-от ден стройник-от го земат со себе нишан-от (тој је едно

¹⁾ Понекогаш и жена бидуват «стройница»; ²⁾ се допрашуват и со надворни по свои роднини; ³⁾ ретко која девојка се престрамуват да речет на браћа си «сакам».

⁴⁾ Ако нећет девојка-та, со сила неа даваат; ама никогаш не кажуваат, нећет девојка-та затех не ја даваме, токо велит не ја даваме, не маме сега време...

риза и че и во него вързан еден алтин-златица) и одит тамо. Седнуваат во чардак на постелба заедно со стројник-от и татко е на девојка-та и други негови родниње. Пред нивни куќни-те стауваат софра, а на неа клаваат една погача, особито за тога месена, и над неа едно калениче (шљно) со суво гройзе. Тога стројник-от го изваѓат од пазува нишан-от и го клаваат на леб-от. Татка-то девојкии го земаат нишан-от, го погледуваат (го погледуваат си-те седнати) и тојчас го праѓаат на девојка-та, која је во кмет заедно со нејзини-те другачки-девојки. А куќни-те донесуваат на софра една риза и во неа вързуваат еден косај лебец, земен од среде од погача-та, неколку зърна пченични, неколку зърна од суво-то гройзе, едно строче босилек непресаден со и корен и едно строче расат непресаден, и ја даваат на стројник от.

Потеза донесуваат на софра ракиа и мезиня. На пијење ракиа-та го честитат вршење-то; потеза се напиваат и кафе. После си стануваат стројник-от и си појдуваат у момче-то.

Кога ѓа доет стројник-от у момче-то, ја даваат риза-та на татка му и ја чуваат во ковчег. По теа седнуваат на постелба стројник-от, татко му на момче-то и си-те виџни по-свои родниње, що, по виџни позив, дошле на честитење вършење-то (вршитба). Куќни-те стауваат пред нивни софра и на неа клаваат секакви мезиня и ракиа. Вдан од куќни-те тојчас одит да му кажат на поп-от, да запишит, во кој ден је сторено вршење-то. Тога зафаѓаат да фрлаат «пушки», за да го огласит вършење-то. На оваа пушечно огласување идет на честитење вршитба-та си-те виџни родниње, коиши и пријатели. На пиене ракиа-та даваат секакви куси (кратки) молитви—здравници. А откако ѓа се напиет кафе, после се одит секој дома. А понекој од најсвои-те родниње остануваат и за ручек.

Одтога дур до свадба-та момче-то свршено се викаат «свршеник» *), а девојка-та «свршеница».

Приказ. 1) Момче то немаат време (ни пак му је пристойно), само да избират девојка, дека кога се берет оро зиме, теа не је дома, тока је на туѓина; а пак лете, кога је дома теа, немаат ора. За те му избираат девојка мајка му, сестри му и снди му. И по тој ред татко допрашуваат со куќни-те си и му избират девојка. 2) Вршење бидуваат во овие два месеца, во Јунија и Јулија, и ретко за други месец. Време од вршење до свадба бидуваат за една година или за две. Затеа стројник-от и татко е на девојка-та се уговараат за една-ли или за две години ја вршат девојка-то. 3) Стројник од старо-славенски глагол строу, иш, ит (два глагол у нас је заменат со глаголи-те прав-а-и-ш, ит правит договор; врш-а-ши, ит). 4) Први-ов потъ празна риза не се праѓаат, ве фелат; вате во неа клаваат леб и пченица—за кџмет, босилек и расад-за плодност; непресадени (т. е. непреместени одкаде шо порасле)—да не овдовет и да се не прекожуваат или да се не преместуваат од една куќа во друга; гройзе за да имаат милос мож-от и невеста-та. 5) Со запишување ден-от на вршење-то, ево каков ред имаме, за да немаат кавга: како-шо се со ред запишани вршидби-те, таке со ред се венчаваат (во еден ден), и тако со ред се фаѓаат на оро млади-те невесты. 6) По вършење-то после, родниње-то девојкини свршеник-от го викаат «зету» (4 пад. зет), татко му-«свату» (сват), мајка му-«сваће» (4 пад. сваћа), брата му по-стар-«свату» а помал-«сватче»; а цели-от му род «сваточина». А пак на зет-от татко е на девојка-та му е «тост» (или «дедо»), мајка е «тошча» (или «баба»); брат е «шур» (или «шуревн» мн.), сестра е «свеска» (или «свески» мн). Таке и татко му на вет-от и си-те му родниње татка е на девојка-та го викаат «свату» (4 пад.), мајка е «сваће», а си-от рад нејзин «сваточина».

б) Со живо стребро.

По седом-осом дни по вршење-то после куќни-то од свршеник-от невесты, девојка и деца пратени од по-стари-те одит у свршеница-та, и је носит една опца куќна

*) Свршеник—вјереник, заручник, обручник; свршеница—вјереница, заручница, обручница (армбсаник, армбсаница по грчки).

праћаница т. е. еден алгин и едно ризиче и други куќни праћаницы пары (закачени на јабљка или на цвеће). Тога е носит на свршеница-та и малу живо стрebro во едно цевче или шишуле. За те овая одење се викат одење со живо стрebro. (Свршеница-та овая живо-стрebro го носит край себе, за да ја не фаѓат маѓија). Тие кога дойдуваат у свршеница-та, одит в клет коде неа, тамо тие, и се здрауваат со неа, и ја даруваат пары; а праћаницы-те ѝ даваат на никоја жена од куќни-те. А пак мајка је от свршеница-то им даваат дарови: на свекор-от и девери-те по една риза бела, на свекрва-та дарина кифчена, а на други-те по едно ризиче шарено. Тога тие не ручаат у свршеница-та. токо и пречекуваат саде со мезе. И по тея кинисуваат и се дойдуваат дома. Дарови-те пратени од девојкина роднина и даваат на свекрва-та, а тая и раздават на куќни-те, кому како що се пратени.

Забел. Од неколику години овамо зафатне живо-го стрebro да го не носит после, токо го носит стройник-от на вршење-то, за да им не одит арч (трошак) на обе-та сватошчиње.

в) Мџуцулок или довршување.

Мушулци правиме на Голома Богородица (15 Авг.) или на Мала (8 Сепг.).

На Голома Богородица на утро у момче-то донесуваат по една праћаница (подарок) ад секоја нифна роднина—таткови му и мајкини му, що ја праѓаат на девојка-та свршена. Праћаница-та је еден алгин (у рубија или поголом) и други стрebro-рени пары *), закачени на круши или на јабљко или нанижани на китче цвеће. А куќни-те од момче-то си уготвуваат една куќна праћаница од си-те куќни т. е. од свекор-от, од свекрва-та и од девери-те **). Косит и прстен или три алгини во едно убаво ризиче врзани, за на девојка-та. Си-те праћаницы збрани во едно торба и носит йотрва е на свршеница-та.

Потеза браћа му и сноп му на момче-то и неколку други нај-свои роднинье кинисуваат да одит у девојка-та. Овая одење се викат одење по ризи (или на довршување). Напрет одит деца-та, по ними можи-те, а по ними девојки-те и невести-те. Кога ѝа поет у девојка-та, домашни-те и пречекуваат во двор; можи-те и деца-та се качуваат на чардак и седнуваат на софра, а жени-те и девојки-те очит в клет при девојка-та свршена. Край неа се набрани нейзини-те по-свои роднинье, невести и девојки другачки *). Тамо тая, що и носила пратавицы-те и дават на сноа е на девојка-то си-ты праћаницы со ред, качуваеѝи е по иже, која чия је. Потеза девојки-те састануваат у клет **), а невести-те се качуваат на чардак и седнуваат на софра, коде можи-те си. Тога го клаваат прстен-от (т. е. тие алгин со ризиче-то) на софра на еден леб (на чело). Него го земаат од леб-от татко е на девојка-то (А во некои сего и праћаницы-те и даваат на софра, а не в клет). Потеза зафаѓаат, да прет ракия и да ручаат. По ручек невести-те и деца-та слегает в клет, да се здрауваат со девојка-та свршена. Невести-те и девојки-те се бацуваат (здрауваат, целиваат) со неа уста со уста, а деца-та здравуваат въ образ. Тога тие (невести-те, девојки-та и деца-та) ја даруваат девојка-та свршена со пары *). А татко е на девојка-та уготвуваат дарови за се-та роднина (куќни и надворни). Дарови се на можи-те по една риза бела (марам), на жени-те по една дарина кивчена (т. е. со киски), а на девојки-те и деца-та по едно ризиче шарено. Дарови-те и даваат на тая, що и донесли.

Потеза се кинисуваат можи-те и жени-те и си дойдуваат дома, пак таке суредели, како що одеде. Праћаницы-те и е качуваат кой дар кому је праћен.

*) Крстачина, двркливчина (шпанолски), цванци и други. **) Петрви-те и золвы-те, и деверчина-та, тие сами си ја даруваат свршеница-та в клет. А тој дар, що ја праѓат, се викат праћаница.

*) Другачки-те пџет месчы в клет на свршеница-та. **) Девојки-те т. е. золвы-те ручале в клет, декк се страмит да одит на софра в чардак.

*) Свршеница-та ја стуруват дарина та си одспреди, за да е се не гледаат лицето, и стоит в ѱоше во темно место.

Кога си дойдуваат дома у момче-то, дарови те (и неколку ябълка од роднина-та девојкина т. е. од татко е, мајка е и браќа е, од си-те общо праќени до си те куќни у момче-то и до надворни по едно ябълко; а на секое ябълко закачени по една-две три пары старски за поздрав) и и даваат на свекрва-та.

Потез татко му од момче-то праќаат една зовачка невеста, придружена со едно дете, да и позовет си-те свои родниње, да доет на гости на вечера. Тая и зовет родниње-то со здравица (карта, пљина со вино), кога појдуват у некоја роднина, првин го послушуват со здравица-та домаќин-от велеејќи: «Ви чинеје здраво и живо од дома, да доете на гости». После и послушуват и други-те со ред зовачка-та и позовуват си-те родниње.

Домаќин-от ја земат здравица-та и првин дават неколку куси молитви—здравјци, а после се напиват од вино-то.

Татко му на момче-то уготвуват, колку што может, добра вечера. Овај вечера се виаат мушчулок. Потез си-те позвани родниње дойдуваат на гости, на вечера у татка му на момче-то свршено. На вечера-та идет, пиеат и пејт песни, се веселат. На довечерување *) и даваат на гости-те дарови-те, пратени од татка е на девојка-та свршена. А по вечера после си одит секој дома. По овај довршување после свршеница-та се кријет од се-те свршенинови родниње. Име-то на свршеник-от ве го споменат, такојдере и си-те имиња од куќни-те на свршеник-от не и споменат.

Приказ 1. Напремени-те дарови што и даруваје девојки-те и деца-та од зетова роднина се викаје лешници. Лешник—мунизда од сакаква боя и низани на конци копренени на различни облици, и спроти облик-от си имае особити имиња. По негде-годе на лешник-от имаје низани и старски пары стребрени. Овије лешници дарови, што и низае свршеница та сега се заменати со ризичинија, поради забава-та на низање-то им; в наше село Галичник се оставени на 1861 год.

2. Напред по ризи одиле мнозина у девојка та и ручале; а сега одит по-малцина, и по-веќе-то не ручаат (токо саде со ракия и кафе и пречекуваат), а помалцина ручаат (т. е. у богати-те).

г) С костени.

Есени, кога си одит можи на туѓина, даваат на куќни-те си подароци-пары. Зате татко му на свршеник-от, кога си одит на туѓина, остават на куќни-те си едан алтин-златица, да го однесет на свршеница-та. Куќни-те од свршеник-от тој дар (заедно со други праќаници и едно ризиче) го носат на свршеница-та на митров-ден (или в други празник). Тога е носат на свршеница-та костење; за те овај одење се викаат одење с костени.

Далге нѣтъ больше систематическаго описанія свадебнаго обряда, записаннаго рукою Панайота Диновскаго, и оно остается такимъ образомъ неоконченнымъ, а можетъ быть, только затеряннымъ, такъ какъ есть еще нѣсколько отрывковъ, относящихся къ тому же обряду и пополняющихъ его, которые и сообщаемъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ нашли ихъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги.

На одномъ изъ нихъ, очень маленькомъ, находимъ перечисленіе главныхъ отдѣловъ свадебнаго обряда: 1) Вършенѣ; 2) Со живо стребро; 3) по ризи (мушчулок); 4) съ костенѣ; 5) на Водници; 6) на Летвикѣ (со мѣлиак) 7) на Великѣ-денъ со

*) Пред неколку години на довечерување куќни-те донесуваат на софра еден леб, на кого фрљае пары татко му на свршеник-от и си-те гости со ред. Овие пары и давае на стройник-от (ако не беше кућен, токо надворен, роднина или приятел), као награда за вршење-то. А сега овај адет је скусен т. е. леб не извађаат. А татко му на свршеник-от, может пак, да му дават мушчулок (награда) на стройник-от на само.

цървено яйце; 8) со Гройзе; 9) на Строй; 10) Сватови (Видуванѣ); 12) по венчанѣ на Саборъ (Панаѣурѣ), 13) Поклонари; 14) Замесуванѣ; 15) на Првиче». 11-я статья пропущена или, можетъ быть, къ ней относится: «на саборъ». Затѣмъ туда-же относятся слѣдующія статьи:

«Мушулция та (стар пабратин) одзет-от земат во една торба една карта пълна со вино, кога ѿа доет у девојка-та, ѿа им я доет торба-та со се карта, тие ѿа го претурат тея вино и ѿа му я напълнит карта-та со нифно вино; ѿа ну клает во торба-та и едно сомунче лебец и една плешко со се месо и му я даваат назат на мушулция то; го даруваат со една риза бела, која я врзуваат на грива-та након-от и се враќаат назат во сватови си.

Пропускаме вишеприведенное перечисленіе обрядовыхъ статей, за которыхъ слѣдуетъ статья: «строй, стройци, и на прстен я извађаат девојка-та брат е и сие е оваке: им бацуваат роки на си-те стройцы со ред; после се враќаат на чело свекор-от и дават чаша пълна со вино; тая првин му целиват рока, потея я земат чаша-та; пак му целиват рока и му я дават чаша-та; тога свекор-от го клават прстен-от (алтин) во чаша-та, која я земат брат е девојкин. Потея слегает девојка в клет. После во двор на одење девојка-та им туруваат вода на си-те; после им целиват рока на си-те со ред, а тие я даруваат пара по свои-те и целиват и в образ. После тая го поведуват коњ-от; после му целиват рока, а тай я даруваат пак и се враќаат».

Д.

Еще одинъ листокъ съ такимъ заглавіемъ: «за настрій що носит свекор-отъ».

«лебови три:

- 1) Еден колач т. е. чие леб киснат.
- 2) Една пресна погача и
- 3) Еден леб чие киснат.
- 4) Пафти со се колач-от.
- 5) Игла стрелна за на глава.
- 6) Прстен.
- 7) Чегли чисти едно рало.
- 8) Сапун еден калап (во чегли-те).
- 9) Огледало и 10. Чешель.
- 11) Коприна до 5 драма.
- 12) Дарина една некифчена.
- 13) Конци за дарина ленени до 20 драма.
- 14) Суво гройзе до 100 драма, вземано со леблеби.
- 15) Орисъ до 1 ока.
- 16) Една рыба (охридска) до една ока.
- 17) Една карта, пълна со вино, кое ѿа го испіет на строй и после пак ѿа гим я напълнит.
- 18) Едно бардаче со ракиа пълно, после ѿа го послужит.
- 19) Свитки едно рало.
- 20) Ризиче.

Стройцы-те, одкако ѿа седнет на софра, наипрво ѿа и извадит лебови-те ѿа и клает на софра; прво леб-от, над него колач-от. На колач-от ѿа и наредит овие шеови; и одкако ѿа и видит да се-те токмо, ѿа я кршит пресна-та погача свекрови оваке, над нея ѿа клает една риза бела и ѿа я фатит двоица (еден юнакова роднина, садееши; другі-от девојкина роднина на нози) и ѿа я кршит на две половини, ѿа се претекнат тие двоица кршачи-те, секои да земет поголем дељ... гледает ѿе и кои ѿа земет поголем дељ, тамо ѿа поет повеќе кисмет; свекрова-та половина од пресна-та погача ѿа я искршит на мала парчина, и ѿа я раздает по софра на стройцы-те; а половина-та од девојка-та ѿа я однесет в клет код девојка-та заедно со колач-от и други-те шеови. Бела-та риза над погача-та ѿа си я земет свекор-от назад; леб-от свекров ѿа оставит на софра, тие ѿа и ядет; а колач-от и половина-та пресна погача ѿа и

искршиш в клед, и ђа и раздает на девојки-те. Гроизе-то и ориз-от и риба-та го даваат на девојки-те за вечера.

Татко е од девојка-та ђа извадат дарови и ђа и даруваат стројци-те (дарани-те, ризи, скутанчине).

Од како ђа се најдет стројци-те, ђа ја изводит девојка-та на прстен, да бацуват рока на стројци-те, а да ја даруваат тога. Од како ђа бацит рока на си-те, девојка-та ђа му бацит рока и ђа му дае чаша, пълна со вино. Свекор-от ђа се напиват од таа вино, токо ђа ја клае чаша-та на софра и ђа клае во чаша-та тея, що ђа ја даруваат девојка-та т. е. жълтици од неђа и од си-те кућни. После ђа им ја дае чаша-та пълна и ђа ја земет браћа е од девојка-та, ђа се нашет од вино-то и ђа видит, що ја дарувале. После девојка-та ђа си поет в клет со другачки-те си; после ђа слезет жени-те од стројци-те, ђа поет в клет коде девојка-та и тамо ђа ја даруваат. И веће горе не се кажуваат, токо тве ђа чекает, да слезет стројци.

После ђа стројци-те слезет долу во двор и тамо девојка-та им туриг вода на си-те мошки; после ђа им бацит рока на си те стројци со ред, најпрво од свекор-от, п секој ђа ја даруваат. Од како ђа им бацит рока на си-те, ђа го поведет коњ-от од свакор-от и ђа ја даруваат пак.

Не известно, куда слђдуеът отнесги еше прибавку на томъ-же лисгкђ, но, по видяному, въ другое мђсто, начало котораго здђсь пропушено:

«Сваћа-та ја носит кога одит сватђви, и таа ђа ја оставит у девојка та; а од девојка-то ђа им вратит назад друга сваћа. У девојка-та ја пеет сваћа-та таа вечер, кога ђа ја спратит девојка-та. А у лет-от ја пеет сваћа-та, кога ђа го затвораат со невеста-та».

Очевидно, это относится къ послђднему акту свадьбы; а между тђмъ по выше приведенному перечисленію обрядовъ не достаеът нђсколькихъ актовъ; и между прочимъ имђется и еше отрывокъ, относящійся къ пропущенному.

«А пак 1. Кога ђа приближит невеста-та во двор-от од кућа-та од момче-то, девојки-те и невесты-те (песнопойки) ђа е и пеђт овие песни:

Да мори туђа туђинке
Да що за рана доиде?...
Добор ти вечер свекърво!...
Слези јако од барзего коня...

2. Кога ђа донет невеста-та во двор (од кућа-та од момче-то), свекрва-та ђа излезет на врата да ја пречекаат со пицоли (од зет-от) на појасъ и со сито на глава, а во него леб час, и ђа седнет на врата-та од кућа-та, и вино в едно котле.

3. Кога ђа ја донесет невеста-та во двор (од момче-то), ђа го заперет коњ-от що го јават таа. Тога старий-от побратимъ ђа го донесет фесђ-от од зет-от и узда-та од коњ-от од зет-от: со една-та рока, ђа е го клае фесђ-от на глава, а со друга-та рока ђа ја на врат и узда-та на глава е. А таа ја климат глава-та, и ђа не остават да е и клае на глава фесђ-от и узда-та.

4. После ђа ја слезет од коњ-от, ђа ја засгонг на земи и ђа ја фатит за една-та рока (под рамо) девер е, а за друга-та рока старий-ог побратим, ђа ја водит и ђа ја однесет во кући. Кога ђа доет до врата-та, свекърва-та станет и ђа одит пред неђа, и ђа го клае сито-то в мешарка. А кога ђа доет до врата, првин со десна-та кога ђа пречекорат (sic) (прекорачит) в прлг, да да е одит работа та на десно. Невеста-та кога ђа е данесет в кући, првинъ ђа ја буцђет со глава-та од кот-от, а после и од синђир (що е над огнище-то).

5. После ђа е однесет до мешарка и најпрво ђа засеђт малу брашно чисто со сито-то, а потеђа ђа на леб-от (щђ был во сито-то) ђа засучет (ђођа сучет печиво) со сукалђка. И дур засекуват и засучуват невеста-та, други-те ђа е пеђт овађа песна:

Ушеђла невеста-та
Погача да месђт....

6. По теђа ђа е дает на невеста-та едно котле бело, пълно со вино, и ђа ја послужит со ред си-те роднине од момче-то: најпрво кум-ог, после деђа си (ако имат),

после свекра си, девери си и други роднинѣ. После баба си, свекрва си, стрини си, жотрвы си (що се постары од зет-от и се можены) и други роднинѣ. Дур да и служи́т невеста-та, други-те ѣа и пеѣг овая песна:

Умеляла невеста-та
Кум-от да послужит...

И еще маленькая замѣтка:

«Во понеделник, среда и петок негледает од куѣа девојка-та, за те во овие три дни сватови не одит».

Ш.

Мелкіи географическо-топографическіи матеріалъ.

1.

Мала и Голема Река или Долна Река и Горна Река.

Местоположеніе.

Секој град е стредиште од неколку села, кои су под негова управа владаетъ. Зате и ја, земаеѣи нашиотъ градъ Деборъ за средна точка, првинъ за него ѣа спомна. Деборъ е допренъ до западна-та пола од планина Кърчинъ (Корчинъ), коя мърва нешто коне югоистокъ од неѣа снизуват до река Радика. Од Деборъ колку нолъ саатъ конъ юго-истокъ на Радика иматъ еденъ мостъ саде од каменъ (со ѣемери), кой се наречуватъ Горенички мостъ (по име-то од едно село Гаренице, кое не се бронт во мала Река, а е преку левиотъ брегъ од Радика, под планина Стогово, од неѣа конъ юго-западъ). Горенички-мостъ е најгодно место за чување, той е врата на Мала Река, зашто тѣе најтесно место-то меѣу две-те планине—Кърчинъ и Стогово, од кон прва-та е конъ северъ, а втора-то конъ югъ. А меѣу ними од истокъ конъ запад течет Радика, коя 2 саати под Горенички мостъ се мешатъ во десниотъ брегъ од река Дринъ (при Дринъ)*). Линія-та од поврхнинна, како зафаѣат од западни-отъ край од Кърчинъ над Горенички-мостъ или над село Раичица (Радичица), кое е допрено до юго-западна-та пола од Кърчинъ и не се бронтъ во Мала Река,—колку два саата одит конъ исток, до вървотъ, що е над село Скудрине. После линія-та од Кърчинъ завршуват конъ северъ и одит до 5—6 саати. Южна-та страна (ѣи се чини, докаде държит Мала Река) од тая линія пакъ се викатъ Кърчинъ, а северна-та добиват друго име Корабъ. Корабъ се зафаѣат со западни-отъ край од Шаръ-планина. По народно предавање ѣоѣ овая планина од кораб-отъ Ноев, що пливалъ над вода-та од всемирни-отъ потоупъ добила овие две ишњиѣа Кърчинъ и Корап, ѣоѣ кораб-от Ноев се добошналъ до некој върфъ од овая планина и кърцналъ, зате е завикана Кърчинъ; а кон север на други върфъ по-високъ се допрелъ кораб-отъ Ноевъ и се скършилъ; зате е завикана кораб, да ѣоѣ и сега, коде кораб се наоделе бруѣе големи, со кон былъ кован кораб-от Ноев. По овая преданіе не зно, аль е за верување? Овая северо-западна-то граница (пределъ, межникъ турски синоръ од Мала Река и Голема Река.

Сеги ѣа зафата за южна-та граница саде од Мала-Река. Западни-отъ край од Стогово, кой зафаѣат од Горенички-мостъ, одит конъ истокъ колку два саати, еднаква (паралелно) спроти Кърчинъ до вървот, що е над село Могорче, кое паѣат конъ югъ спроти село Скудрине. (Саде тая разлика-та, що ширина-та од теснина-та, що е меѣу Кърчинъ и Стогово над Горенички-мостъ колку повеѣе одитъ конъ истокъ, толку мърва по мърва се поотваратъ, ама не многу). После линія-та од повърхнинна-та од

*). Быдеѣи е најгодно за чување коде, Горенички-мостъ, зате и близу до него на десни-отъ брегъ од Радика иматъ кула, во коя сежогашъ сeditъ неколку сѣймени за чување.

Стогово завършуват конь югъ и замикуват со источни-те ветки конь градъ Кичава, а со южни-те ветки конь градъ Офит (Охридъ, О'рид). Овая е южна-та граница од Мала Река.

Источна-та страна од Мала Река и Голема Река я зафаџат наша-та планина Быстра, која со южна-та своя страна се здруживат со Стогово, а со северо-источна-та ветка своя, која се викаат Ланица, се зафаџат со Шарь.

Быстра со северо-источниот край свой се зафаџат со едно подгорье со южна-та страна од Шарь-планина-Тая подгорье, кое е пониско од Шарь и Быстро, кое е надължина (вис) од северь конь истокъ со северни-отъ край свой се зафаџат со Шарь меџу две села Върбенъ и Дуфъ, од кои прво-то се бронт во Голема Река, а друго-то во Гостиварска околина и е од ситѣ други села найвисоко, дури горе во Шарь. А со южни-отъ край (тая подгорье) зафаџат со Быстра. Тая подгорье се викаат Ланица (арнаутски-Ланинџь) и е обрасено со букви дърва. Ланица (ми сечинит) е граница А(л)банија и Македония, од кои прва-та е конь западъ, а друга-та е конь истокъ. Воџе-то що слегаетъ од Ланица, що течет конь западъ, одитъ во Радика, која се мешат во Дримъ; а воџе-то од Ланица що течет конь истокъ, одитъ во Вардаръ, кой е најголема река во Македония. И таке извор-от (источникъ) од река Вардаръ е еденъ саятъ (и полъ) под Ланица, коде що се здружуватъ со Стогово на югъ од село Лазарополе, кое се бронт во Мала Река.

Една ветка планина (коя незно, како я викает) со свој-отъ западни край се допиратъ до источна-та пола од Быстра, меџу два градови-Гостиваръ и Кичава, од кои први-отъ е конь северь од нея, а други-от е конь югъ, и таке тая планина одит конь истокъ, близу до Скопъ. Тая е надвор од граница-та од Мала Река, ама я спомена, дека е допрена до Быстра.

И таке, пощо ѝ забележиџь естествени-те граници од Мала Река и Голема, кои се ограничени со планини-то Кърчинъ, Корабъ, Шарь, Ланица, Быстра и Стогово, кои правит две корита, од кои северо-то корито зафаџат од Ланица од воџе-то, що се берет во Мавроско-поле. И коде мавроски анови во една теснина прават една река мала, Мавроска-река, која неколку саати удола се мешат со десни-отъ брегъ од Радика и го губит име-то свое. Одтуе зафаџат Радика, да се чинит поголема, колку одитъ надолу. Тая теснина (дервенъ), що е меџу Быстра и Корабъ, из која течет Мавроска—река и Радика, од Мавроски-анови удола до села-та Сенце и Жерноница се викаат Баричъ. Овая корито се наречуват Голема-река; а друго-то корито, кое е покусо, се берет од речница та, що слегаетъ од юго-западни-те долови од Быстра и северо-источни те долови од Стогово, кой правит една река не мошне голема, која имат мостъ од каменъ (Сунички-мостъ) долу под селата Сушица и Могорче. Овая корито се наречуват Мала Река, која не се ограничуват саде од тая карито, тако зафаџат уџе угоре по Радика до села-та. Од Гаренички-мостъ угоре по Радика, до коде държитъ Мала-Река, можетъ да имаат до 5—6 саати потъ; одкаде зафаџат Голема-Река до Мавроски—анови, докоде държит Баричъ, можетъ да имаат до... саати.

И таке пощо забележиџь за место-то, докоде зафаџат Мала-Река и Голема (Велья), да од Горенички-мостъ една линия умна забележена какъ истокъ, која се бронт южна граница, и пакъ од той мостъ друга линия умно претерана (по вървови-ти од Кърчинъ, Корабъ и Шарь), која одитъ неколку конь истокъ, после завъртуватъ конь северь, а најпосле завъртуватъ конь истокъ. Се-то тая место го зафаџат Мала-Река и Голема, кои друга линия од северь конь югъ, умно претерана од Шарь преко Ланица и Быстра, допиратъ до Стогово и граничит со Гостиваръ и Кичава.

Овде не е забележена се-та Деборска околина, токо саде од коде държитъ Мала Река и Голема. За други-те села, що се во Деборка околина, що се од Кърчинъ и Корабъ конь западъ и од Стогово конь юго западъ, пощо не ми се убаво познати, за те не спомене за нивъ; а саде ѝа и спомена тие села, що паџаетъ во Мала-Река и Голема, за кои идетъ моя та речъ.

2.

Јозикъ и руетъ и вера.

Во Мала-Река се зборветъ мѣячки јозикъ, него го зборвет и Турци, и Рисяни; а во Голема Р. се зборветъ арнаутски јозикъ, ама спроти другиџ-от јозикъ арнаутски (шикипетарски), рекански-отъ јозикъ арнаутски е по-дебелъ и мешаџ со мѣячки. А во сега-та, що се на југо-источна страна во Горна-Река повеѣе зборветъ мѣячки, откога арнаутски. Во Величица и Киченица се изговараетъ оба-та јозика мѣячки и арнаутски; ама повеѣе го изговараетъ... јозикъ отколи... А во Маврово, Ниѣорово и Леуново работат саде мѣячки јозикъ, саде по-дебело го изговарает.

Во Мала-Река носиме мѣячки руетъ и Турци, и Рисяни. Мошки-отъ руетъ, що го носитъ Турци-те во Мала-Река, ирва делиџ од рисянски-отъ руетъ. А жени-те турски го имаѣт изменаџ рует-отъ, не носитъ, како рисянски-те жени. И во Голема-Река малу разлика имаѣт мошкиџ руетъ, откога рует-отъ мошки во Мала Р. А жени-те во Голема Р. и турски, и рисянски еднаков руетъ носитъ, и делиџ од рует-отъ що го носитъ жени-те во Мала-Река, кой се наречуватъ мѣячки руетъ.

Турци имаѣт и во Мала-Река и во Голема Р.; пак таке рисяни имаѣт и во Мала Р. и во Голема.

3.

Села во Мала-Река.

Села-та, що се во Мала Река, едни се саде рисянски, други се саде турски; а треѣи се мешани и Турци, и Рисяни.

Во Мала Р. се бронт сѣ-те села...; од ниѣ сега се надесно од десни-отъ брегъ од Радика, по край југо-источна-та пола од Кърчинѣ; а други-те села се налевиџ брегъ од Радика, од кои 4 (саати?) се до Стогово; а други-то.....се по край Быстра.

Ј ља и зафата од Горенички-моѣџ на горе конъ истокъ, како що су суредени, да и избрѣа:

1. Мелничани. Поѣо ља кинисатъ човекъ од Горенички-моѣџ да одит на горе по край леви-отъ брегъ од река Радика најпрво село ља го стретитъ Мелничани, кое од Горенички-моѣџ до него можѣт, да имаѣт саатъ. Мелничани е сега саде рисянско и е над пот, кољку 20 мин. далечина, допрено до северо-западна-та пола од планина Стогово. Теа су едно село на две маала, кои се разделени од 15 минути далечина. Долно-то маала се викаѣт Дълно Мелничани, а горно-то—Горно Мелничани Църкви имаѣт две, една во горно-то маало, а друга во дълно-то. Поѣџ селски немаѣт а имѣ илетъ од град (Деборѣ) (До сега имѣ понувалъ поѣџ Бого, а сега имѣ понуватъ поѣџ.... Овеа село е сада рисянско).

Во Мелничани растеѣт секакво жито: пченица, арѣѣ, пченѣка, јѣменѣ и овесѣ. Лѣйза имаѣт, ѣако тољку убаво не се испечуват грейзе-то, како по други места. Плодна дърва имаѣт: мурянки (нависели црниѣ, кои по турски се викаѣт шаѣ-дугларѣ), ѣбљка секакви; круѣи од шеѣ родови, од кои три-те родови се најубави: а. водниѣ—најуб(овѣ) и се и најлесни за смелованѣ, кога ља я клаѣѣт в' усти ља се стоит еден-чаѣѣ; б. винениѣ, що се клаѣѣт в турѣја во благо-вино се синаѣт и стоит 'со зима; в. кайкушки, кои не се многу големи, ама траѣт 'со зима, и одкако ља смекнетъ, ља се сторитъ, како смокви. Мелнички круѣи кайкушки се најубави од други и најводливи. Овеа село е до Стогово и е на леви-отъ брегъ од Радика.

2. Косовраѣни. Од Мелничани по-горе кољку 45 минути, близу до Радика, ама конъ десни-отъ брегъ е село Косовраѣни, кое е мѣшано и Турци, и Рисяни. Под Косовраѣни на Радика имаѣт моѣџ дървенѣ—Косовраѣни-моѣџ, ама Радика го удаѣи есенеска (1879 г.). И Косовраѣни е едно село и две маала, едно-то близу до Радика-Дълно-Косовраѣни, а друго-то по-горе-Горно-К.

Од под Меличани пощо ѓа поодит на горе по край леви-от брег од Радика, кољку... минути, ѓа деш до Косовратски-моств, и пощо го прејинеш преку неѓа на десни-от брег од Радика, ѓа деш под село Косоврасты, кое е близу до десни-от брег од Радика, а допрено е до южна-та пола од Кърчин. Две каале од село-то се далеку едно од другога до... мин. Црковъ една во дљно-то маало. Поп напред имае в село, а сега немает поп в село, токо им идет од град (Дебор). Жены-те рисянски в Дљно-К. носит миячки руфет, а жены-те рис. во Горно-К. носит польски руфет. т. е. како шо носит тие сала, шо се од Дебор удољу, в поле. Царска-та даванина (вергиа) во Дљно К. си я берет особно, а во Горно-особно, не и мешает.

Косоврасты имаѓ лойза, и гројзе-те убаво се исечуват (узрехват). Малу нешо од Дљно-К. по дољу (кон запад) имаѓ Баниа (минерална вода, шо извираѓ гореша вода, коя мирсат на западен ѓуѓурт, сѓра и е лекови то, и се викаѓ Косоврашка-баниа.

3. Скудриње. Од Косоврасти ѓа поодиш кољку еденъ саатъ и пољ на горе, по край десниотъ брегъ од Радика, ѓа доеш до Скудрињска-меса (дървениъ моств на Радика). Од главни-отъ друмъ коде Скудрињска-леса од лево се делитъ потъ-отъ на преку и на горе, по кого се одит во село Скудриње, за поль-саатъ.

И така Скудриње е конъ леви-отъ брегъ од Радика до Кърчинг и е саде турско село, кое имаѓ цамия и можетъ да имаѓ до 150 куѓи. Скудрињци имаѓ векоѓ нивье, а лойза по-мърва, и имаѓ плодни дърва, од кои нај-многу се костене и некољку оревн.

На Скудрињска-леса е угодно место за чуванѓ, зашо тие е потъ-отъ, шо се заминуватъ из Скудриње преку Кърчинг, кога поминуваѓ арамин и неѓет да поминетъ на Горнички моств.

Од Скудриње кољку поль саатъ на горе и конъ северъ на еденъ ридъ се гледатъ нешо, како развалиње, за коя по предање велитъ, да было тие во старо време тврдина (крѓпость), коя велитъ да была Дамянова, од коде се поведыла Мала Река и Голема.

4. Могорче (ме огорчи или огорчи ма; кого-ли огорчило?) Од Косоврашки-моств пощо ѓа кинисат човек потемъ на горе по край леви-отъ брег од Радика, во еденъ саат ѓа доет до Сунички-моств, шо е на Раосочка-река, коя се мешатъ во леви-от брег од Радика. Кој саѓат да одит кон Јиче или кон Галичница, ѓа я прегазит Раосочка-река и ѓа одит на горе покрај Радика. А пак други потъ од Сунички-моств на горе завртuvat покрај левиот брег од Раосочка-река т. е. кон југо-исток, и во 20 минути ѓа доет до Могоречки-моств шо се викаѓ Елен-скоѓ, и е под село Могорче, кое е надъ потъ кољку до 20 минути до преко до северо-источна-та пола од планина Стогово. Во Могорче повеѓе се Турци, а помалу Рисяни, ама и тие, шо былѓ Рисяни-те разбегали од тие од насиље од Турци-те селски и се преселили, кој во село Осой, кој во село Гари, кон по други села. Сега се останет саде две куѓи рисянски и тие кога дае может да се преселат во друго село. Рисяни-те во Могорче (в село) имаѓ црковъ, а поп селски не маѓ, токо им попувал поп-от осойски. Могорчани имаѓ нивье, шо си ѓ садит арш.

Забележуванье. Од стре-то од планина Быстра извираѓ едно речище мало, кое се викаѓ Быстрица и кое течет по еден дол, шо се викаѓ Ядово, кољку еден саат близу до село Селце кон југ од него и под Селце се мешат со десни-от брег од Тресонечка-река. Од тие на дољу некољку течет Тресонечка-река и под село Раоски се мешат со левиот брег од Раосочка река....

4.

1. Подгорци (село во Охрид, 6 саати до Охрид), 60 куѓи рисянски, црква имаѓ; 60 к. турски; цамия имаѓ; јозик бугарски; = 120 к.
2. Вефчани (с. во Охр.; $\frac{1}{4}$ с. до с. Подгор.) саде рисянски до 400 к; цркви 2.
3. Лабѓништа (с. во Охр. 6 с. до Охр., 8 с. до Дебор, $\frac{1}{4}$ с. до Подгор.). 60 в. рис., црква имаѓ; 100 к. тур.; цам. им.; јозик бугарски; = 160 к.
4. Бѓровец (с. во Охр.; $\frac{1}{2}$ с. до с. Лабни., 6 с. до Охр.; оѓо село на синор

со Дрим-Колу, околија Деборска) 60 к. рис.; црк. им., школа без учител; 30 к. тур.; цам-им., јоз буг.; = 90 к.

5. Велгошти (с. во Охр., 1 с. до Охр.) 200 к. рис.

5 к. тур.

205 к.

6. Глобџица (с. во Охр.) саде рис. до 30 к. на синор со Деборско.

7. Таш-Моруништа (с. во Охр., 5 с. до Охр) 40—50 к. саде рис.

8. Морџишта (с. во Охр.; 2¹/₂ с. до Таш-Мор). 10—15 к. рисјани чифлигари.

9. Ботун (с. во Охридско).

10. Пџум (село во...1¹/₂ с. до Ботун; комшин се; меѓу нима друго село нема) до 50 к. тур.

11. Октиси (с. во Охр., 1¹/₂ с. до Таш-Мар). 80 к. рис., 100 к. тур. = 180 к.

12. Добовјани (с. во Охр.) до 30 к. тур.

13. Брчево (до Охр. 5 с., до Таш-Мар. 1—1¹/₂ с., меѓу нима нема друго село) до 30 к. рис., црква имат.

14. Вдгойци до 30 к. тур.

15. Велешта (од Струга 2¹/₂—3 с.) до 150 к. рис.

16. Борбец (Борџец) 50—60 к. рис.; 50—60 тур.

17. Райчица (Радичица) до 60 к.; цркви: 1. Манастирска; 2. Храм св. Варвар;

3. Св. Танасија; 4. Св. Димитрија; поп од грат.

18. Град Дабор 1000 к. рис., 2000 тур. = 3.000 к.; црква св. Никола.

19. Татар-Елехци или Елевци (чифлик) 9—10 к. рис.; црков нова на стар темел; храм св. Димитрија. Поп љипро од грат. (до грат 15 минути; над Райчица).

20. Банище 60 к. рис.; црк. св. Димитрија.

21. Збажди (Охридско) 70 к. рис.; црк. имат.

22. Присовјани (1¹/₂ с. до Збаждо) до 45 к. рис.

5.

1. Кичџица 15 к., црк., поп им.

2. Величица 60 к.

3. Вџкџвија 25 к. рис., 30 тур = 55 к.

4. Сџнице 30 » » 20 » = 50 к.

5. Врбен 40 » » 60 » = 100 к.

6. Трница — » » 30 » = 30 »

7. Богдево 25 » » 15 » = 40 »

8. Ничтур 30 » » 15 » = 45 »

9. Бродец 25 » » 15 » = 40 »

10. Кракџрџица 30 » » 20 » = 40 »

11. Нивица

12. Вибанье

13. Мужње

14. Греканье

рис. и тур.

15. 18. Штџрџовици } . . . тур.

16. 19. Тамушане } . . . 60 к. мешано.

17. 20. Добово } . . . 60 » »

18. Штџрџовици

19. Тамушане

20. Добово

тур.

6.

Маалски или породички презимња во Маврово.

(Како што ми важувал Шпиро Лазороски од Маврово, 1883 г.).

Стѣпковци	5 кући
Пенчевци	15 >
Дабевци	26 >
Бежановци	32 >
Лаздровци	12 >
Шамановци	12 >
шарџарковци	14 >
Ариџиџевци	8 >
Фишековци	13 (најгоре)

127 к. (янии), а 160 деленица.

А 230 можни женати во Маврово; две цркви—една стара, а друга нова и поголема; на обе-те храм е св. Никола.

Во Ниџворово црков с. Павтеленмон; во Леуново ц. св. Богородица. Во Ниџворово до 60 к. рис.; во Леуново до 80 рис. и 20 тур.

Свадби: во Маврово Илигден; во Ниџворово на Пантеленмон; во Леуново на Голема Богородица.

7.

Село Сушица.

Породици.

I. Мартыновцы.

1. Мартын (...жена) од Галичник Лайкинска; 2. Дуко; 3. Раде; 4. Симонъ, 5. Янов; 6. Стамат; 7. Петре; 8. цико; 9. Постоль; ж. Викиудина ћер.....; 10. Нове; 11. Тодор; 12. Дамянъ; 13. Ило; 14. Ставре(...) од Раосоки; 15. Никола; ж. Доста од Галичник б. Данева Јованоски; 16. Вено; ж. Рубена од Тресонче; 17. Мисаилъ, ж. Ката од Галичник. б. Танаскова Црчко (или Уруко?); 18. Павле. ж. Магда од Косоврасти.

II. Веляновцы.

1. Велян,...); 2. Јован, ж. Гркиња од Галичник, б. Тавушова Бундоски; 3. Алекса, ж. Сельвја; б. Якова Новакоски; 4. Рафављ, ж. Ката од Тресонче; 5. Тануш, ж. Темяна од Осой.

III. Матевцы.

1. Мате; 2. Ѓурчин; 3. Србин, ж. Јована од Тресонче, Байоска; 4. Дамянъ, ж. Ката од Галичник, б. Јовчева Бислимоски; 5. Финданъ, ж. Калва од Раосоки Ведекоска; 6. Яков, ж. Софја, б. Негрѳова Ѓиноски; 7. Марко, ж. Босилъка од Раосоки б. Ѓорева Попоски (нищо не родиле).

При всѣхъ этихъ именахъ домо-хозяевъ стоятъ также имена остальныхъ членовъ семьи, сыновей и дочерей, иногда съ означеніемъ при первыхъ именъ ихъ женъ, при вторыхъ, за кого вышли замужъ; а иные стоятъ одиноко безъ семействъ и даже безъ женъ. При одномъ имени (рубрика I, 13), Ставле откѳчена: «иннок Симеонъ, на Пречиста; се учркадил воде скала на Раосо». Въ другомъ мѣстѣ (I, 11) при женск.

им. Митра отиѣч. «будала-та». Относително нѣкоторыхъ отиѣчено, когда родились и крещены; а нныя безъ всякихъ отиѣтокъ.

Во избѣжаніе повтореній приведежъ нъ этого списка только тѣ имена, которыя въ нашемъ спискѣ не находятся.

Муж. и м: Раде, Огнен, Петре, Стамат, —е, Глигур, Аврам, Василько, Симле, Павле, Марко или Маре, Никола, Филип, цико, Тодор, Нове, Спасе, Алекса, Мисаиль, Серафилъ, Траян, Угрин, Косто, Ристе, Ђорђе, Груміе, Мияиль, Русалии, Янчет, Сарце, Кузман, Ђурчинъ, Ђоре, Трико.

Же и. и м: Дунава, Сирма, Кумрія, Докія, Стефана, Тофе, Саломія, Анђа, Трена, Таша, Елена, Неда, Велика, Злата, Полетія, Фроси, Тануш, Здраве, Момиче, Крста, Миляна, Менда, Доста, Мартина.

Имена личныя, по отечеству и по прозвищу.

(Съ означеніемъ года дня рожденія именованныхъ),

Муж. и м: Стрезо Илов Марвоски, Нове Алексов Бошилкоски, Јосев Агіескв, Велян Павлев Горно-Аврамоски, Риста Яншев Томоски, Арсево Канчески, Зафирово М. Чадлоски, Ристево С. Дукоски, Аврамово Конгушоски, Яков Кузев М. Фрчкоски, Петрев Янулоски, Милашов С. Юрукоски, Мойсово Дълно-Аврамоски, Дамяново Тортески, Танаско Кедельков Горно-Аврамоски, Русалии Марков Букдалески, Траянова П. Броски.

Же и. и м: Докія Глигурова Брезоски, Менда Крстево Сицимоски, Невена Несторово Фрчкоски, Санда Галева Н. Тортески, Вфроскиія Ристева Брезоски.

IV.

Смѣшанный и мелкій матеріаль.

1.

Списокъ убитыхъ, раненыхъ и ограбленныхъ

(приблизительно отъ 1882—85 г.).

1. Ставре Трпчев, со 6 мартинки, очи извртени, со ятаган сечен во Петрино, одеѣи во Ресин, пред велик-ден (околу 10 март).

2. Доне Митрев од с. Бегун и уще еден други—на кошара фатени в Дебор.

3. Во велики пости сега од с. Вецчани Стефан Радин—горен за пари од арамин од Велешта и му зеле 30—40 лира.

4. Од Октиси 1 човек (Митре) горен од арамин Велештани: 20 лира му зеле.

5. Еден шель од Теѣето во Охрид, фатен во Зога и пущен за 400 межд.

6. Петко Петрев (од с. Глбочицы), идеешти од Пазар од Струга во с. Велешта, му излегле Оцовци и го убиле в стред село пред цамія, на другі-от ден умрел.

7. Ставре Стајонов Климоски (нефалия во негово село), Мартина, сестра Ставрева, Ђурђа Алексовица, свои ставрава од сина; Миладин Алексов, дете 6 годишно (од страх умрело) во стред село Подгорци се убиени пред дуѣанот негов и пред цаміята.

8. Вецчани Симон, син Наумов, и Трико, син Чечаров,—убијани одеѣи во планина на дрва, на стреден дуов-ден.

9. Од с. Подгорци 1200 брави овци, 200 говеди и 300 ягонци (цело бачило); Мойсо Ильков и Алексо, син Мойсов, фатени робови, за 3000 гр., Туше од Белица (влахъ), овчар на овцие овци—600 гр.

10. Пет жени заробени од с. Алевци (Деборско) во Булчица; од с. Модриг (од Дрим-Колу) 3 жени, што работали на ловае, заробени се од Дебрани.-арамин и т. д.

Есть еще списокъ убитыхъ съ означеніемъ имени убитаго, откуда родомъ, гдѣ убитъ, кѣмъ и когда именно т. е. какаго года, мѣсяца и числа. Съ 1870—1880 г. всего 28 чел. убито и 3 ранено.

По годамъ отрывочно показано въ 1840 г.—2, 1860—2, 1861—14. Противъ одного отмѣчено: «убиен на извор од речица Вистрица од Врсяци-рисяни», хотя въ заглавіи и сказано: «убиени се од арамин и од турци».

Между прочитъ подъ заглавіемъ «Дописи» (изъ частной переписки) находимъ такую записку: «Ми је жалъ, зашто или ја су погрешил, или ви (редакторъ газеты «Македонски Гласъ») је сте погрешиле за убијени-те Руси продавачи од руски картини во Струмичко, сте обявиле да се од Полтавска губернија, а тије не се од тая, токо се од Тулска губернија».—(годъ не означенъ).

2.

Есть запись, интересная въ томъ отношеніи, какъ велось лѣтосчисленіе: «Чумы, що биле во Галичникъ, що и паметуваше Маврија А. Станишевски»:

1. Кога паднал од коњ-от пои Богоя над воденицы-не;
2. Друга чума, кога биле бегали на планина Соломуница;
3. Трећа, кога биле бегани во селце тога в Чаушица (во Шутовица); околу 1814 или 1815 г.
4. Четверта чума била, кога бегале над село Галичникъ, каде що ѝ завикале поноски колибы. Тога наши-те стары биле бегали во Лайковица (место над Галичникъ, до 20 мивуты над село), околу 1820 (или 1821 г.). Овая чума је најпоследна».

По словамъ того-же Маврија Аврамова Станишевскаго записаны «Галички Синори» т. е. границы села Галичника по урочищамъ и другимъ природнымъ знакамъ какъ вѣтокъ, дорога, холмакъ, срубленное дерево и т. п.

3.

Относительно находящагося близъ Галичника монастыря св. Іоанна Предтечи записаны только имена настоятелей и монаховъ съ означеніемъ ихъ происхожденія, но не въ порядкѣ, а въ разбивку и по какому-нибудь случаю; напр. «После го (манаст.) запустиле Т». и когда и какъ то произошло, неизвѣстно; и за тѣмъ слѣдуетъ: «После на 1743 год. пак го подновил ова манастир Иларіон іермонах, той бил втори ктиторъ на ова манастиръ и се сторил игумен (ова игумен Иларіон бил од село Влевци под Дебор)». Упоминается также, когда и кѣмъ еще ведены были монастырскія постройки, какъ кенани (кельи), трапезарія, винница, поварня, и т. п.

Нарисованы двѣ надгробныя мраморныя плиты внутри церкви шестиугольной формы. На обѣихъ посрединѣ двуглавый орелъ, на груди котораго вырѣзанъ 1795 г. и вверху надъ головами кружокъ со звѣздочкой внутри, а кругомъ надписи. На одной: «Помени Господи раба велѣва папучиѣ іеромонахъ. Хачі. Тарасіе іегумень архіѣдѣконъ Стефанъ»; а на другой: «Помени Господи раба своего краѣ и змека іеромонахъ хачі Тарасіе» и т. д.

Упоминаются иконы и иконостаеъ, когда писаны и какимъ зуграфомъ (живописцемъ) и откуда оны родомъ.

Относительно одной иконы читаемъ слѣдующее: Икона-та (какая, неизвѣстно)

сама дошла и седала сама 33 год. (во 987 год.). Доду пишано беше на нея: «помени господи радна Ивана».

О Галицкой (приходској) церкви говорится, что она построена в 1809 г.

4.

Въ той-же тетрадькѣ находится слѣдующій шутливый и отчасти скабрѣзный анекдотъ, характеризующій мѣстные нравы:

«Во едно село, кога служил поп-от литурдія, не гос душале селани-те, си играле в црков играчки. Поп-от пошел коде Владиката, да се плачет. Дошел владика-та в село, да ѝ поучит селани-те. Утрына-та зеле да служит, селани-те зеле да вревит, како що си имале адет. Викнал поп от од олтар: «Млчите, селани; що је тая врева! аль владика облекаме или на магаре самар клаваме»? После влегал владика-та во столот, ширкал в нос мрва бурнут. Го видел некой старец, си го напнил чибук-от со тутун, пошел да го запалит од свещаник-от. Свикал владика-та: «Какви рисяни сте, що пиете в црков тутун!»—А стари-от му рекол: «Овез (тутун-ов) и те (бурнут-от) не је едно гомно?»—После владика-та чел да кажуват слово. А еден старец спроти него зел да плачет и да ронит слъзи. Владика-то га видел, коде плачет и си рекол сам со себе: «Сполай-то, Господе! имал овде еден рисянин». Отвако свршиле литурђијата, се сегил од речъ-та своя, си избегал дома, и селани-те по него си пошле дома. А владика-та останая пред црков сам. Прашал некого: «Коде му је кућа-та на стари-от, що плачеш в црков»? (во тея време врвеле тје говеда-та селски). Му одговориле: «По говеди, по говеди (оди), Господине; њораво ља послѣ во кућа-та негова». Владика-та пошел тамо. Му рекол на стари-от: «Многу ми беше мило, кога те гледаф, коде плачеш, кога кажуваф слово-то в црков». А стари-от му одговорил: «Како да не плача, Владико свети? Кога си имаф еден ярец, ми се уцркали од една краста; брадата му беше истум како твоя-та. Кога кажуваше слово-то ти, ми таква за него и ми се дожали. Зате ми се заплака». А владика-та од моки рекол: «Аль имат негде место да се прошета?»—Излегле над кућа-та под една сенка. На владика-та му сопило, вода му сакал на стари-от, да му донесет. Му донесле за почестия во некой чуки шербет од круши. Владика-та чинал ал је вода, се напил; нему дошел шербет-от на таблет, го фрлил череп-от, го скршил. А стари-от му развика: «Господине, господине! Не те го донесофме череп-от да го скршиш, токо да пиеш. Баба-та три години се мокла во него, а сего во що ља се мокат? аль в капа-то?»

Матерьялы для словаря тунгузскихъ нарѣчій.

Лѣтомъ 1897 года, благодаря любезности хабаровскаго купца Тифонтай'я (по рек. Ци-финъ-тай'я), мнѣ удалось проѣхать до г. Сань-син'а и нѣсколько дальше на парохѣ, отправлявшемся съ торговой цѣлью въ Маньчжурію, по рѣкѣ Сунгари. Во время этой поѣздки я думалъ заняться изученіемъ мѣстныхъ нарѣчій, но недостатокъ времени и особенно неблагоприятныя обстоятельства на пути слѣдованія не позволили выполнить принятаго мною рѣшенія. Я долженъ былъ ограничиться записываніемъ гольдскихъ и орончонскихъ словъ и нѣкоторыми наблюденіями надъ мѣстной жизнью.

Нѣсколько словъ о гольдахъ, живущихъ по Сунгари. Гольды живутъ вверхъ отъ устья Сунгари до деревни Сусу, т. е. на протяженіи почти 200 верстъ по рѣкѣ; главное занятіе ихъ рыболовство и охота. Добычу свою они съ одной стороны сплавляютъ на Амуръ, съ другой стороны везутъ въ Сань-синь. Обыденная жизнь гольдовъ не отличается ни довольствомъ, ни опрятностью; а грязь въ жилищахъ, неряшливость въ одеждѣ и дымъ отъ очаговъ весьма вредно отзываются на ихъ здоровьѣ и въ особенности на глазахъ, поэтому среди гольдовъ нерѣдко встрѣчаются слѣпые или страдающіе глазами, чаще всего дѣти. Кромѣ больныхъ глазами не мало и со знаками оспы на лицѣ.

Всѣ гольды съ недавняго времени знаменныя солдаты и отбываютъ воинскую повинность въ Фугдинѣ. Это небольшой городокъ, обнесенный землянымъ валомъ, населенъ гольдами. Постройки въ немъ большею частью казенныя; имѣется нѣсколько магазиновъ: торгуютъ матеріями, мукой и травянымъ масломъ. Кромѣ того, здѣсь есть засава, гдѣ осматриваются билеты плывущихъ мимо джонокъ. Затѣмъ, въ Фугдинѣ числится до 2000 человекъ гольдскаго войска, которое состоитъ въ вѣдѣніи маньчжурскаго офицера; но двѣ тысячи войска находятся только на бумагѣ, въ дѣйствительности же имѣется только 50 человекъ, а остальные спокойно остаются у себя дома и занимаются своимъ обычнымъ дѣломъ. Почти всѣ гольды кромѣ своего родного языка владѣютъ еще маньчжурскимъ и китайскимъ языками. Вообще же здѣсь китайскій языкъ имѣетъ перпенствующее значеніе, а Маньчжурскій языкъ почти не слышится, такъ что, зная китайскій языкъ, въ сѣверномъ его нарѣчій, можно свободно объясняться съ гольдами и маньчжурами. Нѣкоторые гольды знаютъ нѣсколько словъ и по русски; это объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ не разъ бывали на Амурѣ; они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ русскимъ языкомъ, что дѣлаютъ и китайцы. Такъ напр., мнѣ пришлось встрѣтить въ Сань-синѣ китайско-русскій словарь, написанный по китайски и составленный самими же китайцами. Знаніе русскаго языка необходимо какъ гольдамъ, такъ и въ особенности китайцамъ въ виду ихъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ Амурскимъ краемъ.

Торговныя сношенія по Сунгари съ Амурскимъ краемъ съ каждымъ годомъ увеличиваются, особенно замѣтно это стало за послѣдніе годы, когда русскіе пароходы открыли свои рейсы по Сунгари до Гириня и Цицикара. Не малымъ тормазомъ развитія торговли китаецевъ съ нашими границами является масса хунхузовъ, производящихъ разбои по Сунгари. Они нападаютъ какъ на мѣстныхъ жителей, такъ и на торговныя джонки, когда послѣднія возвращаются съ выручкой; поэтому торговцы поджидаютъ другъ друга и ѣдутъ обратно группами въ нѣсколько джонокъ. Для защиты отъ хунхузовъ по берегу Сунгари устроены небольшія крѣпостцы, гдѣ помѣщается отрядъ солдатъ подъ командой офицера. Укрѣпленія—по китайскому обыкновенію—построены не на высо-

тахъ, а подь горой. Нѣкоторыя крѣпости имѣютъ еще военныя лодки (съ пушкой ва носу); но все это мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ крѣпости находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и для хунхузовъ все еще остается обширное поле дѣятельности. Съ открытіемъ пароходныхъ рейсовъ по Сунгари боязнъ хунхузовъ устраняется, такъ какъ они на пароходы не нападаютъ, благодаря этому китайцы начинаютъ пользоваться русскими пароходами, причеиъ имъ кромѣ безопасности представляются и другія выгоды: сравнительная скорость доставки грузовъ и меньшіе расходи; напр., они избавляются отъ сборовъ, которые пришлось бы имъ платить при проѣздѣ на джонкахъ мимо заставъ; поэтому мѣстное населеніе очень сочувственно относится къ развитію пароходства по рѣкѣ Сунгари.

Какъ уже сказано выше, во время своей поѣздки я долженъ былъ ограничиться записываніемъ словъ. Гольдскія слова я записывалъ русскими буквами непосредственно отъ самихъ гольдовъ, спрашивая ихъ по китайски, преимущественно то, начто можно было указать, чтобы не вышло недоразумѣній *); сообщали слова вообще съ большою охотой. Слова записаны мной въ деревняхъ Нилбэ и Ванли-хотонь.

Что касается ороньчонскихъ словъ, то ихъ сообщилъ мнѣ ороньчонъ по имени Анъ, знаменитый солдатъ (бѣлаго безъ каймы знамени, отбывалъ воинскую повинность въ г. Айгуиъ въ теченіе 9 лѣтъ), онъ говоритъ по маньчжурски, китайски и по русски.

Въ виду того, что ороньченскихъ словъ мной записано больше, чѣмъ гольдскихъ, я старался въ нихъ указать на заимствованія изъ китайскаго, маньчжурскаго и монгольскаго языковъ, причеиъ, если слово вошло безъ измѣненія, то я указывалъ только, откуда оно заимствовано, въ противномъ же случаѣ я приводилъ и первоначальную форму слова. Я позволяю себѣ надѣяться, что этотъ сырой матеріалъ можетъ принести нѣкоторую пользу будущему изслѣдователю и специалисту по тунгусскому языковѣдннѣ.

Сокращенія:

- Кит.—китайское слово, съ китайскаго
 Ман.—маньчжурское, съ маньчжурскаго
 Монг.—монгольское, съ монгольскаго
 В.—слова записанныя въ деревнѣ Ванли-хотонь
 Н.— » » » » Нилбэ
 н. з.—носовой звукъ
 ср.—сравни.

Гольдскія слова.

Барсукъ—торкднъ (н. з.) Н.
 большой—энкупд В.
 бѣлка—я(э) итуху Н.
 бусь—тзкѣ В.
 Вода—мукэ Н.
 воякъ—нэмукъ Н.
 волосы—яюктэ В.
 воробей—поньчнхѣ В.
 время—эри(нь) В.
 вчера—сикси Н.
 вѣнникъ—эркѣ Н.
 вѣрно—тоньдэ Н.
 вѣтеръ—эдунъ Н.
 вѣтеръ дуетъ—эунъ дарѣ Н.
 Глаза—исалѣ Н.
 грести—тяолъ В.

груша—чулихтэ В.
 губы—хэмэ Н.
 Дай мнѣ—минтэ бурѣ Н.
 двери—уркэ В.
 день—инэнгп Н.
 деревня—юхунъ Н.
 дождь идетъ—тигдэ В.
 домъ—чжод Н.
 дрова—пѣнза В.
 дрова таскать—мо гачжѣ Н.
 дымъ—самшй Н.
 дыня—чэичннкѣ В.
 дѣвушка—асанъ хитэ Н.
 Еноть—я(э) итуху Н.
 есть—пирэ Н.
 Женщина—аса Н.

*) Въ томъ случаѣ, когда звуки казались мнѣ неясными, они писали по маньчжурски.

животъ—кэбэлэ В.
 Завтра—түмаки Н.
 заяцъ—гурмаху Н.
 здравствуй—бахцырь гэрэтъ Н.
 земля—тукалэ В.
 зовутъ какъ—ай гэрбй Н.
 зубы—иктэлэ Н.
 Какъ—ай Н.
 книжка—битхэ Н.
 колесо—бумбуркү В.
 колоть—чянчара Н.
 кошарь—кармактэ Н.
 кошарь кусаетъ—кармактэ норй Н.
 коса—юктэ Н.
 коса—ингъа (н. з.). Н.
 кошка—кэшкэ Н.
 красивый—гучукулй Н.
 курить—омөрй Н.
 курить табакъ—тамгы омөрй Н.
 Лампа—булй Н.
 ласточка—чифякүнъ В.
 лисица—сулакй Н.
 лицо—дэрэгэ Н.
 лодка—тамкэ(ы) В.
 ложись—туду Н.
 Мальчи́къ—фяктэ(ы) В.
 мать—энй Н.
 медвѣдь—мафкэ Н.
 муха—дилкүнъ Н.
 нѣтъ—наса Н.
 Небо—панэ В.
 никого—нѣтъ—ни даньцы Н.
 нога—бугдалэ В.
 ноготь—ушквтэ В.
 носъ—офра Н. уфра В.
 нѣтъ—антсй Н.
 Облако—ту(о) вод В.
 огонь—то Н.
 оглобли—атарэ В.
 огурецъ—хэнкэ (н. з.) В.
 очагъ—яфурку Н.
 Палець—чумидѣт В.
 палочки, которыми ѣдятъ—саккэ В.
 пароходъ—пудякэ Н.
 писать—битхоорй Н.
 плакать—функэ В.
 подушка—тыркэ В.
 поздно—хахта колй Н.
 понимаешь—эчхэ Н.
 порохъ—охтэ Н.
 послѣ завтра—таори Н.
 востанй—сэктэргэрй Н.

претова—бувачанъ Н.
 пуговица—тогонъ (г мягкое) В.
 пуля—мухалэ Н.
 Рано—эрдэ Н.
 ребенокъ—фяктэ В.
 ротъ—амгэ Н.
 ружье—мяочанъ Н.
 рука—налэ В.
 руль—кхулд В.
 русскій—лүча (лоуча) В.
 рѣка—бирэ Н.
 Свѣтло—хэнгинъ Н.
 сегодня—энэни Н.
 сердиться—канкара Н.
 серьга—ушккэ В.
 слышалъ—тулдихэ В.
 не слышалъ—тулдэшй В.
 слѣпой—эдэнт В.
 снѣгъ идетъ—снманэ В.
 собака—н(я) накй Н. ниндаху В.
 собака лаетъ—анакинъ горо Н.
 соболь—свбу Н.
 сопли—мянкй Н.
 спасибо—ургүнъ Н.
 спать—афэнари Н.
 Табакъ—тамгы Н.
 тазъ—торопкү В.
 тамъ кто пришелъ—эси ни эмэхэ Н.
 тараканъ—фярэ Н.
 тельга—сэчжёнъ В.
 тешно—хахта колй Н.
 тасвать—гачжй Н.
 товаръ—босд Н.
 толстый—бодёнъ
 трубка—тай Н. В. суэ
 трава—ороктэ В.
 Угѣнешъ говорить по гольдски—набай гй-
 сунъ улквэй ну.
 Холодно—эдэ колй Н.
 хорекеъ—солонкэ Н.
 хорошо—ай Н.
 Цыновка—сактанъ Н.
 Чашка—шунгуру В.
 человекъ—божэ Н.
 Шапка—аунъ Н.
 шея—шонгонъ (н. з.) Н.
 штаны—хэйкй Н.
 Щенокъ—интэ В.
 Ячмень—мудй В.
 1—эжкёнъ, 2—чжуру 3—иланъ 4—дуйнь,
 5—суньчжэ 6—инунъ (н. э).

Ороньчонскія слова.

- Актеръ—ситай
 акцентъ—ульгүрь
 алкать—аварарайъ
 алмазь—абдэрэнъ, гүрабдэрэнъ — рвзаты
 стекло алмазь.
 амбаръ—кхайчжү
 анекдогъ—инэмунчирэнъ
 аптека—о(у) кто посэлэ
 арба—тырганъ
 арбузь—дунгэ (Ман. дунланъ).
 арбузные сѣмячки—урэ, урэвъ (Монг. урэ-
 плодь).
 арестантъ—войлэнъ (Ман. вэйлэнгэ)
 армія—чуа (Ср. Ман. чооха).
 артель—кукй
 аршинъ—чи (Кит).
 афиша—битэгэ Ср. Ман. битхэ—письмена.
 Баба—ашй см. женщина
 бабки—свракъ
 бабочка—боалбаты
 багажъ—чжакэ ср. Ман. чжака—вещь.
 багоръ—дагэ, даа
 базаръ—ланголь
 балаганъ—ангэ
 балалайка—камүсь
 баловаться—чужиттанъ
 баловникъ—селаганъ, селаанъ
 барабанить—ло мундаранъ ср. Кит. ло-гонгъ,
 тазь.
 баранъ—койнъ Ман. хоннъ
 баранна—койнъ улэнъ
 бароажъ—ангэ
 баржа—чонъ, чуанъ Кит.
 баранъ—ноиднъ
 баркасъ—чуандүнъ
 барышникъ—чжоолаганъ, чжоолаанъ ср.
 Ман. чжооламанъ—кладу рука въ руку
 барышъ—чжоолачэ
 башмакъ—сапу Ман. сабу.
 безграмотный—битэгэ асинъ сара
 безлѣсье—ковыръ см. поле.
 безменъ—гинъ Кит.
 безобразный—эрүмэнъ
 бесплатно—кудаячи
 безпокойтъ—асинъ амуранкана
 безпорядокъ—боайчи
 берегъ—нгэка
 бережливый—аулика
 береза бѣлая—чалбанъ ср. Ман. чалфа—
 бересто
 береза черная—тэбгүра
 березя—куманча
 беречь—чжанколокэлъ
- бесѣда—амучэ мааттэнъ
 билетъ—пiao Кит.
 бить—чичавэ
 бить—суйгэ
 благодарить—олочао
 близкій—такунанъ
 блинъ—угүнъ
 блоха—сорэ Ман. суранъ
 блюдо—дэса Кит. дэца
 бобъ—борчэ
 богатый—байнъ Монг.
 богъ—бурканъ Монг.
 бодать—чжиттирэнъ
 бойкій—эрдэмучй
 бокъ—ольдонэнъ
 болото—чжилгэ
 болтать—уркураанъ см. мѣшать
 боль—энүнэнъ
 больно—энугды
 больше—огдонгэ(о)
 большой—гугда см. высокий
 болтѣнь—энукчй
 болтѣнь—энүнэнъ
 бояться—нгаларэнъ
 борода—гурлукта
 бороться—наргүрь
 браслетъ—дилалгүнъ
 братъ—акинъ
 братъ старшій—огдунгэ акинъ
 братъ младшій—ничкунъ навунъ.
 братья—акүнэръ
 бритва—каннанки
 бровь—сармукта
 бросать—надаранъ
 брызгать—пучурэнъ
 брехо—гудэ ср. Монг. гэдэсун
 буда—нарэму см. зерно
 будить—сэрүрэнъ
 буква—чжилъ битэгэ
 булка—багдаринъ угүнъ
 бумага—часунъ Монг.
 бутылка—бойкү
 быкъ—оргалъ
 быстро—эй, дыгаръ, дыаръ
 бытъ—би Ман.
 бѣгать—туксаранъ
 бѣгомъ—туксакандинъ
 бѣдный—ядэу Ман. яданъ—бѣдность.
 бѣличій мѣхъ—улоэкиксэ
 бѣлка—улэки Ман. улху.
 бѣлый—багдаринъ
 бѣшеный—гальчжао
 бѣшенная собака—гальчжао ишнакинъ

Вареный—ирча, улдомль
 варить—улдрэнъ
 вдоль—у(о)вумъ
 вдругъ—гайтай Ман.
 взять въ охапку—кумнэрэнъ
 ведро—мүлияки ср. Кит. му-тунъ
 везде—богабукулйнъ, бообукулйнъ
 везги—альбурэнъ; чжуурэнъ
 великій—солд
 верба—свкта
 веревка—уркүнъ
 вернуть—амаскакэи мучуранъ
 вернуться—мучуранъ
 вертеть—муркнранъ
 верхній—угу, уу
 верхомъ—окча
 верхомъ на лошади—мурнъ ду окча
 весело—оимкуданъ
 веселый—оимкүнъ
 вести—ольгаранъ
 весь—вурнъ
 весьма—со
 ветхій—ампты
 вечеръ—сихчича
 вещь—чжакка Ман.
 взади—амалла Ман. амала
 взглянуть—ичэсиньчэ
 видно—ичэурэнъ
 видѣть—ичэранъ
 вилка (палочки для еды)—сарнұ ср. Ман.
 сабка
 вилять—умиранъ
 вилять хвостомъ—ильгиди умиранъ
 вино—аркй
 виноградъ—мочу ср. Ман. мучу
 винтовка—мяучанъ ср. Ман. маочанъ Кит.
 няо-пянь.
 винтъ—ниятъръ
 висеть—локочаранъ
 вить—муркнранъ
 вкусный—джотыгдй ср. Ман. чжэиби-вигъ.
 вѣтвь—чжэинида
 вѣсто—ород(у)
 вѣстѣ—умундұ
 внизу—эчжилэ
 вновь—иркэкинъ
 впускъ—умулұ Ман. омоло
 внутри—дола Ман. доло
 вѣъ—тульга Ман. тулэ
 вода—аркй Ман.
 воевать—чарикъ вальдаранъ
 возвращаться—мучуранъ ср. Ман. маримби
 воздухъ—агръ ср. Монг. агар.
 возлѣ—альдомдұ
 возрастъ—насу Монг.

возъ—тэуча ср. Монг. тэргэ
 войлокъ—сэскй Ман. сисхэ—постилка
 воинъ—сиданъ
 войско—чуа, чуга см. армия.
 вокругъ—тунгурнъ
 волкъ—гуська
 волосъ—нюриктэ
 воль—бока
 вонь, прочь—ябуханъ Ман. ябумби-ходну.
 вонючий—вачи
 вонять—эрүвачи
 вонь—амтача
 вопрошать—ульгумурэнъ
 воробей—даргунда
 воровать—жолахаранъ, ср. Ман. хулхамби
 воръ—колака
 ворона—гакн
 воронка—тылұ
 ворота—калга
 восемь—чжабуны Ман. чжакунъ
 восемьдесятъ—чжабуни.
 восемьсотъ—чжабуны нямади
 восемнадцать—чжанъ чжабуны
 вотъ—эдұ Ман. эдэ
 впереди—чжулла
 впередъ—чжуласки Ман. чжлэси
 врать—улукиттэнъ
 врачъ—сэнсэнъ
 время—орнъ Ман. эрниъ
 все—варинъ, умундұ
 всегда—содать
 вспоминать—чжаономъ Ман. чжонамби
 встрѣтить—бахадиранъ
 всякій—эйтэнъ Ман.
 второй—чжурчи
 втыкать—шдаларанъ
 входитъ—ирэнъ
 вчера—тинэвэ
 вы—су Ман. суо
 выгонять—ильбурэнъ
 выдумывать—бодоранъ Ман. бодомби
 выиграть—бахаранъ, алдачанъ Ман. бахамби-
 получаю.
 выливать—унбурэнъ
 вылинять—уднгаранъ
 вымарывать—будуранъ
 вымѣнивать—чжуеттэнъ
 вымя—укүнъ
 выносить—альбурэнъ
 выпачкать—буруранъ
 выпивать—омнанъ Ман. омиимби
 высокий—гугда
 выстрѣлъ—воданъ
 высухать—ульгиранъ
 вытурить—асаранъ

выть—бунирэнъ
 выходитъ—ябуранъ Ман. ябуми
 вѣрь—дэльгүрь
 вѣко—чармукга
 вѣнникъ—осүрь
 вѣрно—тэчжэ ср. Ман. тобъ
 вѣсы—гинь Кит.
 вѣть—гара
 вѣтеръ—э(о)дйнъ Ман. эдунь.
 Гасить—сиурэнъ
 гвоздь—уйтуларэнъ
 гладкий—нэйгэнъ, нэйднъ Ман. нэйгэнъ
 глазъ—ѣса Ман. яса.
 глина—таукальдинъ
 глотать—инигэрэнъ ср. Ман. нунгэди
 глубокий—сонта
 глухой—куду Кит.
 глухой—воигд
 глядѣть—ичэтэнъ
 гнать—асаранъ
 гнилой—нокунча
 гниль—нокугда
 гниваться—панычаранъ
 гнѣздо—уй ср. Кит. во.
 говорить—улыгучанэнъ, — громко—дэлачъ-
 ранъ
 говядина—укуръ удэнъ
 годъ—аниганъ Ман. аня.
 голова—дыль
 голодать—авараранъ
 голось—дэльганъ Ман. чжилганъ
 голубой—саралъ
 голубь—тутуэ
 голый—чжулакинъ
 гора—урэ
 горбатый—жокчок ср. Ман. жокто-кургузый.
 горбъ—жокчок
 горло—кѣмэ
 родить—кургаларонъ Ман. курэлэмби
 городъ—котонъ Ман. хотонъ
 горсть—аскд
 горстью взять—асколаранъ
 горшокъ—пэйсэ
 горький—гутыгдъ
 горѣть—чжогдэдэрэнъ
 горячий—акугдъ
 господинъ—ноюнъ
 гость—нимауча
 въ гости идти—нимаурэнъ
 готово—бэланъ Ман. бэлэни
 грамотный—битэгэ саранъ
 гребень—игдэунъ
 гробъ—бавса
 гроза—агды Ман. акчанъ
 громкий—дэлаганъ см. голосъ

громъ гремитъ—агдыруанъ
 грудь—тингэнъ
 груша—алина
 грызть—кангирэнъ
 грѣть—удиттанъ
 грязный—сиваръ, тэмганъ
 губа—амунъ
 густой—тинъ
 гусь—нюмняки
 Давать—бурэнъ Ман. бумби
 давить—тырэрэнъ
 давно—кэчжанэ
 далекий—горд Ман.
 дарить—анйранъ
 дарожъ—бай Кит.
 два—чжуръ Ман. чжуру
 дверь—уркэ
 дворъ—тульгидъ
 двѣнадцать—чжанъ чжуръ
 двѣсти—чжуръ нямэди
 девятнадцать—чжанъ ёинъ
 девяносто—ёиний
 девять—ёинъ
 девятьсотъ—ёинъ нямэди
 деготь—ла
 день—инэй Ман. няэти
 деньги—чжигъ, чжиъ
 деревня—тээча ср. Ман. тээмби-виѣстъ
 сншу
 держать—чжавалаттанъ Ман. чжамфанби
 десять—чжанъ
 дешевое—кимда
 дикій—амнэлъ
 дитя—кунгаванъ
 длинный—унушъ
 дно—орэнъ
 добро—ай
 добрый—ай
 дождь—тигдэ
 дозволение—тиньча Кит.
 дойти—инйранъ
 доить—сахаранъ, саранъ
 докторъ—сѣншиднъ см. врачъ.
 докуда—о(у)кидд
 долго—удача
 домъ—ахшуча
 должать—дардль
 должно—кэргиларэнъ Монг. кэрэк—необх-
 мость
 дома—чжу см. жилище
 домой—чжула
 домой иду—чжула игэпурэвъ
 домъ—чжу
 дорога—октд
 дорогого—манн

доставать—бахаранъ Ман. бахамби
 достаточно—исса Ман. эсинэ
 досугъ—чулочи не—чулдио ачи
 досыта навълаъ—алача
 дотуда—гала
 дохлый—буча
 доходить—иннаранъ см. дойти
 доходъ—чжолача
 дочь—о(у)наду
 дразнить—чильмиренъ
 древній—анпгъ
 дремать—аманонъ, аркиттэнъ Ман. аму-
 дремота.
 дробь—саса ср. Кит. тѣ-ша-ца
 дрова—мо Ман. моо Кит. шу-дерево.
 дрожать—сылгынэнъ
 другой—унтү
 другъ—тань
 дубъ—чаканкурэ
 дуло—чаллинь, чалинь ср. Кит. цанъ-коу
 думать—будуранъ Ман. бодомби.
 дуракъ—больчй Ман. бели
 дурной—эрүмонъ
 дуть—үрэнъ
 душить—какураринъ
 дымъ—санганъ Ман. шанганъ
 дыры—ультэкэ
 дѣвица—унди, вонди см. дочь
 дѣдъ—яя Кит. тѣ-тѣ
 дѣлать—бранъ Ман. арамби
 дѣлать—бариттанъ
 дѣти—кунгакаръ
 дѣлать—очжа
 дядя—ичканинъ
 деятель—платѣ
 Едва—аранъ
 ежегодно—анганй
 ежедневно—инонъ тамэни
 емотъ—омьбигэ Ман. эльбихэ
 если—осй
 есть—бисинъ
 еще—оснийнъ
 Жажда—алкача
 жаждать—алкаранъ
 жалко—нулана
 жалованье—чалинъ Ман. чалинь
 жаловаться—каусранъ Кит. чо-чжуанъ
 жалѣть—кайраномъ Ман. кайраньдамби
 жара—акү
 жареный—далгаранъ, силаранъ
 жаркй —акү
 жаръ
 жать—кайтанъ, тырерэнъ см. давить Ман.
 хадушби
 ждаты—алаттанъ

жевать—сйранъ
 желать—дуларанъ
 желтокъ—сингаринъ
 желтый—сингаринъ
 желудокъ—гудэгэ
 желудь—усикта ср. Ман. уса-зерно
 желѣзо—сая Ман.
 жена—кукинъ
 женатый—вукичй, дуйи ср. Кит. дуй-пара
 женщина—ашй
 жердь—сѣргаль ср. Ман. силтанъ
 жеребець—адырга Ман. ачжирганъ
 жерновъ—инъ
 жесткйй—катангү Ман. катука
 жечь—иларанъ
 живо—дигарчжй см. скоро
 живой—инэкинъ
 животное—адушонъ ср. Ман. адунь-стадо
 скота.
 животь—ивванъ ср. Кит. лигнъ
 жидкйй—сингэнъ Кит. си
 жизнь—инэнъ
 жила—сумү Ман. судана
 жилище—чжу Кит.
 жирный—бургү
 жиръ—имукэ ср. Ман. имэнги
 жить—инэнъ
 жрать—чжабтэнъ ср. Ман. чжэмби
 журавль—дараучанъ
 За, вмѣсто—ородъ
 забавляться—эвирэнъ Ман. эфимби
 забирать вперёдъ—чжудьски гаданъ Ман.
 чжудэси гаймби
 заботиться—алисэранъ
 забрызгивать—пучурэнъ ср. Ман. почонь-
 бухъ въ воду
 забывать—омидорэнъ ср. Ман. онгомби
 завивать—муркиранъ Ман. муркимби
 завозня—кундычжү
 завтра—тимана ср. Ман. чимаха.
 вязывать—уййрэнъ ср. Ман. оюмби
 погибать—матаранъ Ман. матамби
 загороживать—каранъ ср. Ман. налка-щитъ
 загорать,—ѣтъ—чжогдирэнъ
 задатокъ—чжудьски см. впередъ
 задница—муката
 задній—амаргда Ман. амарги.
 зажигать—нуллаяъ
 загораживать—чжсайранъ
 закладывать—данларанъ Кит. данъ.
 звонъ—юли Ман.
 занятіе—ичкйранъ
 запахъ—амторанъ
 заплакать—сонгоронъ Ман. сонгомби
 зари—уланга

заслуга—кучунай Ман. гунгэ Кит. гунъ
 засуха—олгокинъ ср. Ман. олгомби-сохну
 затупить—снүрэнъ
 захворать—эвунэнъ
 зачѣмъ—идѣ
 заяць—туксаки Кит. ту
 звать—арирэнъ ср. Ман. аръ-шумъ.
 звезда—восиктѣ Ман. усиха.
 звѣрь—боенгѣ
 здоровый—абгарѣ Ман. абгари-свободно жи-
 вущій
 земля—тукалѣ
 зеркало—булюкү Ман. булюку
 зерно—идэ, нарэму
 зима—туэни ср. Ман. тувэри
 злой—бардамъ ср. Ман. барданги-тщеслав-
 ный
 змѣй—кулинъ
 знакомый—тайль
 знамя—чйпза Кит.
 знать—саранъ Ман. самби
 зола—улэитанъ
 золото—алтанъ. Монг.
 зрѣлимъ—ирчѣ
 зря—байты Кит.
 зубъ—иктѣ
 зыбка—омкѣ
 зѣвать—чжодниранъ
 зябнуть—бойрэнъ
 зять—кураканъ.
 Игла—виняэ Ман. улмэ
 играть—эвирэнъ Ман. эфирмби
 идти—нгэнэрэнъ Ман. гэнэмби
 изба—чжу см. жилище
 известно—альдурчй
 изгонять—асаранъ
 издержки—тахурача
 изломать—эбдэрэнъ Ман. эбдэрэмби
 изорвать—тэкиргаранъ
 изрубить—чанчиранъ
 икра—тысэ
 иштъ—бисинъ Ман. би
 ния—гэрби Ман. гэбу
 иной—унту
 искать—гэлѣрэнъ
 испечь—иранъ испекъ—ирчѣ
 исполнять—чжалуранъ *)
 исправлять—досаранъ Ман. дасамби
 испугаться—нгаларэнъ Ман. гэлэмби
 испражняться—амднанъ
 истинно—тэчжэ
 источникъ—болѣръ

Ибакъ—арий увэрэнъ (маймонъ) см. водка;
 см. продать
 кабанъ—тожокй
 кадка—чжасималъ
 каждый—эйтэнъ см. всякій
 какой—иргэчинъ
 какъ—уднъ
 камитка—ничкунъ калга см. малый и во-
 рота
 каль—амднъ
 камень—чжодо
 канава—каургалъ
 капать—чургиранъ
 капуста—пунгѣ
 караулить—этэурэнъ
 карты—пай Кит.
 картина—июрианъ Ман. нируганъ
 картофель—туду Кит.
 катать—снрукаттэнъ ср. Ман. сяримби
 качать—гакульчжйранъ
 каша—луктѣ
 кашлять—симкирэнъ
 кверху—уйла(я)
 кидать—гарундаранъ
 кипеть—уюрэнъ ср. Ман. футмби
 кипятить—уюмалъ
 кирпичъ—эйчжэ ср. Ман. фэйсэ
 кисеть—кйнтурга
 кислый—чжисильчѣ ср. Ман. чжусихуи
 кисть (писчая)—пи Кит.
 кишка—силуктѣ
 кланяться—мургурэнъ Монг. мургуху
 власть—надэнъ
 клеветать—танэнъ
 клей—унканъ
 клеить—уикандаранъ
 клинъ—сивакъ
 клѣтка (для птицъ)—чинаканги чжунъ
 клювъ—чжэбуванки ср. Ман. чжэбууби—
 даю пишу
 ключъ—юску Кит. юо—ши
 ключъ (источникъ)—болѣръ
 книга—дэбгэлйни Ман.
 кнуть—чичавѣ, суйгѣ
 кобыла—гакъ ср. Ман. гѣо Кит. кѣ
 ковать—тэчжанъ
 ковшъ—барикчй ср. Монг. бариху—братъ
 ковшомъ черпать—барякчиванъ
 когда—окидѣ
 коготь—усиктѣ ср. Ман. васиха
 кожа—нанѣ
 коза—гичанъ

*) Должно быть наполнять ср. Ман. чжалу—полный.

колесо—күрдү Ман. күрдунъ.
 колода оконная—тыһыгъ
 колось—суйгэ
 колось хлѣбный—тарга суйгэ
 колокольчикъ—куншланъ
 колотить—мундѣранъ
 колоть—ивѣранъ
 колоть дрова—мон ивѣранъ
 колъ—гатасунъ ср. Ман. хадаханъ.
 кольцо—чжудьдуканъ
 колѣно—унгэйи
 колѣчій—кавукта
 комаръ—вярмактá.
 комната—гѣлача
 конецъ—мутанйи
 кончать—муннагъ
 конь—муринъ Монг. морян.
 копать—улэрэнъ
 кора—кѣрэ
 копитъ, жечь—боларанъ Ман. боламби—
 жарю.
 корень—нинтэ
 корзина—чаальчá
 кормить—чжэбунэижъ Ман. чжэбумби.
 корова—укүрь Монг. ухуръ.
 короткий—урумкунъ
 корчала—лу. Кит. ло—сѣтъ.
 коршунъ—гѣкинъ
 корыто—монгорó
 коса, косить—саядунъ
 коса, мель—ингá, ср. Ман. итанъ.
 коса (волось) нириктэ
 косить—ларкиранъ, каттанъ
 косой—киланъ
 костеръ—тогó илѣранъ
 кость—гиранна ср. Ман. гиранги
 котель—икэ
 который—ѣна
 котъ—кэкэ Ман. кэсикэ
 кочанъ—токалинъ
 кочка—сункдукунъ
 кошелекъ—тэсѣтэунки
 кошка—кэкэ см. котъ.
 кража—кулякá ср. Ман. худха—воръ.
 край—муданйи ср. Ман. муданъ.
 красивый—аймаханъ
 красить—юлэрэнъ } ср. Монг. улаган-крас-
 красивый—уларйи } ный.
 красть—кулакаранъ
 крешень—буръ
 кривой—каланъ
 кричать—куниранъ ср. Ман. хуламби.
 кровь—саксэ
 крошить—чжиктэнъ, минѣранъ

круглый—тунгуринъ
 кругомъ—чикаринъ
 кружка—сэйинъ
 крутой—эргичийнъ
 крыло—дэкэтá ср. Ман. дэкдэмби-взлетаю
 крыса—ивканъ
 крыша—соліѣ
 крѣпкій—букү
 крючекъ—дагá
 кто—ни
 куда—илъ
 кузнецъ—тэчжанъ см. ковать.
 кулакъ—норгá
 куль—куда Кит. коу-дай
 купаться—эльбэштэнъ Ман. элбишэмби
 купить—униттэнъ
 курить—тамгэ умнанъ
 курица—какара
 кусать—кинтанъ
 кусть—мо Кит. му.
 куча—урүна
 кушакъ—омүль ср. Ман. умѣсунъ
 Лавка—пусэлэ Ман. пусэли Кит. пу—ца.
 ладо—очá
 ладонь—алганъ Монг. алага
 лазить—туктырэнъ
 лапа—бабакй
 лапша—пэльтанъ
 лаять—годронъ
 легкій—эямкунъ
 ледъ—чжукэ Ман. чжухэ.
 лежать—углэрэнъ
 лекарство—уктэ Ман. окто.
 летать—дэиллэнъ ср. Ман. дээмби
 лизать—игѣдаранъ
 линиять—удынѣрэнъ
 лисица—сулакй
 листъ—абдана Ман. абданга—листовой.
 лицо—дэрэ Ман.
 лишній—улэкэ
 лобъ—дэрэ см. лицо
 ловить—чжавѣранъ Ман. чжафамби
 ложка—монгó
 ложка—увканъ
 локоть—ичанъ
 ломать—эбдэрүнъ Ман. эбдэрэмби
 лопата—культуръ
 лопнуть—восильгэрэнъ
 лоскутокъ—чирептэлá ср. Ман. гиримби
 обрѣзываю; ирха—лоскутья.
 лошадь—муринъ см. конь
 лугъ—ковыръ
 лужа—чжилчá
 лукъ—зигуктэ ср. Ман. згу
 луна—бѣга ср. Ман. бя.

лучина—ивэлэ
лучше—аймэнь
лѣвый—чжэиннида
лѣвнвый—энэлгэ
лѣстница—кулэ
лѣсъ—идса Ман. моо рl.
лѣто—чжувани Ман. чжувари
лѣчить—досарань ср. Ман. дасамби
любить—аяурэнь
люди—бойсэлы рl. отъ боіа Ман. бэъ Мон.
лягать—суинань
лягушка—эрэки Ман. эрхэ
Мало ачкунъ ср. Ман. ачжигань Монг.
удохэнь
малый—ничжунъ
мальчикъ—утэ, утэвань
мама—эини Ман. эиъ
манить—элькирэнъ Ман. элькимби
марать—бодоурань ср. Ман. бутулэмби по-
крываюсь вракомъ.
масло—имувсэ, ср. Ман. нимэнги
мастеръ—модань Кит.
матерія—басу
мать—эини см. мама.
медвѣдь—нюнюку
мельнй—ничуккакаръ
мель—паотань
мерзнуть—донготоронъ
мертвый—спиньча
мести—ошурэнь
метла—ошуръ
мизинець—чимики
мимо—урача
много—барань
можно—одань, оца
мозгъ—иргэ
мокрый—улаккунъ ср. Мон. угламби—на-
мачиваю.
молнія—талинъ, громъ—урань ср. Ман.
талгань—молнія; урань—звукъ.
молодой—чжао
молоко—су Ман. сунъ
молотокъ—алкачань
молотить—чжангйрань
молоть—нэндарань
молчать—чжэку
мовета—чжигэзтэунки
море—далай Монг.
морковь—холобу Кит. хунъ-ло-бо
морозъ—ингинъ
мочить—уларамъ Ман. угламби
мужикъ—ниравн
мужъ—этыркань
муза—голинъ ср. Монг. гулиръ
мутный—сукъ

муха—дылкань ср. Ман. дэрхуэ
мы—микки
мыло—йза Кит.
мыть—сплькирань
мышь—оньякань ср. Ман. онника—малень-
кій звѣрекъ
мѣдь—тагчи ср. Ман. тэйшунъ
мѣнять—чжуетгэнъ
мѣрять—жэмчжэлэръ
мѣсто—буга, буа Ман. ба
мѣсяць—бѣга, бѣа см. луна
мѣхъ—нганга
мѣшать—уркуруань
мѣшокъ—куды см. куль
мягкій—дэпэрэнъ
мякина—пѣза
мякишъ—лукокунъ
мясо—улэ ср. Ман. яли
мять—мунирэнъ
На—надэжъ съ мѣстнымъ надежеть на ду;
напр. сира ду надэнъ—на столѣ
набавлять—нэмэрэнъ Ман. нэмэмби
набивать—чипчирань
набирать—баргэрань Ман. баргиамби
навеселѣть—оаккунъ см. весело
навозъ—сиптѣль
навожать—эрѣваги
навѣрно—тэчжэ см. вѣрно
навязывать—уирэнъ
нагибать—матарань Ман. матамби
нагишомъ—чжудажэнь
надо—гаданъ
надувать—урэнъ
нанимать—кучуніурэнъ
наоборотъ—укусінэнъ ср. Ман. укумби—
составляю кругъ
напиться—умнань Ман. омиамби
напрасно—байты Кит.
напротивъ—дамдѣ
напугать—талюкэттэнъ
народъ—боэль см. люди.
нарумяниваться—пэндэрань
нары—колань Ман. хулань—дымовая труба
нарьмъ—укшнэнъ
нарядный—айманань ср. Ман. айлунга
населеніе—ань Монг.
настоящій—аскээнты
натощакъ—чжэмуньча
научиться—таттанч ср. Ман. тацямби
надѣвать—тэттэнъ ср. Ман. этумби
надѣяться—итэкэрэнъ
наемный—тургэнъ ср. Ман. турниамби—арен-
довать
наживать—урѣрань ср. Ман. урэмби—совер-
шенствуюсь

назадъ—амаскăки Ман. амаси
 назадн—амангă
 называть гэрбиэнь см. гэрби—ния
 наказать—силбарань
 накалывать—улапрань
 наклеивать—ункандарань см. клеить
 наконецъ—муданийь
 наличныя деньги—начжиги
 налѣво—чжэиннидă
 намагивать—муркирань ср. Ман. уркимби—
 окружаю.
 находить—сахарань Ман. бахамби
 начало—гургальчэ
 нашъ—шивкй
 не—эсйнъ
 небо—нянпя
 невозможно—эсйнъ одо
 невыгодно—чжолданачи
 невѣрно—эсйнъ тэжнэ бисинь
 негодный—эсйнъ ота
 недавно—эсйнъ эта
 недалеко—догă, доă
 нѣбо—тангă
 нигдѣ—пьякаты
 новый—пркэйкйцъ
 ногн—алгань
 ноготь—усиктă
 носъ—оноктô (н.—н. з.)
 ночь—долбой Ман. добори
 вѣгъ—ачи
Обмануть—улокиттэнь
 обманно—амаскăки см. назадъ
 огонь—тогô, тоо; тово ср. Ман. тува.
 одѣвать—тэттэнь см. надѣвать
 окно—чонкô, чулку Кит. чуань-ху.
 оконная рама—мудннъ
 онъ—таварь
 опрокидывать—ункүрэнъ Ман. ункэмби
 отецъ—амэнь Ман. ама Монг. аман.
 откуда—иланй
 охотиться—бофрэнъ
 очагъ—кообунъ ср. Кит. хо-пынь
 очень—со
 Палець—уняхань
 палець—большой—уруунъ, уругунъ Ман.
 урхунъ
 палець—мизинець—чимикй
 пасмурно—туксү
 пахать—укусинбичь Ман. усинь—пашня
 перегородка—гэлань pl. гэласа
 плакать—соонй Ман. сонгомби
 платить—бурэнъ см. давать
 плевать—томунань
 плечо—ширэ ср. Монг. муру.
 плохой—чжэкэй

повѣсить—(ловаранч) локбранч.
 погасить—сүчжарань
 погашу—сүчжамкă
 погода—эдинь
 подавиться—вакарань
 пойди—нгэнэ
 шоколотить—чаньчпрань ср. Монг. цзанчиху
 покури—тамгэ укэлъ
 поле—ковыръ
 получать—гадань см. забирать
 полъ—ильдань
 поперегъ—аукаки
 попусту—байгы Кит.
 порогъ—бусулгă Монг. бусуга
 потолокъ—ордонинъ
 поясъ—омулъ см. кушакъ
 представлять—чиннарэнъ
 продать—унирэнъ
 произношение—ульгүръ
 птица—чикээнъ, чинакă ср. Ман. чэчикэ
 пять—тонгă
 пятьдесятъ—тунганй
 пятьсотъ—тонга нямăди
Работать—гэрбэрэнъ
 рама оконная—мудннъ
 рога—игэ, нэ ср. Ман. Кит. гю.
 ротъ—амгă Монг. ама
 рыба—олô, кэтă
 рука—нгала Ман. гала
 рѣка—биракань Ман. бира
 рѣсница—нямуксань
 Садись—тоокдълъ
 сапоги—гучүръ
 сейчасъ—масэнъ
 сегодня—эинэй Ман. энэнги
 семь—надань Ман. надань
 семьдесятъ—наданий
 семьсотъ—надань нямăди
 сколько—оки
 скоро—дигарчжй
 слово—ульгүръ
 слышать—дюльдирань Ман. доньжжымби
 слюна—чжалккă
 свѣяться—инэктэрэ
 свѣгъ—иманă Ман. ниманги
 свѣгъ идетъ—иманарань
 собака—нгинакйнь
 солнце—дэлачă
 сопли—илэкă
 сорокъ—дэки Ман. дэки
 спать—ашинань
 не спится—мээльгă
 спасибо—урунчăо
 стекло—гу
 старый—ашпты

- сто—нямәди
 стоять (цѣна)—кудачи. Сколько стоитъ—
 окй кудачи Ман. худа—цѣна.
 столъ—сирә Монг. ширә
 сторона—дарама
 строгать—туйвандаранъ
 ступня—олдакй
 стѣна—душә
 сухой—олгѣкинъ Ман. олхонъ
 счастье—тэгэрәнъ, тээрәнъ
 Табазъ—тамгә
 талина—сѣкта
 тамъ—тала
 теперь—чжакйнь
 тихо—элькованди Ман. элкэкәнъ
 топка у печи—гульджаръ
 трава—ороктә ср. Ман. орхо
 три—иланъ Ман. иланъ
 тридцать—готынъ Ман. госинъ
 триста—иланъ нямәди
 туловище—тигәнъ
 тушь—бәкә Ман. бехә
 ты—си Ман.
 тысяча—мингә
 Угли—ильчә
 улица—гә ср. Ман. гай.
 усы—гургактә
 утро—тиманй Ман. чимари
 ухо—ланчй
- уши—сѣнь Ман. шанъ
 Хлѣбъ—угунъ
 хороший—аймаханъ, ай
 хотътъ—дуларанъ см. желать.
 худой—эрүмәнч, эрү
 хвостъ—ильгй
 Цыновка—дарсү Ман. дэрхи
 цѣна—куда Ман. худа.
 цѣлый—вурйнь
 Человѣкъ—бәә Ман. бәѣ.
 черпать—барикчиканъ Ман. баргямби.
 чеснокъ—соньдә Ман. Кит.
 четыре—дыйнъ Ман. дуинъ
 четыреста—дыйнъ нямәди
 четырнадцать—чжанъ дыйнъ
 чиновникъ—нойднъ.
 Шесть—нюнгунъ Ман. нингунъ
 шестьдесятъ—нюнгунни
 шестьсотъ—нюнгунъ нямәди
 шея—никпйна
 Щека—дэрә см. лицо
 Ъсть—ичжәбтәнъ Ман. чжэмби
 наѣлси—олочә
 Я—би Ман. Монг.
 языкъ—яинй
 ясно (о погодѣ)—гаалчә Ман. галча
 ясный—минбай Кит.
 Это—орй
 этотъ—таварч ср. Ман. Монг. тэрә

Студентъ *Ив. Скурлатовъ.*

Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ Waпысьхалауі— лүмозы.

I.

Быль великій шаманъ именемъ Мээмгынь олений человѣкъ, жилъ въ срединной странѣ. Было у него восемьдесятъ жилищъ; всѣ жилища ваполнены людьми; было восемь стадъ, олени какъ валежникъ въ лѣсу. Быль у него единственный сынъ, именемъ Рѣнтэу. Этотъ сынъ умеръ. Мээмгынь, великій шаманъ, искалъ его по всей землѣ, обыскивалъ всѣ вселенныя, не могъ найти. Въ великой печали сидитъ въ пологу, пересталъ шаманить, изъ полога не выходитъ. Тѣло сына лежитъ передъ нимъ на шкурѣ. Тѣло всё сгнило, ибо прошло три года, кости отдѣлились отъ мяса и внутренности вывалились на шкуру и смѣшались съ гнилой шерстью. Наконецъ, отецъ всталъ, призвалъ двухъ работниковъ ¹⁾ и говоритъ имъ:—За предѣломъ земли, гдѣ небо и земля сходятся, живетъ великій шаманъ, Чесоточный человѣкъ ²⁾. Подите, позовите его, скажите—Мээмгынь тебя зоветъ, не оживишь-ли сына? Самъ выбралъ имъ четыре оленя, запрегъ ихъ въ сани, посадилъ ихъ на санн, самъ надѣлъ узды на оленей, самъ возжи надѣлъ имъ на руки ³⁾, самъ заговорилъ оленямъ уши и головы, и сани и сбрую. Окончивъ заговоръ, дунулъ,—полетѣли они по воздуху какъ гуси.

У Чесоточнаго сто домовъ. Стоять у самаго землепеснаго рубежа (предѣлъ достижения) ⁴⁾. Онъ лежитъ издавна въ пологу, ибо не можетъ самъ пошевелиться. Все тѣло его покрыто паршами. Ротъ и внутренность зѣва, руки и ноги, губы и глаза, подошвы и кончики ногтей, все покрыто чесоткой. Только жена перекладываетъ его въ пологу съ мѣста на мѣсто. Еще до ихъ прихода говоритъ угромъ женѣ:—Положи меня у задней стѣпы, дай мнѣ бубень, я немного постучу, посмотрю въ бреду ⁵⁾. Постучалъ немного въ бубень, а бубень привѣшенъ на ремнѣ, ибо держать его не можетъ. Немного погодя, говоритъ онъ женѣ:—Свари побольше ѣды, гости сегодня будутъ. Переложи меня къ передней сторонѣ!—Только переложила, явились гости.

Полетѣли посланные Мээмгына по верху какъ птицы, скоро достигли предѣла земли. Видѣется собраніе домовъ. Одинъ говоритъ:—Привяжемъ оленей, пойдемъ пѣшкомъ!—Пошли, приходятъ въ селеніе, бродятъ какъ въ лѣсу. Спросили у переднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у среднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у заднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—На самомъ краю собранія домовъ нашли шатеръ Чесоточнаго.—Кокко!—говоритъ Чесоточный.—Гости пришли! Откуда вы?—Отъ Мээмгына изъ срединной страны. У него сынъ умеръ проситъ тебя поискать его.—Да я какъ пойду? Я весь въ чесоткѣ, тѣло мое твердо, какъ дерево; жева перекатываетъ (меня),

¹⁾ Выпилыт.

²⁾ Waпысьхалауі.

³⁾ Оленьи возжи оканчиваются ременными петлями, которые надѣваются на руки.

⁴⁾ Кукут-ѣаны.

⁵⁾ Ғаты мыбитэськыгквок.

какъ бревно.—Все-таки попробуй! Мээмгынь богатъ: хорошо заплатитъ.—Не знаю, какъ будетъ. Попробую! А вы на чемъ прѣехали?—На оленяхъ!—Какіе такіе олени? Что за олени?—Развѣ оленей не знаешь?—Такое множество, чѣмъ питаются? Какія стада у васъ?—Наши стада собачьи, собачье мясо мы ѣдимъ!—Посмотрѣли. Около домовъ ходятъ собачьи стада. Собаки большія и жирныя, не меньше оленей.—Ну, приведите-же оленей, посмотрю!—Привели. Со всѣхъ сторонъ разглядываетъ, не можетъ наглядѣться.—Это мои олени!—Сказали въ утробѣ своей¹⁾: Ухъ! На чемъ домой поѣдемъ! Дальніе мы. Худо!—Узналъ (вычиталъ) ихъ мысли изъ утробы. Говоритъ:—Чего опасаетесь! Развѣ я не смогу уѣхать безъ вашихъ оленей? Могу!—Говорятъ въ утробѣ своей:—Весьма безсилны! Не великій человекъ!—Отвѣчаетъ, узнавъ эти слова:—Нѣтъ, если пойду, то силу найду.—Какже оленей возьметъ? думаютъ въ утробѣ своей, —вѣдь собаки съѣдятъ ихъ. Напрасно.—Отвѣчаетъ на эти слова: Могу устроить, что вы съѣдятъ. Подведите-ка оленей!—Подвели ему оленей. Онъ имъ сталъ наговаривать въ глаза, и въ уши, и въ ноздри, и въ ротъ. Наговаривалъ, наговаривалъ; какъ только окончилъ, убѣждали олени, задрать хвостики, какъ собаки, добѣжали до собачьяго стада, стали нюхать другъ друга (собаки и олени). Немного послѣ того говоритъ:—Вы по дорогѣ чѣмъ питались?—Они говорятъ: Оленьимъ мясомъ.—Покажите мнѣ ваши запасы!—Разглядываетъ, смотреть. Вотъ воистину мои запасы!—Говорятъ въ утробѣ своей:—О, на обратномъ пути чѣмъ будемъ питаться, ночью на сѣптухѣ?—Отвѣчаетъ, узнавъ слова:—Если поѣдемъ, развѣ станемъ ночевать на сѣптухѣ! Не станемъ ночевать.—

Побли гости и пошли. Когда наступилъ вечеръ, говоритъ Чесоточный:—Пора намъ въ путь!—Около его селения высокая кругая гора.—Вотъ на эту гору взойдемъ. Онъ взялъ бубенъ, они взяли его подъ руки и понесли на верхъ горы. Пришли на вершину поздно ночью, положили его на траву.—Теперь сосните до утра!—говоритъ Чесоточный. Положилъ ихъ рядомъ на траву. Только заснули, онъ сорвалъ всю траву вокругъ себя и сталъ плести веревку, сплелъ травяную веревку, выделалъ и узды и возжи; узды надѣлъ на спящихъ, возжи взялъ въ руки; дунулъ, понеслись по воздуху какъ птицы. А около шатра Мээмгына тоже высокая гора; на той горѣ опустились спящіе. Когда стало разсвѣтать, разбудилъ Чесоточный посланцевъ.—Посмотрите-ка вокругъ себя, это что за земля?—Чего смотрѣть! Превжная гора,—отвѣчаютъ со сна и не хотятъ раскрывать глазъ. Когда стала большая заря, снова разбудилъ ихъ Чесоточный.

—Посмотрите-ка внизъ; чьи это олени ходятъ? Чьи это жилища виднѣются?—Мэй! закричали они,—вотъ наше стадо, вотъ наши дома! И побѣжали внизъ. Пришелъ Чесоточный въ шатеръ Мээмгына: отецъ сидитъ передъ кучей гнилы, не подымая головы.—Я пришелъ,—говоритъ Чесоточный,—призванный тобою! Хотя и трудно найти украденнаго, но попробовать можно, какъ будетъ. Но вѣдь мы съ тобой оба равно вдохновенные. Искаль-ли ты своего сына?—Искаль.—Гдѣ искаль?—Вездѣ.—Что нашель?—Ничего.—Вверху надъ нами свѣтятся многочисленныя звѣзды,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что же?—Нѣту!—О! гдѣ-же найги твоего сына, если тамъ нѣтъ!...

Въ глубинѣ моря живетъ множество крупныхъ тварей, тюленей и моржей и лактаковъ,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣту!—О, гдѣ-же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ!...

Въ глубинѣ моря живетъ другое множество среднихъ тварей: бѣлыхъ, красныхъ, сѣрыхъ рыбъ, нагихъ и одѣтыхъ чешуей,—искаль-ли между ними?—Искаль.—Что-же?—Нѣту.—О гдѣ же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ. Въ глубинѣ моря живетъ третье множество мелкихъ тварей: морскихъ звѣздъ, ракушекъ, червей, водяныхъ клоповъ,—искаль-ли между ними?—Искаль.—Что-же?—Нѣту.—На поверхности земли ѣбгаецъ всякая личь: дикіе олени, лисицы, медвѣди, зайцы, волки. На поверхности земли ползаютъ всякія насѣкомыя, бѣлошпки²⁾, и мохнатки³⁾, и божья коровка⁴⁾, и черные жуки⁵⁾. Въ глубинѣ земли роются красные черви—искаль-ли между ними?—Искаль.—Что-же?—Нѣту.—На пространствѣ сѣптухи растетъ множество травъ, смотрѣлъ-

¹⁾ Халѣвынчыку нѣхѣэт.

²⁾ Калрѣнхыт ³⁾ Мнххнхткэлхыт ⁴⁾ нхткэлѣхыт ⁵⁾ Тѣннѣytti.

ли отъ былинки къ былинкѣ?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣтъ.—О, гдѣ же найти твоего сына, если тамъ нѣтъ.—Пересмотрѣлъ-ли всѣ побѣги и отростки тальника среди пустыни?.. Пересмотрѣлъ-ли всѣ стволы лиственницъ въ лѣсу?.. Пересмотрѣлъ. Что-же?—Нѣтъ!—Берега рѣкъ покрыты мелкими камешками—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что же?—Нѣтъ.—Все видимое и осязаемое, все существующее на этой землѣ,—пересмотрѣлъ-ли ты?—Пересмотрѣлъ.—Что-же?—Нѣтъ!—Подъ этой землей есть другая вселенная, принадлежащая Кэля; у ней есть свое небо, свои звѣзды, свое солнце и мѣсяцъ, и свое море,—смотрѣлъ-ли ты между всѣмъ существующимъ на той землѣ, между звѣздами вверху, рыбами въ морѣ, травами надъ землей и червями въ почвѣ?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣтъ.—Подъ этой вселенной есть третья вселенная, населенная людьми; тамъ тоже свое небо и свои звѣзды, свое море и свое солнце и мѣсяцъ.—Искалъ-ли между всѣмъ существующимъ на той землѣ?—Искалъ.—Что-же?—Нѣтъ.—Надъ нами вверху надъ изнанкой неба, есть оная вселенная, принадлежащая подземнымъ духамъ, новыя звѣзды, новая твердь новое море,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣтъ.—Надъ той вселенной есть третья вселенная, принадлежащая людямъ, тоже съ моремъ и звѣздами, и солнцемъ, наполненная дичью въ лѣсахъ и рыбой въ водѣ,—искалъ-ли тамъ?—Искалъ.—Гдѣ больше жизни: на наземной или на подземной вселенной?—Какъ разъ одинаково.—Гдѣ больше рыбъ въ морѣ, дичи на сѣвдѣхъ, птицъ въ воздухѣ,—въ наземной или подземной вселенной?—Какъ разъ поровну.—Обыскалъ-ли ты вселенную на восходѣ солнца?—Обыскалъ.—Обыскалъ-ли ты вселенную на закатѣ солнца..... А на потуханіи зари?..... А лежащую на полдень..... А лежащую на полночь?..... Всѣ обыскалъ. Нигдѣ нѣтъ.

— А выше всего есть надъ вами вселенная небольшая и лежащая особнякомъ, принадлежащая Птичьей женщинѣ¹⁾, тамъ посмотрѣлъ-ли?—Нѣтъ, не смотрѣлъ, той вселенной я не знаю.—Вотъ, должно быть, Птичья жена украда твоего сына. Пойду-ка его искать.

Загрѣмѣлъ, замугѣлъ бубномъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ внутрь земли. Потомъ далеко за шатромъ послышался шумъ. Вышелъ изъ земли и взвился съ бубномъ прямо вверху, до вселенной Птичьей жены. По дорогѣ три вселенныя: на одну восходить, на другую возвращается, на одну восходить, на другую возвращается; спугиваетъ слѣды. Миновалъ три вселенныя по дорогѣ, скоро достигъ до ея вселенной, посмотрѣлъ вокругъ (себя), увидѣлъ желѣзный шатеръ, въ шатрѣ круглая дыра, виднѣтся желѣзный пологъ, въ пологѣ тоже круглая дыра, сквозь дыру виднѣтся душа²⁾ мальчика, у задней стѣны перевязана желѣзными ремнями по всѣмъ суставамъ. Птичья жена похитила его себѣ на пищу, посадила у задней стѣны. Каждое утро спрашиваетъ его: Чѣмъ ты питался на своей землѣ?—Я питался оленьимъ, морскимъ мясомъ, тюленьимъ жиромъ, моржовымъ саломъ, боками дикаго оленя!—Тотчасъ же улетитъ за три вселенныя, принесетъ мясо разнаго рода и кормитъ его, откармливаетъ его себѣ на пищу. По всѣмъ стѣнамъ желѣзнаго шатра развѣшаны огромныя части мяса. Птичьей жены нѣтъ дома; она полетѣла добывать мальчику на ѣду китовой кожи. Но у дверей желѣзнаго шатра привязаны двое Рэкэ³⁾. Ихъ уши поворачиваются во всѣ стороны, лова малѣйшій шумъ. Чесоточный обернулся комаромъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, ва него щелкаютъ зубами,—уловили шумъ крыльевъ. Обернулся оводомъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ крыльевъ. Обернулся бѣлошанкой; только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ. Обернулся бабочкой; только что хочетъ влетѣть щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ.—Пукъ! говорить—замедленіе! Скоро придеть Птичья жена!—

¹⁾ hahānaу—чудовище съ птичьими крыльями, женскимъ лицомъ и торсомъ и желѣзно-когнитыми лапами, питающееся душами людей.

²⁾ Увирейт.

³⁾ Рэкэ, чудовища съ медвѣжьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малѣйшій шорохъ.

Пошелъ Рынтуу на свѣтъ. Пока былъ день, шелъ прямо, стало вечерѣть на нашей землѣ, потемнѣло отверстіе, опять заблудился въ темнотѣ, толкнулъ ногою ворона.— Гы-гы-гы! Что ты толкаешься?—Кок о! Человѣкъ тоже ты?—Хоть не человѣкъ, а все-таки въ темнотѣ жительство имѣю, ве толкай насъ, мы тоже жители.—А если вы жители, дайте переночевать,—я сильно усталъ.—Ну ладно, полѣзай.—Посадилъ его подъ мышку (лапы)! Захочешь помочиться, скажи, я подамъ сосудъ.—Захотѣлъ мочиться.—«Нарһынодѣт эчуулһон!»—«Wah!»—протянулъ ему другую лапу,—подъ мышку.—«Вотъ сюда!»—Потомъ вылилъ въ сторону. На утро стали прощаться. Виднѣется впереди свѣтъ, какъ дымовое отверстіе шатра.—Вотъ туда иди, то твоя земля!

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзнаго хребта, гладкій отвѣсный, какъ скала обрѣденная лежитъ. Все-таки сталъ карабкаться вверхъ ногтями и зубами. Немного взвѣзъ: скатился внизъ, упалъ навзничъ. Глядь, а онъ на вершинѣ хребта. Посмотрѣлъ внизъ: свѣтлая земля, тутъ и ихъ дома подъ горой. Скатился съ хребта, пришелъ домой. Старушки увидѣли издали, всѣ съ плачемъ бѣжали, ибо заранѣе боются.

Еще хуже дѣлаетъ надъ людьми. Стали плакать всѣ женщины.—Ухъ!—говорить отецъ—что же съ нимъ сдѣлать?—Говорить ему:—Если ты вправду шаманъ, на восточной сторонѣ, въ темной землѣ, живетъ Кэля, высватай у него дочь!...—Хорошо!—говорить и полетѣлъ на востокъ, какъ птица. Въ темной землѣ на восточной сторонѣ живетъ Кэля съ женой. Единственная дочь. Мать говоритъ ему;—Ты зачѣмъ:—Вашу дочь пришелъ сватать!—Возьми!—говорить,—если не имѣешь страха!.. Привезъ домой, тотчасъ же забеременѣла. У сосѣдей, гдѣ увидить рѣбенка, тутъ и съѣсть. Съ плачемъ жалуются отцу.

— Ухъ!—говорить отецъ—что съ нимъ дѣлать?...—Говорить ему.—На западной сторонѣ въ темной землѣ живетъ другой Кэля. Его дочь, попросивъ, высватай!...

Полетѣлъ на западъ.—Пришелъ?—Пришелъ!.. Зачѣмъ ты?—Вашу дочь высватай!—Возьми ее, если вы не имѣете страха.

Только что привезъ домой, тутъ же забеременѣла. Въ сосѣднихъ шатрахъ, гдѣ увидить старика, тутъ и съѣсть. Люди пуще прежняго съ плачемъ жалуются.

— Ухъ!—говорить отецъ.—На сѣверной сторонѣ въ темной землѣ есть у Кэля великій ножъ (мечъ). Его достань!...

Отправился, пришелъ. Видитъ круглая скала безъ двери. Сталъ кричать, а оттуда голосъ отвѣчаетъ:—войди!.. Но двери нѣтъ. Опять сталъ кричать, камень раскрылся и впустилъ его.

Живутъ Кэля старикъ и старуха. Все жилище наполнено шкурами песцовъ, лисицъ, горностаевъ, бѣлокъ.—Ты зачѣмъ?

— Пришелъ шаманить, если желаеете слушать!..—А самъ смотреть: ножъ тутъ же лежитъ.

Зашаманилъ Рынтуу. Шкуры песцовъ, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ ожива и стали плясать подъ стукъ бубна.—Кок о!—говорить Кэля.—Хорошо ты постукиваешь! И мы попробуемъ (плясать)!

Плясали, пласали. Устали, упали, заснули. Рынтуу схватилъ ножъ и убѣжалъ. Старуха наконецъ проснулась. Говорить:—Гдѣ новый гость? Его печенью сладко закусишь!—А гостя уже давно нѣтъ.

Принесъ домой большой ножъ, повѣсилъ надъ пологомъ. Ножъ Кэля развѣ будетъ хорошо пребывать? Кто коснется рукой, умираетъ, кто посмотритъ, заболѣетъ. А жены ѣдятъ дѣтей и стариковъ. Плачутъ люди. Пуще мука отцу. Говорить ему:—За моремъ живетъ моя сестра! Повѣжай въ гости!—Рынтуу уѣхалъ, а отецъ зарѣзалъ двухъ бѣлыхъ сукъ, содралъ шкуры и одѣлъ невѣстоку, а языки ихъ обвязалъ крѣпко.

Пріѣхалъ Рынтуу.—Гдѣ мои жены?—Сказали: «Скучно здѣсь жить! уѣдемъ домой!...»—А двѣ суки такъ и ходятъ вокругъ Рынтуу.—Что съ вами?—посмотрѣлъ, а у нихъ языки обвязаны. Развязалъ языки, заговорили, какъ прежде. Содралъ и собачину. Снова стали ему женами. Пуще прежняго истребляютъ людей.

Ух!—говорить старикъ,—что съ нимъ дѣлать?—Пошелъ на сторону восхода, нашелъ старушку Кэрэк¹⁾.

Старуха Кэрэкъ величиной съ толстый палецъ. По дорогѣ говорить старушка съ порчей отцу:—«Если застанешь его въ пологу, ладно. Если застанешь на дворѣ, скажи, пусть войдетъ въ пологъ. Когда же войдетъ, пусть тотчасъ же выйдетъ! Пошли его навстрѣчу наружное пространство!»—Подшли къ дому. Снявъ снаружи что-то работаетъ.—Войдемъ въ пологъ!—говорить отецъ. Вошелъ Рынтэу вѣстѣ съ отцомъ.—Ну, теперѣ выйди наружу, посмотри, что дѣлается въ наружномъ пространствѣ!—А старушка Кэрэкъ создала волшебствомъ одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи. Вышелъ изъ полога, пошелъ впередъ, потерявъ умъ. Такъ шелъ. У берега морскіе утѣсы, на нихъ подобные толстому пальцу каменные отростки (пѣркаѣ), цѣмо надъ водой. На одномъ или двухъ очутился верхомъ, тогда очулся. Смотрить кругомъ—мѣсто незнакомое; сзади—камень, свизу—бушуетъ море, сидѣнье узкое—сойти нельзя. Сидеть и день, и два, мозгъ въ костяхъ сталь высыхать отъ голода. Наконецъ, летитъ мимо воронъ.—Кто ты?—Рынтэу!—Зачѣмъ сидишь на каменномъ пальцѣ?—Да какъ сойду!—Хочешь, я тебя научу сойти и вернуться?—Эней!—А что дашь на выкупъ?—Дашь, что угодно.—Всѣхъ живыхъ, кого увидишь дома, убей мнѣ!—Согласенъ.—Ну, слушай меня, не искушая дыханія. Пройдетъ утро и вечеръ, поплыветъ мимо утѣса кокора иноземнаго дерева, принесенная движеніемъ моря. Станетъ проплывать мимо, прыгай на нее съ каменнаго пальца, не думай о высотѣ, не рассчитывай, что «можетъ быть я убьюсь». Прыгай прямо внизъ, очутишься на коркѣ, поплывешь за море. Станешь приплывать къ берегу, зажмури глаза; каменный берегъ зашумитъ подъ тобою, не открывай глазъ. Со слѣпыми глазами намери въ горсть дресвы²⁾ и пересыпай камешки изъ руки въ руку. Когда ощутишь, что они мягки, какъ ягоды морошка, брось горсть черезъ голову. Тогда подхватитъ тебя и понесетъ по верху и опять перенесетъ черезъ море. Когда зашумитъ подъ ногами каменный берегъ, то опять, зажмурившись, намери въ горсть дресвы и перебрасывай изъ руки въ руку. Когда станетъ мягко, какъ морошка, опять бросай черезъ голову; опять подхватитъ тебя, перенесетъ черезъ море. Когда опустишься на землю, открой глаза, тогда найдешь. Пойдя по землѣ, найдешь старое кочевие, поищи на немъ, найдешь иглу, потомъ еще поиди, найдешь кочевие, на немъ поищи, найдешь наперстокъ. Сдери съ большого жука шкуру, натяни кожей на бубенъ. Когда дойдешь домою съ этими бубномъ, соверши «служеніе» надъ иглою и наперткомъ!

Сказавши, улетѣлъ. Сидитъ на каменномъ пальцѣ Рынтэу,—по прежнему не можетъ спать. Прошелъ день, прошла ночь, плыветъ мимо кокора, уносимая морскими движеніемъ,—прыгнувъ Рынтэу, попалъ на кокору. Понесло его черезъ море. Когда присталъ къ берегу, зажмурилъ глаза, каменный берегъ зашумѣлъ подъ ногами. Со слѣпыми глазами собралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку. Когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло за море. Зашумѣлъ подъ ногами каменный берегъ; набралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку, когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло въ его землю. Пришелъ онъ къ своему дому—Слава Богу!³⁾ Пришелъ!—говорить ему отецъ.—Да, пришелъ! А гдѣ старушка Кэрэкъ?—Здѣсь.—Скажи ей: Завтра будемъ совершать служеніе. Пошлите вѣсти по народу!

Сталъ строить деревянный шатеръ; выстрелилъ такой большой, что отъ входа задняя стѣна еле видѣется. Пока собирался народъ, окончилъ жилище. Собрались люди со всѣхъ сторонъ, наполнили все жилище. Сталъ онъ шаманить на своемъ маленькомъ бубнѣ. А старушка Кэрэкъ устроила подножіе изъ опрокинутаго котла и, взобравшись на него, давала ему пѣвучіе отвѣты, поднялся ея голосъ и достигъ дымоваго

¹⁾ Кэрэк—небольшое племя, живущее на побережьи Тихаго Океана. Ему приписываютъ большія колдовскія знанія.

²⁾ Кружнаго зернистаго песку.

³⁾ Рэхъ Іумнѣ.

отверстія и вышель, наполняя пустыню. Собрались, всё мужчины, женщины и дѣти, стѣснились въ дождь. Только одной сироткѣ, безъ отца и безъ матери, сказалъ Рѣнтэу.— Не будь здѣсь! Выйди вонъ и будь тамъ снаружи!—Она вышла. Тогда сказалъ Рѣнтэу.— Сюда игла!—И сверху сквозь трубу спустилась игла, какъ будто на ниточкѣ.— Кому эта игла подходитъ по рукѣ, пусть та женщина возьметъ её.— Миѣ, миѣ!— кричатъ женщины. Протягиваютъ руки къ иглѣ, а она уклоняется, не дается ниѣ.— Ну, если никто не можетъ взять, уберите её обратно!—сказалъ Рѣнтэу и утянуло вверхъ иглу, какъ будто на ниточкѣ.—Теперь сюда наперстокъ!—сказалъ Рѣнтэу. Спустился сквозь отверстіе наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.—Кому этотъ наперстокъ, по рукѣ, та женщина пусть его и возьметъ!—Миѣ, миѣ!—кричатъ женщины, протягиваютъ руки къ наперстку, а тотъ уклоняется, не дается ниѣ.—Ну, если никто не можетъ взять, уберите его обратно!—Утянуло вверхъ наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.

— Когда я скитался, потерянный среди вселенныхъ,—запѣлъ Рѣнтэу—я держалъ въ рукахъ камни и они стали мягки, какъ морошка. Гдѣ моя морошка, твердая какъ камень?

Сверху спустилась бусина, какъ будто ягода морошки, укрѣпленная на длинной серебряной нити; блескъ освѣтилъ весь домъ.—Кому эту подвѣску?—сказалъ Рѣнтэу—Миѣ, миѣ!—закричали женщины. Со всѣхъ сторонъ протянулись руки и схватились за нить. Кому не достало мѣста, тѣ хватили за руки сосѣдокъ. Тогда ударилъ Рѣнтэу въ свой бубенъ изъ жучьей кожи и запѣлъ:—Когда я сидѣлъ на каменномъ пальцѣ надъ моремъ, воронъ попросилъ меня отдать ему на добычу весь народъ. Возьми, черныи, каркающій, свою добычу! Забавно-ли тебѣ старушка Кэрэкъ? Твоя порча возвратилась на твое собственное тѣло.—Подпрыгнувъ вверхъ Рѣнтэу и выпрыгнувъ изъ дымоваго отверстія; но бубенъ его выросъ и застрялъ въ отверстіи и закрылъ его собою. Двери и выходы деревяннаго дома всё исчезли. Тогда колотушка сама стала стучать въ бубенъ, какъ пойманная птица. Бусина стала расти и расти и тѣснить людей, окружавшихъ её. Сначала стала, какъ шишка сверла, потомъ какъ дѣтская голова, потомъ какъ человѣческая голова, потомъ какъ оленья свѣжевываленная брюшина, потомъ какъ круглый тюлень, потомъ какъ лахтачная туша, больше и больше, наполнила весь домъ, сжимая людей. Еще ростетъ бусина, еще стучитъ колотушка, кровь проступила, какъ кровавый потъ, сквозь бревна, допнули связи дома и распались врозь. Полилась кровавая рѣка отъ постройки Рѣнтэу,—такъ остались на землѣ только двое: Рѣнтэу и сиротка, оставленная снаружи. Женился Рѣнтэу на сироткѣ и отъ нихъ снова размножился человѣческій родъ.

Сообщилъ *Богоразъ*.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Slovanský Přehled, sborník statí, dopisův a zpráv ze života slovanského Redaktor. Ad. Černý. V. Praze. 1898—1899. Číslo I—X.

Торжественное празднованіе чешскимъ народомъ въ іюнѣ прошлаго года сотой годовщины рожденія Палацкаго, вызвавшее въ чешской популярной и научной литературѣ пѣлый рядъ изданій, прямо и косвенно связанныхъ съ именемъ историографа, обогатило чешскую періодическую прессу журналомъ, приветствовать который будетъ каждый великодушный другъ славянства. Мы говоримъ о «Славянскомъ Обзорѣніи», которое, съ октября прошлаго года, начало выходить въ Прагѣ подъ редакціей извѣстнаго Адольфа Чернаго.

Хотя идея создать печатный органъ славянства, какъ единого этнографическаго цѣлаго, стара также, какъ само славяновѣдѣніе¹⁾, всѣ попытки въ этомъ родѣ до сихъ поръ фатально оканчивались неудачей. Вспомнимъ судьбу хотя бы чешскаго «Славянскаго Сборника» (Еллинека) или нашего «Славянскаго Обзорѣнія» (Будиловича), которые, не смотря на широту своихъ программъ и участіе многихъ выдающихся представителей славянской науки, очень скоро послѣ своего основанія должны были прекратить свое существованіе среди удручающаго равнодушія публики. Хотя такой результатъ и былъ весьма естественъ при той крайней степени политической и культурной раздробленности, въ какой находятся славянскія народности, все-же онъ приводилъ къ весьма пессимистическимъ заключеніямъ относительно возможности между послѣдними литературной взаимности.

Къ счастью, такой выводъ оказался преждевременнымъ. Пражскія торжества въ честь «отца чешскаго народа», принявшія общеславянскій характеръ, благодаря участію въ немъ представителей всѣхъ, большихъ и малыхъ, славянскихъ племенъ, показали, что при всемъ различіи національно-политическихъ и культурныхъ стремленій славянскихъ народовъ послѣдніе имѣютъ и общіе интересы, на почвѣ которыхъ возможно нѣкоторое духовное объединеніе. Они указали и путь къ такому объединенію—научно-беспристрастное изученіе другъ друга согласно девизу Палацкаго: «Svoji k světu, a vždy dle pravdy».

Г. Черный стоить вполне на высотѣ своей задачи. Научно-образованный этнографъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія о «Мнѣческихъ существахъ сербовъ-лужичанъ», одушевляемый лучшими традиціями великихъ дѣятелей славянскаго возрожденія, г. Черный умѣетъ соединять въ своемъ журналѣ серьезность научнаго органа съ разнообразіемъ и занимательностью популярнаго изданія. Рядомъ съ статьями этнографическими въ узкомъ смыслѣ слова, каковы напр. «Вліяніе напѣва на текстъ сербо-хорватскихъ пѣсней» (Л. Кубы), «Угорскіе русины» (Гнатюка), «Итальянскіе словинцы» (Тринка) «Изъ Босніи» (Трестика),—читатель здѣсь можетъ найти и статьи публицистиче-

¹⁾ Какъ извѣстно, еще Добровскій издавалъ въ Прагѣ сборники «Slavin» (1806) и «Slovanka» (1814), посвященные славяновѣдѣнію въ широкомъ смыслѣ слова.

скаго характера, какъ «Словаки и корона св. Стефана» (Водуэна-де-Куртена), и очерки по исторіи искусства: «Новѣйшая польская живопись» (Левандовскаго) и—въ особенно большомъ числѣ—статьи по исторіи литературы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ встрѣчаешь не только цѣлый рядъ литературныхъ характеристикъ различныхъ корифеевъ славянской поэзіи: Пушкина (Махала), Мицкевича (Верхлицкаго), Змая Ювановича (Гудца), не только этюды по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ литературъ: «О рукописи «Книгъ польскаго странничества» (Вл. Мицкевича); «Міровая популярность Толстого» (Дорошевича); «У гроба Юлія Словацкаго» (Квапиля); «Два славянскихъ поэта самоучки», параллельная характеристика Кольцова и Хладека, (Квиса); «Къ пятидесятилѣтію смерти Бѣлинскаго» (Щебанека),—но и цѣльные обзоры главнѣйшихъ явленій славянскихъ литературъ, за прошлый годъ. Въ каждомъ № находимъ, кромѣ того, образцы произведеній славянскихъ поэтовъ въ чешскомъ переводѣ, составляющіе въ общей совокупности маленькую славянскую автологію. Если прибавить, наконецъ, что постояннымъ отдѣломъ журнала являются корреспонденціи изъ всѣхъ главнѣйшихъ культурныхъ центровъ славянства, критико-библіографическія замѣтки о славянскихъ книгахъ, а также довольно подробная хроника событій въ славянскомъ мірѣ, то вполнѣ станеть понятнымъ то единодушное сочувствіе, которымъ было встрѣчено въ западно и юго-славянской прессѣ великодушное предпріятіе г. Чернаго.

Věstník slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává Dr. L. Niederle Praha, Svazek I (1898) и II (1899).

При возрастающей спеціализаціи наукъ, съ одной стороны, и усиливающейся любви къ знанію и самостоятельному изслѣдованію, съ другой, научная производительность увеличилась въ наше время въ такой степени, что слѣдять за всѣмъ, что появляется ежегодно въ области извѣстной науки даже для спеціалиста стало недостижимымъ идеаломъ. Нѣтъ ничего полезнѣе, поэтому, изданія такихъ бібліографическихъ журналовъ, которые, не ограничиваясь простой регистраціей новыхъ книгъ, посредствомъ критической оцѣнки ихъ содержанія освобождали ученаго отъ необходимости непосредственно знакомиться со всѣми работами по его спеціальности.

Создать такой именно критико-библіографическій органъ для непрерывно-растущей литературы славянскихъ древностей имѣеть цѣлью новое изданіе г. Нидерле, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Имя редактора, соединяющаго европейскую ученость въ самомъ точномъ, географическомъ, значеніи слова съ обширнымъ научнымъ опытомъ, ручается за серьезность и широту программы, а международный характеръ журнала, помѣщающаго на своихъ страницахъ статьи на всѣхъ европейскихъ культурныхъ языкахъ, гарантируетъ ему разносторонность и объективность.

Въ вышеупомянутыхъ двухъ первыхъ выпускахъ «Вѣстника» зарегистрировано около 700 сочиненій по славянскимъ древностямъ, вышедшихъ въ 1897 и 1898 гг. Все это огромное количество изслѣдованій, описаній, сообщеній, отчетовъ и т. д. разбито въ каждомъ выпускѣ на 5 отдѣловъ: къ первому отдѣлу отнесены сочиненія, трактующія о «славянахъ и ихъ антропологическихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ Европы», ко второму—«объ этнологической эволюціи и о началѣ славянской исторіи», къ третьему— «отчеты объ археологическихъ находкахъ», къ четвертому—«труды о различныхъ отдѣлахъ древнеславянской культуры», наконецъ къ пятому—«работы общаго характера». Содержаніе работъ характеризуется обыкновенно или букввальными словами ихъ авторовъ, или болѣе или менѣе самостоятельными рецензіями. Самыя обширныя изъ нихъ принадлежатъ въ первомъ выпускѣ: гг. Нидерле, Поливиѣ, Бехтелю, Левцу и Сизову; во второмъ—Вондряку, Поллвкѣ, Зубатому, Гайслеру, Шишманову, Водуэну-де-Куртена, и Кадлецу.

Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von Adolf Strausz, Leipzig. 1898. 8°. VII стр. + 477.

Г. Адольф Штраусъ не въ первый разъ выступаетъ въ нѣмецкой литературѣ съ популяризацией болгарскаго народно-поэтическаго творчества: еще въ 1895 г. онъ издалъ обширную антологию болгарскихъ народныхъ пѣсенъ *) въ переводѣ, оцѣненномъ по достоинству славянской критикой **). То, что въ этомъ сборникѣ предлагалось вниманію читателя какъ высокопоэтической, но все-таки сырой въ этнографическомъ отношеніи матеріалъ, въ настоящемъ трудѣ находимъ изложеннымъ уже въ обработанной, прагматической формѣ.

Какъ работа синтетическаго характера, книга г. Штрауса заслуживаетъ полнаго уваженія. Хотя автору пришлось пересмотрѣть и изучить огромное количество памятниковъ народнаго творчества, напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ XI томахъ «Сборника болг. министерства народнаго просвѣщенія», г. Штраусъ съ большимъ для иностранца знаніемъ дѣла съумѣлъ отдѣлать въ этомъ неисчерпаемомъ источникѣ существенное отъ несущественнаго, привести въ систему ихъ крайне пестрое и идеіное содержаніе и изложить въ изящной, общедоступной формѣ. Передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ всевозможныхъ вѣрованій, легендъ и сказаній болгарскаго народа, которыя оставляютъ тѣмъ болѣе яркое впечатлѣніе, что авторъ вѣрѣдко приводитъ ихъ цѣликомъ, въ прекрасномъ, почти дословномъ нѣмецкомъ переводѣ. Такого приѣма изложенія г. Штраусъ держится очень последовательно, изображаетъ-ли онъ космогоническія представленія болгарскаго народа (гл. I), его вѣрованія въ демоновъ (гл. II), воззрѣнія на судьбу (гл. III), или описываетъ обычаи народа по поводу какъ радостныхъ (гл. V) такъ и печальныхъ событій (VI) его жизни. Отдѣльная глава (IV) посвящена описанію приемовъ народнаго медицинъ.

Если съ описательной стороны, трудъ г. Штрауса представляетъ весьма солидный вкладъ въ этнографическую литературу, то нельзя сказать того же о его принципиальной сторонѣ. Авторъ, по собственному его заявленію, претендуетъ только на скромную заслугу того неаполитанскаго крестьянина, который, сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, взрывая плугомъ землю, наткнулся на нѣсколько мраморныхъ обломковъ, послужившихъ ключемъ къ открытію развалинъ Помпеи и Геркуланума. Подобнаго рода «урало-алтайскую Помпею» надѣется г. Штраусъ открыть и въ современныхъ баснословныхъ вѣрованіяхъ болгарскихъ славянъ, якобы перешедшихъ къ полѣдникамъ отъ тѣхъ урало-алтайскихъ болгаръ, которые въ VII в. положили начало съ Мезинъ самостоятельному государству. Какъ ни вѣроятна эта гипотеза сама по себѣ, врядъ-ли ея основаніи безспорны въ такой именно степени, какъ предполагаетъ г. Штраусъ. Прежде всего, читатель жестоко ошибся бы, если бы вздумалъ заключить изъ предисловія, что фактически подвѣрженію этой гипотезы посвящена вся книга. Если авторъ и приводитъ кое-какія доказательства въ защиту послѣдней то лишь въ двухъ первыхъ главахъ, гдѣ сопоставлено нѣсколько болгарскихъ легендъ о происхожденіи міра съ такими же преданіями черемисъ, вотяковъ, мордвиновъ, и др. соплеменниковъ и когда-то непосредственныхъ сосѣдей волжскихъ болгаръ. Хотя содержаніе этихъ легендъ дѣйстви-тельно представляетъ большое сходство, тѣмъ не менѣе механискій характеръ сопоставленій не внушаетъ довѣрія къ выводамъ автора: несомнѣнно—восточный дуалистическій мотивъ преданій, въ которомъ Штраусъ видитъ главное доказательство ихъ неславянскаго происхожденія, могъ проникнуть въ космогоническія воззрѣнія болгаръ и другимъ путемъ—посредствомъ богомильскаго. Что влияние послѣдняго въ данномъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе, это доказываетъ не только громадная воспитательная роль, которую сыграло богомильство въ исторіи болгарскаго народа, но и сходство, какое имеютъ тѣ же легенды съ космогоническими воззрѣніями апокрифовъ вроде «Вопросовъ Іоанна Богослова Господу» или «Святка божественныхъ книгъ».

*) *Bulgarische Volksdichtungen. Uebersetzt, mit Einleitung und Anmerkungen. versehen.* Wien und Leipzig. 1895.

**) Ср. рец. Матова въ Сб. Мин.т. XII и В. Й. въ Периодич. Спис., кн. LVII.

Сръпске народне пјееме. Скупио их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издање). Београд. 1899. 8°. XIII+577 стр.

Шестой томъ пѣсень, собранныхъ В. Караджичемъ, изданъ съ такою же тщательностью, какъ и предыдущіе. Содержание его составляютъ пѣсни исключительно юнація древнѣйшаго (47 №№) и позднѣйшаго (35 №№) времени. Всѣ онѣ непечатаны по оригиналамъ, хранящимся въ Петербургской публичной и Бѣлградской бібліотекѣ и представляютъ непосредственное дополненіе II и III тт. прежняго (а также и настоящаго, государственнаго) изданія. Въ общемъ, настоящій томъ содержитъ матеріалъ довольно свѣжій, и только немногія пѣсни сходятся по своимъ мотивамъ съ пѣснями, изданными въ II—III книгахъ *). Что касается способа изданія, то едва-ли не единственное отступленіе отъ пріемовъ Караджича заключается въ томъ, что въ настоящемъ изданіи приняты во вниманіе и тѣ пѣсни, которыя Вукъ исключалъ изъ своего изданія, какъ записанныя отъ плохихъ пѣвцовъ. Такія пѣсни, впрочемъ, здѣсь только пересказываются.

Piesne ľudu slovenského. Vydává Museálna slovenska spoločnosť. Sošit I. Soshieral Štefan Mišák. Turč. Sv. Martin. 1898. 8° 146 стр.

Въ составъ настоящаго сборника вошло 393 пѣсни, записанныхъ г. Мишкакомъ въ Спишской столѣцѣ Словацкой земли. По содержанию, всѣ пѣсни—лирическія. Матеріалъ расположенъ собирателемъ не по сюжетамъ пѣсень, а по мѣстностямъ, въ которыхъ послѣднія были записаны. Къ сборнику приложенъ словарь встрѣчающихся въ текстѣ малопонятныхъ словъ. Сборникъ имѣетъ большую цѣну и для лингвиста, такъ какъ всѣ пѣсни напечатаны со строгимъ соблюденіемъ даже мелкихъ особенностей Спишскаго говора. Единственнымъ недостаткомъ настоящаго изданія словацкихъ пѣсень,—недостаткомъ, впрочемъ, вышнимъ,—служитъ отсутствіе предметнаго указателя, который легко бы могъ устранить нѣкоторыя неудобства, вытекающія изъ «географическаго» расположенія пѣсень.

Научное изученіе бѣлорускаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 г.г.) П. Владимірова. Оттискъ изъ «Кіев. Унив. Изв.» 1898. 1—27 стр.

Подъ такимъ нѣсколько широкимъ по своему объему заглавіемъ авторъ разбираетъ труды проф. Е. Ѳ. Карскаго, въ которыхъ «мы находимъ всѣ данныя по движенію научнаго изученія бѣлорускаго нарѣчія, сводъ всѣхъ частныхъ работъ другихъ изслѣдователей и много новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ неизданныхъ памятниковъ бѣлорусской рѣчи и пр. печатныхъ сборниковъ народной поэзіи». Признавая важное значеніе работъ г. Карскаго, начиная съ его «Обзора звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи» (Москва, 1886 г.) и кончая «Западно-русскими псалтырями въ XV—XVII в.в.» (Варшава 1896 г.), авторъ указываетъ на рядъ крупныхъ недостатковъ этихъ трудовъ: на пренебреженіе ихъ автора къ самостоятельному наблюденію живыхъ говоровъ, на пользованіе плохими источниками, на отсутствіе тщательнаго анализа состава текстовъ и т. п.

Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новыя матеріалы). П. В. Владимірова. Кіевъ. 1899. 8° 45 стр.

Если предыдущій очеркъ имѣетъ предметомъ успѣхи, сдѣланные въ области изученія бѣлорусскаго нарѣчія, то въ настоящемъ этюдѣ кіевскій профессоръ подводитъ итоги изученію нарѣчій великорусскаго и малорусскаго. Очерчивая ходъ этого изученія

*) При такихъ пѣсняхъ, издатели всегда ставятъ № соотвѣтствующей имъ пѣсни стараго изданія.

г. Владиміровъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ о т. н. «древности» малорускаго нарѣчія, донимѣ, какъ извѣстно, раздѣляющемъ ученыхъ на два лагери. Въ связи съ этимъ, авторъ обозрѣваетъ попытки и діалектической локализации извѣстныхъ группъ памятниковъ древне-русскаго языка, стремленіе къ которой такъ характеризуетъ новѣйшую школу (ислѣдованія Соболевскаго, Шахматова и др.). Въ заключеніе очерка, авторъ опредѣляетъ зависимость отъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка» быстрыхъ успѣховъ нашей науки въ послѣдніа 50 лѣтъ такими словами: «Если все это въ чемъ-либо сводѣ получить общедоступную форму, то мы обогатимся такимъ же капитальнымъ трудомъ, какой нѣмецкій германистъ предпринялъ 50 лѣтъ назадъ и что только что предчувствовалъ и вызывалъ своими «Мыслями объ исторіи русскаго языка» покойный академикъ Срезневскій.

Во второй части своего очерка находимъ довольно подробное описаніе «Румянцевской глѣстницы», которую проф. Владиміровъ относитъ къ числу южно-русскихъ памятниковъ XII вѣка.

Кижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Пономарева. Петрозаводскъ. 1898. 16°. Стр. 53 (Перечень изъ «Олон. Губ. Вѣд.» 1898).

Настоящая книжка можетъ служить примѣромъ, какого рода интересныя сообщенія могутъ появляться иногда на страницахъ нашихъ губернскихъ официальныхъ изданій. Село Кижы находится въ т. н. «Заонежѣ», въ 65 верстахъ отъ г. Петрозаводска. Характеристику нарѣчія авторъ начинаетъ съ ударенія, затѣмъ переходитъ къ обзору фонетическихъ и морфологическихъ явленій и заканчиваетъ статью перечисленіемъ «областныхъ словъ».

В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы. Спб. 1898. 8°. Стр. 39. (Извлечено изъ Ж. М. Н. П. за 1898).

Авторъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о двухъ сборникахъ, хранящихся въ здѣшней публичной бібліотекѣ и содержащихъ въ себѣ довольно богатые матеріалы для исторіи русскаго пословицы. Это—«Fasciue Polskie» 1624 г., рассказы съ правоучительными выводами, изложенными въ формѣ пословицы, и «Апоетегмата» т. е. изреченія знаменитыхъ людей и мудрецовъ съ краткими анекдотическими подробностями ихъ о жизни. Въ приложеніи авторъ напечаталъ сборничекъ польскихъ пословицъ 1726 г., интересныхъ, между прочимъ, своими малоруссизмами.

Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Составилъ Э. Берендтъ. Ярославль 1898. 8° 41 стр.

Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь монетъ сравнительно древни. Таковы 2 серебряныя новгородскія гривны, 2 серебряныхъ новгородскихъ рубля, серебряная монета удѣльнаго князя Петра Дмитріевича Дмитровско-Угличскаго (1389—1328), мѣдная денга московская (В. князя Ивана Ивановича 1353—1359) и т. п.

Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich Von Prof. Dr. R. Kaindl (Separatabdruck aus Mitth. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien). Mit 42 Text. Illustrationen. Wien 1897.

Настоящая работа представляетъ дополненіе къ подобному же труду, напечатанному вѣнскимъ профессоромъ въ XXVI т. «Извѣстій вѣнскаго антропологич. общества» подъ заглавіемъ «Haus und Hof bei den Huzulen». Матерьяломъ для послѣдней работы

послужили наблюдения, которыя авторъ сдѣлалъ надъ вѣшнимъ бытомъ гуцуловъ въ долинахъ Черемоша, Сучавы и Путилы. Только въ 1896 г. Кайндлю удалось ввести въ кругъ своихъ «Hausforschungen» дома гуцуловъ прутскихъ.

Описаніе вѣшняго и внутренняго устройства гуцульскаго дома, также какъ и его пристроекъ, образующихъ дворъ (Hof), отличается большой обстоятельностью. Авторъ не ограничивается простой схематизаціей тѣхъ или другихъ примѣновъ постройки гуцульскаго дома, но и указываетъ конкретныя условія, реальную обстановку, въ которой совершается эта постройка. Авторъ много пользуется также сравнительнымъ методомъ, сопоставляя особенности вѣшняго и внутренняго устройства дома прутскихъ гуцуловъ съ такими же особенностями постройки дома восточныхъ гуцуловъ. Эти сравненія приводятъ автора къ выводу, что вѣшнее и внутреннее устройство дома у всѣхъ гуцуловъ приблизительно одинаково.

Текстъ украшенъ довольно многочисленными рисунками, воспроизводящими гуцульскій домъ въ его конкретномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній поразительно напоминаютъ своимъ вѣшнимъ видомъ великорусскую крестьянскую избу...

Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріяли до українсько-руської етнології, видапнѣ етнографичної комисні за редакцію Хв. Вовка. Том I. Львів 1899 г.

Новое изданіе Львовскаго общества имени Шевченки—первый спеціальныи этнографическій журналъ, издаваемый на малороссійскомъ языкѣ. Задуманъ онъ на очень широкихъ началахъ: посвященный «собиранію и систематизированію матерьяловъ, касающихся антропологическихъ особенностей, этническаго состава, доисторическаго и современнаго быта, обычаевъ, вѣрованій, занятій и соціального уклада украинско-русскаго народа», этотъ журналъ, по словамъ редактора изданія г. Волкова, имѣетъ цѣлью соединить вокругъ одного центра силы малорусскихъ этнографовъ, которые на этнографическомъ полѣ до сихъ поръ «искали убѣжища то въ великорусской, то въ польской, то въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ литературахъ».

Настоящій первый томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Доисторическія находки на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ» Ө. Волкова (стр. 1—32); «Украинское рыболовство въ Добруджѣ» егo-же (стр. 33—52); «Гончарное ремесло въ селѣ Олешнѣ въ Чернигов. губ.» М. Могильченко (стр. 53—67); «Скорняжное ремесло въ Галиціи» В. Гнатюка (стр. 68—78); «Деревенскія сооруженія въ Черниговской губ.» М. Могильченко (стр. 79—95); «Народная пища и способъ ея приготовленія въ восточной Галиціи» В. Гнатюка (стр. 96—110); «Свадебные обычаи въ Гадяцкомъ у. Полтавск. губ.» Ө. Гриши (стр. 111—156); «Нецензурныя свадебныя пѣсни», зап. М. Ө. Максимовичемъ (стр. 157—168); «Писанки въ Галицкой Волини» М. Кордубы (стр. 169—210); «Программа для собиранія свѣдѣній, касающихся народной бытовой техники», Ө. Волкова (стр. 1—22).

Записки наукового товариства імени Шевченка під редакцію М. Грушевського. Том XXV (1898, кн. V). У Львові 1898 г.

Содержаніе XXV т. этого журнала составляютъ слѣдующія статьи:

«Молотовское серебро», археологич. зам. М. Грушевскаго; «Матеріяли для сношеній Петра Дорошенка съ Польшею въ 1670—2 г.г.» Ө. Цѣмвича; «1 и 2 ноября 1848 г. во Львовѣ» Ю. Левицкаго.

Г. И.

ОТДѢЛЪ IV.

С м ѣ в ь.

**Матерьялы по народному языку, собранные въ
Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ.**

Дѣтскія приклады къ именамъ, «дразнилки» и клички въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

1. Приклады къ именамъ.

- А лек с ѣ й. Олёша—тригроша, шейка—копѣйка, алтынъ—голова, по три денежки—нога, спина да брюшина—четыре алтына.
- А н д р е й. Андрей не робѣй.
- А е о н а с і й. Аeonасій безпопосый.
- В а с и л і й. Чирей Василій раздайся пошире.
- Г а в р і и л ь. Гаврѣло-говенное рыло
Гаврило свиное рыло.
- Г е о р г і й. Егоръ насралъ на багоръ.
- Г е р а с и м ь. Вася-Гараса
Нога порвалася,
Стали тапшить—
Онъ лучше пишнить. Такъ же
дразнятъ и Василья).
- Г р и г о р і й. Гришка—говна кулышка.
- Д м и т р і й. Митька—соленая титька.
- Е м е л ья н ь. Омельянъ полны штаны на-
валялъ.
- И л ья. Илья—Ильюхо—свинячье ухо.
- И в а н ь. Иванъ болванъ
Съ колокольни упалъ,
Подъ гору катился,
Говномъ подавился.
- И с а а к ь. Исачко—черная срачка.
- К и р и л о. Собачье рыло.
- К о н с т а н т и н ь. Костюшка косой.
Не ходи полосой—
Тамъ кошку деруть,
Тебѣ ножку дадутъ (подобная
же прикладка прибавляется и къ иѣ-
которымъ другимъ именамъ, какъ
напр. Александръ, Семень и т. д.).
- М а в с и м ь. Максимъ, пойдемъ, да поссимъ.
- М и х а и л ь. Мишка-колышка.
Мишка,—еловая шишка.
- Н а у м ь. Наумъ—простота.
- Н и к о л а й. Никола-сикола. Никола—пустые
колокола. Николка, сиколка раскара-
кулька.
- П а в е л ь. Павлушка—говна плетушка.
Петръ. Петька—пѣтухъ.
- С е м е н ь. Сеня-везеня.
Вези бабу на саняхъ,
Самъ пѣшкомъ,
Перевертышкомъ.
- Т и м о ф е й. Тимоша—два гроша.
- Т и х о н ь. Тихонъ—неопиханъ.
- Ф е д о р ь. Федя мѣдя.
Съѣлъ-медвѣдя (а также «Федька
косой» и т. д.).
- Ф о м а. Фома—большая крова.

Өедулъ. Өедулъ губы надулъ.
Өедотъ. Өедотъ недоёный.

Агафья. Агашка, грязная рубашка.

Анна. Анна баланда
П . . . а оловянна,
Лобъ толстой,
Коровой мясной.

Или же: Анна баланда
Спать пердигъ,
Колесожь вертигъ.

Анастасія. Настя-пшастя.

Александра. Сашка-ляшка
Съѣла барашка.

Варвара. Варвара—выше амбара.

Домна. Домна—съ говножь.

Евдокія. Дуня—бздуня.

Екатерина. Катерина—лепеха

Задавила пѣтуха,

Пѣтухъ пишшить,

Катюшку за п . . . у

Тапшить.

Елена. Олена ж . . а до колѣна.

Любовь. Любка, п . . дья губка.

Марья. Машка-ляшка съѣла барашка.

Или: Машинька невѣста

Съѣла горшокъ тѣста,

Вася-женишокъ,

Убрался подъ шестокъ.

Наталья. Наталья—сивалья.

Ольга. Оля сиколя.

Софья. Сохла.

Татьяна. Сметана.

Өекла. Смокла.

2. Сословія, различныя національности, занятія и т. д.

Баринъ. Варе—по грошу пара.

Попъ. Попъ—толоконный лобъ.

Духовенство вообще. Кутейники.

Кутья прокислая Жеребьяча порода.

Кутейники дергачи

Драли козу на печи,

Коза просить воды

Они дають ей мыла.

Мѣщанинъ. Сипакъ овчинное брюхо.

Сипа нас . . ль въ сито.

Дьяконъ. Дьяканъ вявалъ.

Монахъ Монахъ въ гарнитуровыхъ шта-
нахъ.

Солдатъ. Кислая шерсть. Крупа. Кру-
поѣдъ.

Цыганъ. Цыга-цыга

Продадъ душу,

За лягушу.

Татаринъ. Князь. Свинячье ухо,

Жидъ. Жидъ, на говнѣ дрожжить. Жидъ-
еврей самоваръ согрѣй.

Воръ. Воръ, ворашка, украдъ топоришко.

Воръ, воръ, воръ,

Гдѣ твой домъ?

— Подъ говножь.

Кузнецъ. Кузнецъ вуетъ косу,

Прикладываетъ къ носу.

Кузнечиха на боку,

Усылася на боку.

Мужикъ. Мужикъ, п . . ой бы тебя ушибъ.

Нищій. Нищій—дрищеть.

Извощикъ. Гужевдъ.

Сапожникъ. Сапожникъ безбожникъ.

Портной. Портной—швецъ,

Не хошь ли штець?

Портной—портняжка,

Не хошь ли кашки?

Пьяница. Пьяница, чертова склиница.

Пьяница могушка въ ж . . ѣ коло-
тушка.

Мясникъ. Головы роняемъ, хвосты за-
дираемъ, глаза ковыряемъ.

Половой. Шестёрка.

Столяръ. Сосногрызъ.

Лакей. Лизоблюдъ.

Живописецъ. Мазилка. Вогомазь.

Чиновникъ. Приказная строга. Кра-
пивное сѣмя.

Кутейники. «О богопрогнѣванные ку-
тейники, архіерейскіе грачки, сме-
таны и масла губители, гнилоядчыы
собратели, мелко-травчатая ваша
фамилія».

Незаконорожденный. Крапивнякъ.

3. Физическія качества и недостатки.

Беззубый. Беззубый грокъ. Зубы у тебя
выпердѣли.
Безбородый. Скопецъ.
Высокій. Аршинъ проглотилъ. Коломен-
ская верста. Дыда. Колокольня Сто-
лыпинская сосна.
Губастый. Губошлѣцъ.
Косой. Косой заяцъ.—
Кость, кость
Три яичка снесъ,
Пощунали косого:
Онъ опять съ янцомъ.
Кривой. Лихо одноглазое. Кривой кам-
баль.
Плѣшивый. Плѣшь,
На плѣшь капнешь,
Плѣшь обваришь,
Что плѣшивый говоришь?
Нечеса. Кудлатая собаченка.
Носатый. Нось. Куль.
Рыжій. Рыжій красный,
Человѣкъ опасный,
Рыжій пламенный,
Сожогъ домъ каменный,
Рыжій налищій—
Воръ настоящій.

Печеный ракъ,
Полѣзай сюда въ колпакъ.
Рыжій красного спросилъ:
Гдѣ ты бороду враслѣ?
Я не краской,
Не замаской,
Я на солнышѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ.
Хромой. Гдѣ «храмъ», тутъ и праздникъ.
Шадровитый. На рождѣ черти по но-
чамъ горохъ молотили. Корѣпанный.
Плоскогрудая. Щенка.
Сопливый. Не гремитъ, а освѣчаетъ.
Картавый. Суконовый языкъ.
Кто говоритъ рѣзко, отчетливо.
Початки.
Кто часто говоритъ. Частобай. Не-
додѣба частобай. Тараторка.
Тонконогій. Козьи лапки.
Малорослый. Пузырь.
Неряха. Чучело гороховое.
Косолапый. Утичы лапки.
Стриженный. «Стриганчикъ». Жере-
бичья порода.
Неповоротливая. Кобыла погайская.
Корова осановская.

4. Духовныя качества и недостатки.

Ябедникъ. Ябедникъ, чертовъ праведникъ.
Плакса. Рѣва—корова.
Гордый. До носу врюкомъ не достанешь.

**Прибаутки, представляющія изъ себя отвѣты въ риѣму на нѣкоторые
вопросы и замѣчанія на нѣкоторыя выраженія.**

— Миѣ бы водочки?
— Изъ подъ лодочки.
— У насъ былъ пожаръ.—Пожаръ! мужикъ бабу пожалъ.
— Еще рано.—Рано, да душа то рада.
— Миѣ бы, хозяйшкя, испить.—Испить? хозяинъ спить.
— Нусъ...—Надѣвай бурнусъ.
— У меня тоска.—Не выпустилъ бы изъ рукъ вуска.
— Про это у насъ говорятъ.—Говорять, что вуридъ доять, а у нихъ и титекъ нѣту.
— Что?—А с...шь то ты во что?
— Выла у насъ пляска.—Пляска! и...мъ тряска!

- Поѣхалъ въ гости. — Пораспарить кости.
— Что? — Семеро на одномъ колесѣ проѣхали.
— Я тебя палкой. — Палка, то о двухъ концахъ бываетъ.
— Это враки. — Враки, что пердять раки, кабы пердѣли, такъ давно бы воду нагрѣли.
— Я. — Я катышко, а ты орѣшко, не хочешь ли моего г... шка?
— Охъ! — вздохни, да охни, по одною все сохни!
— Гдѣ жена? — Корова сожрала.
— Для чего? — Для дурацкаго спросу.
— Когда? — На ту осень, годовъ черезъ восемь. — Послѣ дождичка въ четвергъ.
— Дай мнѣ горошку — Побѣгай по дорожкѣ, такъ и дамъ тебѣ горошку.
— Я... — Свинья.
— Холодно. — Холодно, такъ лучше не оводно.
— Последнюю рюмку пью. — Последняя у попа жена бываетъ
— Не боюсь. — Не бойся да берегись.
— Ты брюхата? — И муха не безъ брюха.
— Мнѣ тошно. — Точно такъ блюй.
— Мнѣ кажется. — Кажется, такъ перекрестись.
— Жарко. — Кого тебѣ жалко?
— Какъ дѣла? — Какъ сажа бѣла.
— Лѣшій. — Красноплѣшій.
— Дай пирошка. — Незагвута рожка.
— Молчать — Молчать пока ноги торчать.
— Нашишу. — Пиши на пѣши.
— Бары. — Бары! по грошу чара.
— Пожалуй. — Пожалуй не жалуй, хоть вѣкъ не приходи.
— Хочется. — На хотѣнье есть терпѣнье.
— Кабы я былъ на твоёмъ мѣстѣ... — Кабы, кабы!.. кабы не плѣшь, такъ и не голо бы было.
— Всѣ. — Объ овсѣ и поминки всѣ.
— Читалъ книжку. — Роздвижку, въ волосаномъ переилетѣ.
— Такъ. — Такъ то и чирей на ж... ѣ не сидеть.
— Онъ уменъ. — Уменъ, какъ пошъ Семень: книги продалъ, а карты купилъ.
— Лучше. — Съ лучкомъ.
— Ты самъ — то что дѣлаешь? — Самъ — отъ съ усамъ, а ты — то съ бородой.
— Онъ совсѣмъ святой. — Святой! съ криночки святой!
— У меня болить животъ. — Животъ на животъ такъ сразу заживетъ.
— Брюхо у меня болить. — Брюхо болить, на вракуху глядять.
— Гдѣ онъ. — На немъ волки с... ь уѣхали.
— Гдѣ былъ ты? — Гдѣ былъ тамъ ужъ нѣту. — Гдѣ былъ, такъ отсюда не видно.
— Тебѣ стыдно. — Стыдъ не дымъ, глазъ не выѣсть.
— У меня болить бокъ. — Болить бокъ, девятый годъ, не знаю, которое мѣсто.
— Болить у меня голова. — Болить голова, обрить её до гола, отпарить паромъ, облить варомъ, сдѣлать проложъ хорошимъ воломъ, выпустить фунта два крови и намазать ею брови — тогда и болѣть перестанетъ.
— Иди прямо. — Прямо-то только одинъ воронъ летаетъ.
— Дай пивца. — Объягнилась овца.
— Дай кваску. — Пьешь и воду, не барскаго роду.
— Мой. — Твой отъ одинъ носъ на рылѣ.
— Покуримъ. — Покуримъ, да потомъ и потуримъ.
— Мало. — За мало то и кошку драли.
— А? Ворона вума! Про глухого пошъ двухъ обѣденъ не служить.
— Ну? — Ну — то не ѣдетъ, тирю — то не везетъ.
— Знаю. — Зналъ твой дѣдъ, да съ тѣмъ и померъ. — Знаешь ли ты у галки сивалку. — Знаешь ли ты, — на чомъ свинья хвостъ свой носать?

- Сволочь ты.—Сволочь-то царю помочь.
Наплевать.—Не пийся, лучше куричьяго г... а наклюйся.
— Нас . . ты.—С . . и да лобъ мажь, такъ и будешь полъ нашъ.
— Хлѣбъ да соль.—Въ хлѣбъ зашелъ, такъ другою ищи.
— Сувинь сынъ.—Сумки шиль.
— Для чего?—Для дурацкаго спросу.
— Откуда ты?—Изъ тѣхъ мѣстъ, откуда и ты лѣзь.
— Приятнаго сна.—Цѣловать козла.
— Спокойной ночи.—Пер . . ты тебѣ до полуночи.
— Кто?—Ктокало воронье.
— Какъ зовуть?—Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой.—Зовутъ лѣтомъ—то Физарегомъ, а зимой то—Кузьмой.
— Который часть?—Яшный квасъ.
— Которая минута?—И ковшикъ тута.
— Которая четверть?—Извольте черпать.
— Бери грошъ.—На грошъ не много натрешь, а пожалуй убѣжишь въ рошъ.
— Миѣ это подарить?—Подарить то уѣхалъ въ Парижъ, а остался одинъ купишь.
— Дай даромъ.—Подъ амбаромъ.
— Дай въ долгъ.—Какой волкъ?
— Какъ дѣла?—Даромъ дала.

Крестьянскія прозвища, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

- «Ежона мышъ». Мужикъ получилъ такое прозвище отъ своей поговорки: ежона мышъ . .
«Малина въ ротъ». Тоже.
«Жопъ-шанъ». Тоже.
«Сазанъ». Прозвище такое получилъ крестьянинъ вслѣдствіе того, что на базарѣ разъ онь укралъ сазана и былъ затѣмъ пойманъ съ личнымъ.
Клейнка. Крестьянинъ попытался разъ украсть въ лавкѣ клейнку, но кража не удалась и его въ насмѣшку стали звать клейнкой.
Скоробогатыи. Дано такое прозвище крестьянину за его постоянное хвастовство.
Тараканъ. Прозванъ такъ крестьянинъ за черныи цвѣтъ своихъ волосъ.
Бобёръ. Тоже самое.
«Шапка золота». Дано такое прозвище крестьянину за то, что онь въ разговорѣ часто употреблялъ поговорку: «шапка золота».
Бѣлоусъ. Крестьянинъ былъ прозванъ такъ за бѣлыи цвѣтъ своихъ волосъ.
Баданъ. Крестьянинъ получилъ такое прозвище за то, что его картавая жена выговаривала слово «баранъ»—«баданъ».
Рѣзаныи. Прозвище дано за то, что крестьянинъ на покосѣ обрѣзалъ себѣ богою нижнюю часть лица.
Жоганъ.
Калёныи. За рыжіи цвѣтъ волосъ.
Солёныи.
Мокрица. Прозвище даво за невзрачную наружность мужика.
Костеря. Въ дѣтствѣ мальчишки дразнили мужика костерей, прозвище это такъ и осталось за нимъ на всю жизнь.
Кислое молоко. Дано прозвище по тому, что крестьянинъ никогда не ѣлъ кислаго молока.
Рязанецъ. Крестьянинъ, носившій это прозвище,—переселенецъ изъ Рязанской губерніи.
Кипарисъ. Дано прозвище при такихъ же условіяхъ, какъ и прозвище «Кислое молоко».

Коровья кума. Крестьянка получила такое прозвище за то, что она помогала сосѣдямъ въ такихъ случаяхъ, когда корова долго не можетъ разродиться телянкомъ.

Корзина.

Воробей.

Вагоръ.

Шукаль. Однажды ястребъ унесъ курицу. Пронсшествіе это видѣлъ крестьянскій мальчикъ. Его стали бранить за то, что онъ не гонялъ ястреба. Мальчикъ сталъ оправдываться, говоря: «я шукаль, шукаль его». Слово «шукаль» показалось забавнымъ и мальчишка прозвалъ, шукаль». Прозвище это осталось за нимъ на всю жизнь.

Коть.

Рѣзанъ. Дано прозвище за то, что крестьянинъ занимался рѣзкою соломы.

Моржуха.

Маленькій. Прозвище дано за маленькій ростъ владѣльца.

Высокая. Дѣвушка получила такое прозвище за свой высокій ростъ.

Заплеснѣвѣлая. Дѣвушка получила такое прозвище за свою невзрачную наружность и застѣнчивый характеръ.

Телепанка. Прозвище дано женщинѣ за то, что она уроженка мѣстности «Телепшина».

Косоротый. Прозвище дано за то, что крестьянинъ носитъ немного ротъ.

Махала.

Утичій носокъ. Женщина прозвана такъ за складъ своего носа.

Толстопузы. Прозванъ за тучность.

Сотникъ Логанъ. Крестьянинъ Логинъ былъ ополченцемъ во время крымской войны и командовалъ сотней, за что и прозванъ былъ «сотникомъ».

Монахъ. Прозванъ былъ за то, что всегда держался вдали отъ женскаго полу

Кривой. За физическій недостатокъ.

Безпалый. На правой рукѣ у мужика не было одного пальца.

Косой. За физическій недостатокъ.

Рыжий. За цвѣтъ волосъ.

Цыганъ. За смуглый цвѣтъ лица и волосъ.

Уголь.

Кряжъ. За неповоротливость.

Паторы. Одинъ мальчикъ ходилъ по міру. Его и спросили: много ли васъ у матки ребятишекъ. «Патора», (т. е. пятеро) отвѣчалъ мальчуганъ. Благодаря такому отвѣту, вся семья стала прозываться «паторами».

Матушкинъ. На вопросъ: «Чей ты мальчикъ»? мальчуганъ отвѣчалъ: «матушкинъ». Съ тѣхъ поръ его стали звать въ насмѣшку «матушкинъ». Прозвище это такъ и осталось за нимъ на всю жизнь.

Нѣмко. За физическій недостатокъ (нѣмой).

Гарнизъ. Служилъ въ мѣстномъ гарнизонѣ.

Ковалиха. Вдова послѣ умершаго кузнеца (ковала).

Мѣдничиха. Дочь мѣдника, продолжающая работу отца.

Барабанщица. Вдова мѣщанина, служившаго ранѣе барабанщикомъ въ мѣстномъ гарнизонѣ.

Прянишница. По профессіи.

Кадошница. Тоже.

Полячка. Носившая это прозвище дѣйствительно была полячка, вышедшая замужъ за русскаго.

Толстая.

Восковая. За цвѣтъ лица.

Безструнная.

Юнышко. Такъ прозвана одна дурочка, за часто повторяемый ею возгласъ «юнышко».

Баронъ.

Кучумъ.

Штaрь.

Дрозжa.

Корёгa.

Пуговкa.

Чинный.

Пепкo.

Бобылъ.

Волкъ.

Кривоножка. За физическій недостатокъ.

Капаручкa. Владѣлецъ прозвища имѣеть атрофированную правую руку.

Сахарная зад..ца. За походку.

Трясогузка. Тоже.

Стальной носъ.

Виржкъ.

Валандa.

Сообщилъ *А. Баловъ.*

. Piv'esne ludu slovenského. Vydáva Museálna slovenska spoločnosť.	274
. Научное изъучеіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять (1886—1896 гт.). П. Владимірова.	—
. Пятидесятилѣтіе „Мыслей объ исторіи русскаго языка“. (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Его же .	274—275
. Бижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Пономарева	275
. В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературные замѣтки и матеріалы.	—
. Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Состав. Э. Берендтсъ	—
. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich Von prof. Kaindl.	275—276
. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріяли до українсько-руської етнології, виданнє етнографичної комисні за редакцією Хв. Вовка.	276
. Записки наукового товариства імени Шевченка під редакцією М. Грушевського. Г. И.	—

Отдѣлъ IV.

С м ѣ с ь.

. Матеріяли по народному языку, собранные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Сообщилъ А. Баловъ . . .	277
--	-----